

ISSN 2524-0285

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

*Основан
в 1997 году*

Серия Б
**Гуманитарные
науки**

2/2026

**Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.
Серия Б: Гуманитарные науки»**

Ответственный редактор – д-р филос. наук, проф. **Н.Н. Емельянова**.

Заместитель ответственного редактора – д-р пед. наук, доц. **Д.А. Чернышев**.

Ответственный секретарь – канд. ист. наук, доц. **В.В. Разумный**.

Члены редколлегии: д-р ист. наук, доц. **В.Л. Агапов**, д-р ист. наук, проф. **А.В. Бредихин**, д-р филос. наук, доц. **В.В. Волошин**, д-р ист. наук, проф. **А.А. Выборнов** (Самарский государственный социально-педагогический университет), д-р филос. наук, проф. **Г.В. Гребеньков** (Донецкая государственная музыкальная академия им. С.С. Прокофьева), д-р пед. наук, проф. **А.И. Дзундза**, д-р пед. наук, проф. **Е.Г. Евсеева**, д-р филос. наук, проф. **Е.А. Капичина** (Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского), д-р ист. наук, проф. **А.В. Кияшко** (Южный Федеральный университет), д-р ист. наук, доц. **А.В. Колесник**, д-р пед. наук, проф. **М.Г. Коляда**, д-р ист. наук, проф. **Е.Ф. Кринко** (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН), д-р ист. наук, доц. **Д.С. Крысенко** (Луганский государственный аграрный университет им. К.Е. Ворошилова), д-р ист. наук, доц. **А.И. Минаев** (Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина), д-р филос. наук, проф. **Д.Е. Муза**, д-р ист. наук, проф. **Г.Р. Наумова** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р филос. наук, доц. **Т.Э. Рагозина** (Донецкий национальный технический университет), д-р пед. наук, проф. **Е.И. Скафа**, д-р пед. наук, проф. **О.Ф. Турянская** (Луганский государственный педагогический университет), д-р ист. наук, доц. **Л.Г. Шепко**.

**Editorial Board of the journal “Bulletin of Donetsk National University.
Series B: Humanities”**

Editor-in-Chief – Doctor of Philosophy, Prof. **N.N. Yemelianova**.

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Pedagogy, Docent **D.A. Chernyshev**.

Executive Secretary – Candidate of History, Docent **V.V. Razumnyi**.

Members of the Editorial Board: Doctor of History, Docent **V.L. Agapov**, Doctor of History, Prof. **A.V. Bredikhin**, Doctor of Philosophy, Docent **V.V. Voloshin**, Doctor of History, Prof. **A.A. Vybornov** (Samara State Socio-Pedagogical University), Doctor of Philosophy, Prof. **G.V. Grebenkov** (Donetsk state Prokofiev musical academy), Doctor of Pedagogy, Prof. **A.I. Dzundza**, Doctor of Pedagogy, Prof. **Ye.G. Yevseeva**, Doctor of Philosophy, Prof. **E.A. Kapichina** (Lugansk State Academy of Culture and Arts), Doctor of History, Prof. **A.V. Kiyashko** (Southern Federal University), Doctor of History, Docent **A.V. Kolesnick**, Doctor of Pedagogy, Prof. **M.G. Kolyada**, Doctor of History, Prof. **Ye.F. Krinko** (Institute for Socio-Economic and Humanities Research, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences), Doctor of History, Docent **D.S. Krysenko** (Luhansk Voroshilov State Agricultural University), Doctor of History, Docent **A.I. Minaev** (Ryazan State University), Doctor of Philosophy, Prof. **D.Ye. Muza**, Doctor of History, Prof. **G.R. Naumova** (Lomonosov Moscow State University), Doctor of Pedagogy, Doctor of Philosophy, Docent **T.E. Ragozina** (Donetsk National Technical University), Prof. **Ye.I. Skafa**, Doctor of Pedagogy, Prof. **O.F. Turyanskaya** (Luhansk State Pedagogical University), Doctor of History, Docent **L.G. Shepko**.

Адрес редакции: ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк, ДНР, РФ.

Тел: +7(856) 302-92-33

E-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru

URL: <http://donnu.ru/vestnikB>

С 01.10.2024 г. научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК РФ) по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки),
- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки),
- 5.6.3. Археология (исторические науки),
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки),
- 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки),
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки).

*Печатается по решению Учёного совета ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».
Протокол № 13 от 26.06.2026 г.*

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Б: Гуманитарные науки

№ 2/2026

СОДЕРЖАНИЕ

История

- Бредихин А.В., Скопылатова В.И.* Трансформация ирландского республиканизма: от военизированных формирований к политическим партиям 5
- Колесник А.В., Климова К.И., Полякова О.А.* Эволюция взглядов на ружейные кремневые замки и ружейные кремни из восточноевропейских фортов и крепостей XVI–XVIII вв. 14
- Разумная Н.Н.* Циркуляры по таможенному ведомству как юридическая основа в борьбе с контрабандой в России в 1914–1917 гг. 24
- Старченко Н.Н.* «Сладкое» послевоенное возрождение: возвращение к традиции производства и потребления сладостей (на примере города Сталино 1943–1953 гг.) 33

Философия

- Волошин В.В.* Глобализация в фокусе научной объективности 41
- Клименко А.Б.* Донбасс: идентичность в пространстве социальных противоречий 53
- Крысенко Д.С., Любчик О.Ю.* Основные положения концепции Н. Я. Данилевского 62
- Лустин Ю.М.* Социальный идеал и деятельность человека в трансформационной парадигме философского дискурса 71
- Шайдулин Р.И.* От евразийства к неоевразийству: особенности эволюции дискурса 81

Педагогика

<i>Игнатенко Г.А., Жиляев Р.А., Лемак В.В., Шеменова А.С.</i> Алгоритм вовлечения студентов первого курса медицинского университета во внеучебную деятельность	92
<i>Грицкова Н.В.</i> Региональный методический контекст как ресурс формирования ценностного отношения к деятельности учителя иностранных языков (на материале Луганской Народной Республики)	104
<i>Гумерова Е.И., Вайнштейн Ю.В.</i> Выявление ролевых предпочтений обучающихся в инженерно-ориентированных математических проектах	114
<i>Коваль Н.Н., Романенко Ю.А.</i> Совершенствование профессиональных компетенций учителей химии в области развития учебно-исследовательских умений обучающихся	122
<i>Приходченко Е.И.</i> Развитие ассертивности как необходимого навыка выпускников высшей школы	131
<i>Сирота Т.А.</i> Методологические подходы для развития общепрофессионального умения работать с информацией на иностранном языке	136
<i>Скафа Е.И., Веселовская А.С.</i> Дидактический потенциал комиксов как визуально-нарративных элементов цифровых образовательных ресурсов по планиметрии	145
Правила для авторов	156

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

Series B: Humanities

No 2/2026

CONTENTS

History

- Bredikhin A.V., Skopylatova V.I.* The transformation of Irish Republicanism: from paramilitary formations to political parties 5
- Kolesnik A.V., Klimova K.I., Polyakova O.A.* The evolution of views on rifle flintlocks and rifle flints from Eastern European forts and fortresses of the XVI–XVIII 14
- Razumnaya N.N.* Circulars on the customs department as a legal basis in the fight against smuggling in Russia in 1914–1917 24
- Starchenko N.N.* The “sweet” post-war revival: return to the tradition of sweet food production and consumption (based on the city of Stalino, 1943–1953) 33

Philosophy

- Voloshin V.V.* Globalization in the focus of scientific objectivity 41
- Klimenko A.B.* Donbass: identity in the space of social contradictions 53
- Krysenko D.S., Lyubchik O.Y.* Basic provisions of the concept of N.Y. Danilevsky 62
- Lustin Yu.M.* Social ideal and human activity in the transformational paradigm of philosophical discourse 71
- Shaidulin R.I.* From eurasianism to neo-eurasianism: features of the evolution of discourse 81

Pedagogy

<i>Ignatenko G. A., Zhilyaev R.A., Lemak V.V., Shemenева A.S.</i> Algorithm for involving first-year medical university students in extracurricular activities	92
<i>Gritskova N.V.</i> Regional methodological context as a resource for forming a value-based attitude towards the foreign language teachers' activity (based on the material of the Lugansk People's Republic)	104
<i>Gumerova E.I., Vainshtein Yu.V.</i> Identifying students' role preferences in engineering-oriented mathematical projects	114
<i>Prikhodchenko K.I.</i> The development of assertiveness as a self-affirming life position of graduates of higher education	122
<i>Koval N. N., Romanenko U. A.</i> Enhancement of the professional competencies of chemistry teachers in developing students' research-based learning skills	131
<i>Sirota T.A.</i> Methodological approaches for developing general professional skills in working with information in a foreign language	136
<i>Skafa E.I., Veselovskaya A.S.</i> Didactic potential of comics as visual and narrative elements of digital educational resources in planimetry	145
Guidelines for authors	156

ИСТОРИЯ

УДК 94(415) + 323.1

DOI: 10.5281/zenodo.21345847

EDN: EYYUWO

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИРЛАНДСКОГО РЕСПУБЛИКАНИЗМА: ОТ ВОЕНИЗИРОВАННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ К ПОЛИТИЧЕСКИМ ПАРТИЯМ

© 2026 *А.В. Бредихин, В.И. Скопылатова*

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

Статья посвящена анализу эволюции ирландского республиканизма – от опоры на военизированные методы борьбы к участию в политическом процессе. Исследуются организационная структура, стратегии и тактики Временной ИРА и ИНЛА, ключевые события (убийство Эри Нива, голодовки 1980–1981 годов, внутриреспубликанские конфликты), а также процесс политизации республиканского движения, заложивший основу для последующего мирного процесса.

Ключевые слова: Северная Ирландия, «Смутные времена», республиканские военизированные формирования, Временная ИРА, ИНЛА, вооружённый конфликт, стратегия «долгой войны», эскалация насилия, политизация.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления феномена трансформации военно-политических движений в условиях длительного конфликта и бесконечных попыток его урегулирования. Ирландский республиканизм представляет собой уникальное движение, в котором длительная вооружённая борьба, олицетворением которой стала концепция «длинной войны» не только не привела к уничтожению движения, но и создала предпосылки для его институционализации и последующего политического доминирования в рамках мирного процесса («длинного мира»). Расколы в Ирландской Республиканской Армии, традиционно воспринимавшиеся как симптом кризиса и ослабления, в ретроспективе обнаруживают свою двойственную природу: они выступали механизмом трансформации радикального крыла, позволяя политическому крылу ИРА – Шинн Фейн, постепенно наращивать легальное влияние. Анализ данного опыта актуален для изучения современных этнополитических конфликтов, где вопрос о легитимности бывших вооружённых акторов и конвертации насилия в политическое влияние остается центральным.

Период 1979–1990 годов занимает особое место в истории ольстерского конфликта («Смутные времена», The Troubles). Это время наивысшей эскалации насилия, качественной трансформации республиканского движения и начала его постепенного сдвига в сторону политического урегулирования. Изучение республиканских военизированных формирований в этот период позволяет понять механизмы адаптации вооружённых групп к меняющимся условиям, их внутреннюю динамику и предпосылки последующего включения в мирный процесс.

Целью настоящей статьи является выявление механизмов трансформации вооружённого сопротивления ирландского республиканизма в политический капитал Шинн Фейн, рассматриваемых сквозь призму внутренних расколов в ИРА.

В зарубежной историографии проблеме посвящены фундаментальные труды Р. Инглиша «Вооружённая борьба: история Ирландской республиканской армии» – автор

описывает раскол в рядах Ирландской республиканской армии, в результате которого возникла Временная ИРА. Среди рассматриваемых им событий – введение в 1971 г. интернирования без суда и «Кровавое воскресенье» 1972 г. В работе проанализирована история борьбы за предоставление политического статуса заключенным, достигшей апогея в голодовках начала 1980-х., а так же процесс постепенного превращения Временной ИРА в силу, все более активно действующую на политической арене. Р. Инглиш приходит к выводу, что такая политизация движения впоследствии создала основу для мирного процесса, который получил развитие в последующие десять лет [3].

Труд Эда Молони «Тайная история ИРА» представляет собой фундаментальное историческое исследование, посвященное деятельности Ирландской республиканской армии и ее влиянию на политическую ситуацию в Великобритании и Ирландии. В центре повествования находится беспрецедентная по длительности и жестокости кампания террора, развернувшаяся на территории Европы. Автор подробно исследует роль ключевого фигуранта этих событий – Джерри Адамса, чья личность стала символом противоречий: от организатора кровавых атак до проводника мирного процесса. Автор не только анализирует военные и политические аспекты конфликта, но и поднимает важнейший вопрос о трансформации радикального лидера в фигуру мирного урегулирования. Книга охватывает период от начала конфликта до 2007 года, включая анализ сложившейся непростой ситуации мирного урегулирования [8]. Также интерес представляет работа Тима Пэта Кугана «Смута: тяжелое испытание Ирландии и поиски мира» в которой автор рассматривает причины, последствия и различные аспекты тридцатилетнего противостояния в Северной Ирландии. Куган охватывает все этапы конфликта, от Кровавого воскресенья 1972 г. до голодной забастовки Бобби Сэндса, а так же введение британских сил на улицы Дерри и Белфаста и распространение насилия Ирландской Республиканской Армии на территорию Великобритании и реакция на это британского правительства, его войск и различных союзных организаций [2]. Книга Эндрю Сандерса «За кулисами ИРА» посвящена феномену расколов в ирландском республиканском движении, начиная с его истоков в начале XX века и заканчивая современным периодом. Основной фокус исследования – анализ того, как внутренние разногласия по вопросам стратегии (вооруженная борьба против политической деятельности), идеологии (национализм против социализма) и тактики (абсентеизм против участия в выборах) приводили к постоянным противостояниям и появлению новых организаций, каждая из которых претендовала на звание «истинной» Ирландской республиканской армии (ИРА) [11].

Расколы и противоречия являются неотъемлемой, хотя и деструктивной, частью истории ирландского республиканизма. Традиция расколов восходит к 1914 г., когда Ирландские добровольцы разделились на сторонников и противников участия в Первой мировой войне [11]. Ключевым событием стало Пасхальное восстание 1916 г., которое породило культ мученичества и объединило националистические (Патрик Пирс) и социалистические (Джеймс Коннолли) течения, создав основу для будущих идеологических споров [6]. Последовавшие события, такие как Англо-ирландский договор (1921 г.) и Гражданская война (1922–1923 гг.), оказали значительное влияние на развитие событий как в самой Ирландии так и в Ольстере, который остался в составе Великобритании. Англо-ирландский договор привел к созданию Ирландского Свободного государства и разделу Ирландии, стал главным фактором раскола в республиканском движении. Раскол в Шинн Фейн и ИРА на сторонников договора, а следовательно компромисса и признания парламента и противников договора, т.е. приверженцев полной независимости 32 графств привел к кровопролитной

Гражданской войне. Этот раскол задал главную ось конфликта на десятилетия вперед, спорным являлся вопрос о легитимности парламентов, не представляющих всю Ирландию [5].

Ирландская Республиканская Армия, которая не поддерживала договор о разделе Ирландии и отделение от нее Северной Ирландии, продолжала существовать, но была ослаблена. Появление партии Фианна Фойл во главе с Имоном де Валера в 1926 г. стало попыткой «республиканизировать» Свободное государство изнутри, войдя в парламент, что было воспринято традиционными республиканцами как предательство. В 1930-е гг. внутри ИРА нарастает левое влияние, олицетворением которого стало движение Республиканский конгресс, но попытки объединить социализм и национализм терпят неудачу, и группа раскалывается [12].

Политика нейтралитета Ирландии и сотрудничество части руководства ИРА с нацистской Германией привели к окончательному разрыву между ИРА и правительством де Валеры, которое ввело жесткие законы против республиканцев. В послевоенный период республиканское движение находится в упадке [10].

Первой крупной военной кампанией ИРА после Гражданской войны, нацеленной на Северную Ирландию, стала Пограничная кампания (1956–1962 гг.). Кампания провалилась из-за интернирования (заключения подозреваемых без суда), отсутствия поддержки населения и внутренних разногласий. Именно в этот период появляются фигуры, сыгравшие ключевую роль в расколе 1969–1970 гг.: Кэхал Гулдинг, Шон Макстиофан, Руайри О’Брадайт, Шон Гарленд. Поражение кампании подтолкнуло новое поколение (включая Роя Джонстона) к мысли о необходимости политизации движения и отказа от чистого милитаризма [14].

Окончательный раскол движения произошел в 1969–1970 гг. После провала Пограничной кампании новым руководителем штаба ИРА становится Кэхал Гулдинг. Он начинает процесс пересмотра стратегии, известный как «теория стадий». Суть ее заключалась в отказе от чистого милитаризма, переходе к социально-экономической агитации и создании единого фронта посредством борьбы за гражданские права. Возникает конфликт между двумя лагерями. «Политики» (Гулдинг, Рой Джонстон) выступают за социалистический анализ и политическую борьбу. «Милитаристы» (Шон Макстиофан, Джо Кэхилл, Руайри О’Брадайт) верят в традиционную вооруженную борьбу как главное средство достижения цели. Макстиофан, несмотря на назначение на руководящую роль на севере, остается убежденным сторонником силовых методов [4].

Практика абсентеизма проявлялась в попытках Гулдинга отменить политику отказа от участия в выборах в парламенты Дублина, Белфаста и Лондона. Традиционалисты, в лице О’Брадайтга, президента Шин Фейн, а позже основателя партии «Республиканский Шин Фейн», видели в этом предательство принципов парламентаризма. Традиционалисты, многие из которых были набожными католиками, опасались слишком сильного влияния на их движения социализма.

Возникновение Ассоциации за гражданские права Северной Ирландии (NICRA) было воспринято левым руководством Гулдинга как инструмент для реализации своей стратегии. Однако активное участие республиканцев в движении и радикальные действия группы Народная демократия (People's Democracy), такие как, марш на Бернтоллет, привели к эскалации напряженности и спровоцировали жесткую реакцию лоялистов и полиции.

Окончательный раскол в движении произошел в августе 1969 г. вследствие нападения лоялистов на католические кварталы Белфаста, что выявило полную неспособность руководства ИРА защитить общину. Для милитаристов это стало

последней каплей, они пришли к выводу, что руководство предало северных националистов. Неспособность защитить общину, а также попытки отменить абсентеизм и «левый уклон» привели к выходу недовольных из состава движения. В декабре 1969 г. был сформирован Временный (Provisional) Армейский совет, а в январе 1970 г. на съезде Шинн Фейн произошел официальный раскол, в результате которого появились «Временные» (Провизори) и «Официальные» (Официалы) республиканцы [4].

Раскол движения стал еще более острым в 1970-е гг., поскольку противостояние в провинции вышло на новый уровень насилия. Временная ИРА (ВИРА) быстро стала главной силой, позиционируя себя как защитница католических общин, поводом для таких заявлений стала успешная оборона Шорт-Странд в 1970 г. Интернирование подозреваемых в причастности к республиканскому движению в 1971 г. и особенно «Кровавое воскресенье» в 1972 г. стали мощнейшими катализаторами роста популярности ВИРА, а также пополнения ее рядов. ВИРА развернула активную военную кампанию, кульминацией которой стала «Кровавая пятница» 1972 г., серия терактов ВИРА в Белфасте, в результате которых прогремело 20 взрывов и погибло 9 человек, было ранено более 130 человек. В середине 1970-х гг. происходит смена руководства движения, поводом к этому стало безуспешное перемирие 1975 г., которое дискредитировало прежнее руководство (О'Брадайт, О'Конайлл), и власть переходит к более молодым и политически ориентированным деятелям из Белфаста – Джерри Адамсу и Айвору Беллу. Это ознаменовало начало постепенного поворота к политике.

Официальная ИРА (ОИРА) пытается совмещать социалистическую риторику с ограниченными военными действиями. В 1972 г. ОИРА объявляет прекращение огня, чтобы сосредоточиться на политической работе. Однако милитаристское крыло внутри Официального движения не согласно с этим курсом. В 1974 г. Шеймус Костелло, ветеран Пограничной кампании, создает Ирландскую республиканскую социалистическую партию (ИРСП) и ее вооруженное крыло – Ирландскую национально-освободительную армию (ИНОА). Это приводит к жестокой междоусобной войне между ОИРА и ИНОА, в ходе которой погибают видные деятели с обеих сторон, включая лидера Официальной ИРА в Белфасте – Билли Макмиллена. Убийство Шеймуса Костелло представителями ОИРА в 1977 г. наносит серьезный удар по ИРСП (ИНОА) [8].

Сложно складывались отношения республиканского движения с протестантскими рабочими. Оба крыла республиканцев пытались обращаться к протестантскому рабочему классу на основе классовой солидарности, но это оказалось безуспешным. Спорадическое насилие, исходившее от обеих сторон, углубляло пропасть между общинами, а эскалация насилия ВИРА сводила на нет все попытки диалога.

Влияние на ситуацию в провинции оказывали не только непосредственные участники конфликта, но и ирландская диаспора в США. После раскола 1969–1970 гг. Майкл Фланнери и другие ветераны создают Ирландский комитет северной помощи (ИКСП). Его официальная цель – гуманитарная помощь, но значительная часть средств шла на закупку оружия для Временной ИРА. Ключевым связным и оружейным бароном был Джордж Харрисон [15].

Важную роль в формировании общественного мнения играли СМИ ирландской диаспоры (газета «The Irish People»), проводя исторические параллели о том, что 800 лет британского правления в Ирландии превратились в угнетение и как следствие вылились в борьбу за независимость, жесткой критике подвергались британские силы безопасности, в частности «Кровавое воскресенье» (1972 г.) и политика интернирования вызвали мощную волну поддержки и пожертвований.

Республиканское движение получало мощную политическую поддержку в США. Сенатор Эдвард Кеннеди и спикер Палаты представителей Тип О'Нил, первоначально критиковавшие британскую политику, под влиянием Джона Хьюма эволюционировали к более конституционной и анти-насиельственной позиции. Это привело к расколу в ирландской Америке, что привело к тому, что ИКСП, под руководством Мартина Гальвина, пошел по пути поддержки политического курса Джерри Адамса, в то время как традиционалисты (Фланнери, Харрисон) создали более радикальные группы. Республиканцам приходилось тщательно завуалировать свои социалистические идеи в США, чтобы не отпугивать консервативную ирландскую диаспору в условиях Холодной войны [15].

Политика криминализации представителей республиканского движения проводимая британским правительством вылилась в тюремный протест. В 1972 г. заключенные-республиканцы в Северной Ирландии получили статус особой категории (special category status), что фактически означало признание их политическими заключенными. Однако доклад Гардинера (1975 г.) рекомендовал отменить этот статус. 4 ноября 1975 г. министр по делам Северной Ирландии Мерлин Рис объявил, что с 1 марта 1976 г. заключенные, осужденные за преступления, будут считаться обычными уголовниками. Их должны были размещать в новых камерах тюрьмы Лонг-Кеш (официально – тюрьма Ее Величества Мэйз) в так называемых Н-блоках (N-Blocks), названных так из-за формы зданий.

Первым, кто отказался подчиниться новому режим, стал Киран Ньюджент. В сентябре 1976 г. он отказался надеть тюремную форму, заявив, что он не преступник, а политический заключенный. В качестве альтернативы он укрывался одеялом, которое ему выдали в камере. Так начался «одеяльный протест» (blanket protest). За отказ подчиняться правилам заключенные лишались многих привилегий: права на телевизор, радио, книги (им оставляли только Библию), переписку и условно-досрочное освобождение. Они были заперты в своих камерах 24 часа в сутки.

Весной 1978 г. протест перешел в новую фазу. Заключенные начали «грязный протест» (no-wash, dirty protest). Они отказывались покидать камеры для мытья, так как администрация отказывалась выдавать им второе полотенце (первое использовалось для прикрытия наготы). Тюремная война достигла апогея.

К 1980 г. в Лонг-Кеш находилось более 1 300 заключенных, из которых более 800 были республиканцами, а более 300 участвовали в «грязном протесте». Заключенные, исчерпав все другие средства, решили прибегнуть к голодовке. 10 октября 1980 г. они объявили, что начнут голодовку 27 октября. Во главе первой голодовки встал Брендан Хьюз (Брендан «Темный»), опытный боец ИРА из Белфаста. К нему присоединились шесть других заключенных ИРА и один из ИНЛА.

Голодающие выдвинули пять требований: право носить собственную одежду; право не выполнять тюремную работу; право на свободное общение с другими заключенными; право на условно-досрочное освобождение; право на нормальные посещения, посылки, а также на образовательные и рекреационные мероприятия.

К 1 декабря к голодовке присоединились три женщины из тюрьмы Арма, а к 15 декабря – ещё 23 заключенных из Мэйза. Кризис наступил 18 декабря, когда один из голодающих, Шон Маккенна, находился при смерти. Брендан Хьюз, отрезанный от связи с внешним руководством, узнал, что британцы сделали некое предложение. Опасаясь смерти товарища, он отдал приказ о прекращении голодовки. Заключенные прекратили голодовку на 53-й день, полагая, что их требования были удовлетворены. Однако вскоре выяснилось, что обещанные уступки не были реализованы в полном

объеме. Заключение почувствовали себя обманутыми. Это создало почву для второй, более трагической голодовки.

4 февраля 1981 г. республиканские заключенные объявили о намерении начать вторую голодовку, на этот раз «до смерти, если потребуется». Она началась 1 марта 1981 г. – в пятую годовщину отмены особого статуса. Лидером голодовки стал Бобби Сэндс. Смерть независимого депутата парламента Фрэнка Магуайра в марте 1981 г. привела к дополнительным выборам в округе Фермана и Южный Тирон. Руководство ИРА и Шинн Фейн приняло рискованное решение выдвинуть кандидатуру Бобби Сэндса на внеочередных выборах. 9 апреля 1981 г. Сэндс был избран в Палату общин, победив кандидата от Ольстерской юнионистской партии. Это стало политическим шоком для британского правительства.

Несмотря на это, премьер-министр Маргарет Тэтчер отказалась идти на уступки. 5 мая 1981 г., на 66-й день голодовки, Бобби Сэндс умер. Его похороны в Белфасте собрали 100 000 человек. Вслед за ним в течение лета умерли еще девять голодающих: Фрэнсис Хьюз (12 мая), Рэймонд Маккриш и Пэтси О'Хара (21 мая), Джо Макдоннелл (8 июля), Мартин Хёрсон (13 июля), Кевин Линч (1 августа), Киран Доэрти (2 августа), Томас Макэлви (8 августа) и Мики Дивайн (20 августа) [3].

Последствия голодовки заключенных 1981 г. были значительными. Избрание Бобби Сэндса в британский парламент во время голодовки стало колоссальным политическим и пропагандистским успехом для ВИРА. Этот успех убедил руководство в силе политического пути. Однако в 2005 г. бывший заключенный Ричард О'Рау в книге «Blanketmen» выдвинул сенсационное обвинение: Джерри Адамс сознательно затягивал голодовку, позволяя умирать бойцам, чтобы максимизировать политические дивиденды, и отклонил предложение британцев о компромиссе [9].

На волне поддержки голодающих Шинн Фейн начинает добиваться серьезных электоральных успехов. В 1983 г. Джерри Адамс становится президентом Шинн Фейн. Это знаменует окончательный переход руководства к политической стратегии и оттеснение старого поколения [9].

Очередной раскол в движении произошел в 1986 г. Поводом для раскола стали попытки Адамса добиться отмены политики абсентеизма (отказа от мест в парламенте Ирландии) на съезде Шинн Фейн. Руайри О'Брадаг и его сторонники покидают партию и основывают Республиканский Шинн Фейн (РШФ), из которого позже выделяется вооруженное крыло – «Непрерывная» ИРА (НИРА) [3].

На фоне этих событий ОИРА продолжала свою политическую эволюцию, превращаясь в Рабочую партию и добиваясь успеха в ирландской политике. ИНОА, хотя и принимала участие в голодовке и получила поддержку сторонников, страдает от внутренних раздоров, информаторов и расколов, одним из которых стало выделение из ИНОА Ирландской народно-освободительной организации (ИНОО) в 1986 г. Репутация ИНОА страдает из-за беспорядочного насилия и терактов.

Поддержка республиканизма Соединенными Штатами Америки усилилась в ходе тюремной кампании. Голодовка 1981 г. вызвала новую волну сочувствия и пожертвований в США. Образ Бобби Сэндса стал мощным пропагандистским инструментом. Под влиянием таких политиков как Кеннеди и О'Нил, а также президента Рональда Рейгана, ирландская диаспора Америки отходит от поддержки насилия. Создание группы «Друзья Ирландии» в Конгрессе усиливает это течение. Однако раскол республиканизма в Ирландии дублируется в США: ИКСП поддерживает курс Адамса, а традиционалисты (Фланнери) переходят на сторону РШФ.

Исходя из выше сказанного, мы можем прийти к следующим выводам. Трансформация стратегии республиканского движения заключается в переходе от «стратегии долгой войны» к постепенной политизации. Ключевым механизмом этого перехода стали внутренние расколы в ИРА, которые, вопреки видимости ослабления, позволили политическому крылу движения (Шинн Фейн) наращивать легальное влияние. Расколы в ирландском республиканизме – это не просто кризисные явления, а механизмы адаптации, они позволяли радикальному крылу сохранять боевой потенциал; давали политическому крылу возможность дистанцироваться от насилия и вести переговоры; создавали конкуренцию идей и тактик, что в долгосрочной перспективе укрепляло движение. Голодовки 1980–1981 гг. стали поворотным моментом. Избрание Бобби Сэндса в британский парламент во время голодовки продемонстрировало эффективность политического инструментария и убедило руководство Временной ИРА в необходимости смены стратегии. Значимую роль на трансформацию республиканского движения оказало влияние внешних факторов. Поддержка ирландской диаспоры в США, в основном через ИКСП и другие каналы, играла значительную роль, но её характер менялся: от финансирования вооружённой борьбы к поддержке политического процесса под влиянием политиков вроде Эдварда Кеннеди и Типа О’Нила. Временная ИРА (ВИРА) стала доминирующей силой, позиционируя себя защитницей католических общин. Официальная ИРА (ОИРА) эволюционировала в Рабочую партию, добиваясь успеха в ирландской политике. ИНОА (INLA) страдала от внутренних конфликтов и не смогла добиться устойчивого влияния. К концу 1980-х гг. руководство Шинн Фейн (во главе с Джерри Адамсом) окончательно взяло курс на политическое участие, что заложило основу для последующего мирного процесса. Конфликт в Северной Ирландии показал, как вооружённая группа может конвертировать насилие в политический капитал посредством символических акций, таких как голодовки; электоральные успехи (избрание Бобби Сэндса в парламент); стратегическую гибкость (расколы как механизм разделения ролей). Таким образом, глубокая трансформация ирландского республиканизма – от вооружённого подполья к политической партии, способной участвовать в мирном процессе, стала важным этапом на пути мирного урегулирования в Ольстере. Этот опыт остаётся актуальным для анализа современных этнополитических конфликтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bufkin, S. The hunger strike as a biopolitical technology: re-reading the 1981 Irish republican prison protest / S. Bufkin // *Cultural Studies*. – 2024. – [Электронный ресурс]. – URL: - Дата обращения: 28.02.2026.
2. Coogan, T. P. *The Troubles: Ireland’s Ordeal and the Search for Peace* / T. P. Coogan. – London : Hutchinson, 1995. – 589 p.
3. English, R. *Armed Struggle: The History of the IRA* / R. English. – Oxford : Oxford University Press, 2003. – 608 p.
4. Hanley, B., Millar, S. *The Lost Revolution: The Story of the Official IRA and the Workers’ Party* / B. Hanley, S. Millar. – Dublin : Penguin Ireland, 2009. – 336 p.
5. Knirck, J. K. *Imagining Ireland’s Independence: The Debates over the Anglo-Irish Treaty of 1921* / J. K. Knirck. – Lanham, Md. : Rowman & Littlefield Publishers, 2006. – 288 p.
6. Krause, D. Connolly and Pearse: The Triumph of Failure? / D. Krause // *New Hibernia Review* / *Iris Éireannach Nua*. – 1999. – Vol. 3, No. 4. – P. 56–84.
7. McCafferty, S. Strabane’s “Dissident” Socialist Republican Identity: An Alternative Vision Amidst the Dominance of Sinn Féin / S. McCafferty // *Project MUSE*. – 2025. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.academia.edu/72231464/Review_Unfinished_Business_The_Politics_of_Dissident_Irish_Republicanism. – Дата обращения: 01.03.2026.

8. Moloney, E. *A Secret History of the IRA* / E. Moloney. – London : Penguin, 2002. – 768 p.
9. O’Rawe, R. *Blanketmen: An Untold Story of the H-Block Hunger Strike* / R. O’Rawe. – Dublin : New Island, 2005. – 261 p.
10. O’Reilly, T. *Hitler’s Irishmen* / T. O’Reilly. – Dublin : Mercier Press, 2008. – 320 p.
11. Sanders, A. *Inside the IRA: Dissident Republicans and the War for Legitimacy* / A. Sanders. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2011. – 280 p.
12. Shonk, K. L. *Ireland’s New Traditionalists: Fianna Fáil Republicanism and Gender, 1926–1938* / K. L. Shonk. – Cork : Cork University Press, 2021. – 240 p.
13. Smith, M. L. R. *Fighting for Ireland? The Military Strategy of the Irish Republican Movement* / M. L. R. Smith. – London : Routledge, 1997. – 288 p.
14. Treacy, M. *The IRA, 1956–69: Rethinking the Republic* / M. Treacy. – Manchester : Manchester University Press, 2011. – 256 p.
15. Wilson, A. J. *Irish America and the Ulster Conflict, 1968–1995* / A. J. Wilson. – Belfast, 1995. – 322 p.

REFERENCES

1. Bufkin, S. The hunger strike as a biopolitical technology: re-reading the 1981 Irish republican prison protest / S. Bufkin // *Cultural Studies*. - 2024. - [Electronic resource]. – Mode of access: [URL], free (date of access: 28.02.2026).
2. Coogan, T. P. *The Troubles: Ireland’s Ordeal and the Search for Peace* / T. P. Coogan. – London : Hutchinson, 1995. – 589 p.
3. English, R. *Armed Struggle: The History of the IRA* / R. English. – Oxford : Oxford University Press, 2003. – 608 p.
4. Hanley, B. *The Lost Revolution: The Story of the Official IRA and the Workers' Party* / B. Hanley, S. Millar. – Dublin : Penguin Ireland, 2009. – 336 p.
5. Knirck, J. K. *Imagining Ireland’s Independence: The Debates over the Anglo-Irish Treaty of 1921* / J. K. Knirck. – Lanham, Md.: Rowman & Littlefield Publishers, 2006. – 288 p.
6. Krause, D. Connolly and Pearse: The Triumph of Failure? / D. Krause // *New Hibernia Review* / *Iris Éireannach Nua*. – 1999. – Vol. 3, No. 4. – P. 56-84.
7. McCafferty, S. Strabane’s “Dissident” Socialist Republican Identity: An Alternative Vision Amidst the Dominance of Sinn Féin / S. McCafferty // *Project MUSE*. – 2025. – [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.academia.edu/72231464/Review_Unfinished_Business_The_Politics_of_Dissident_Irish_Republicanism, free (date of access: 01.03.2026).
8. Moloney, E. *A Secret History of the IRA* / E. Moloney. – London: Penguin, 2002. – 768 p.
9. O’Rawe, R. *Blanketmen: An Untold Story of the H-Block Hunger Strike* / R. O’Rawe. – Dublin : New Island, 2005. – 261 p.
10. O’Reilly, T. *Hitler’s Irishmen* / T. O’Reilly. – Dublin: Mercier Press, 2008. – 320 p.
11. Sanders, A. *Inside the IRA: Dissident Republicans and the War for Legitimacy* / A. Sanders. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2011. – 280 p.
12. Shonk, K. L. *Ireland’s New Traditionalists: Fianna Fáil Republicanism and Gender, 1926–1938* / K. L. Shonk. – Cork: Cork University Press, 2021. – 240 p.
13. Smith, M. L. R. *Fighting for Ireland? The Military Strategy of the Irish Republican Movement* / M. L. R. Smith. – London: Routledge, 1997. – 288 p.
14. Treacy, M. *The IRA, 1956–69: Rethinking the Republic* / M. Treacy. – Manchester: Manchester University Press, 2011. – 256 p.
15. Wilson, A. J. *Irish America and the Ulster Conflict, 1968–1995* / A. J. Wilson. – Belfast, 1995. – 322 p.

THE TRANSFORMATION OF IRISH REPUBLICANISM: FROM PARAMILITARY FORMATIONS TO POLITICAL PARTIES

A.V. Bredikhin, V.I. Skopylatova

The article is devoted to the analysis of the evolution of Irish republicanism - from reliance on paramilitary methods of struggle to participation in the political process. It examines the organisational structure, strategies and tactics of the Provisional IRA and the INLA (Irish National Liberation Army), as well as key events (the assassination of Airey Neave, the 1980–1981 hunger strikes, intra-republican conflicts). The study also addresses

the process of politicisation of the republican movement, which laid the groundwork for the subsequent peace process.

Key words: Northern Ireland, «the Troubles», republican paramilitary groups, Provisional IRA, INLA (Irish National Liberation Army), armed conflict, «long war» strategy, escalation of violence, politicisation.

Поступила в редакцию 03.03.2026 г.

Бредихин Андрей Владимирович

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой всемирной истории,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет», ДНР, РФ.
E-mail: kf.vsemir.zav@mail.ru

Bredikhin Andrey Vladimirovich

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Head of the Department of World History,
FSBEI HE “Donetsk State University”,
DPR, Russian Federation.
E-mail: kf.vsemir.zav@mail.ru

Скопылатова Виктория Игоревна

Старший преподаватель кафедры всемирной истории,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет» ДНР, РФ.
E-mail: v.skopylatova@mail.ru

Skopylatova Victoria Igorevna

Senior Lecturer of the Chair of World History,
FSBEI HE “Donetsk State University”,
DPR, Russian Federation.
E-mail: v.skopylatova@mail.ru

УДК: 94(4-15)"16/18""71":728.81:725.182 DOI: 10.5281/zenodo.21346192 EDN: XKOUQQ

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА РУЖЕЙНЫЕ КРЕМНЕВЫЕ ЗАМКИ И РУЖЕЙНЫЕ КРЕМНИ ИЗ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ ФОРТОВ И КРЕПОСТЕЙ XVI–XVIII ВВ.

© 2026 *А.В. Колесник, К.И. Климова, О.А. Полякова*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

В современной исторической науке не ослабевает интерес к изучению систем вооружения, в том числе огнестрельного оружия Нового времени с фитильными и кремневыми запальными батареями. Этот интерес сопровождается новыми находками деталей кремневых ружей и многочисленных ружейных кремней в культурных слоях крепостей и фортов XVI–XVIII вв., поступающих в результате археологических раскопок. Автор статьи ставит перед собой цель рассмотреть краткую историографию вопроса в контексте эволюции взглядов историков вооружения. При группировке взглядов историков на развитие вооружения был выбран хронологический принцип, наиболее полно отражающий эволюцию систем оценок. Историю изучения данной проблемы можно поделить на дореволюционный, советский, постсоветский и современный этапы (I–IV). В публикации этапы названы по основным содержательным признакам.

Ключевые слова: ружейный кремль, огнестрельное оружие, кремневый замок, Восточная Европа, Новое время.

Введение. Заключительным эпизодом исторической карьеры кремня в истории материальной культуры человека было его использование в Новое время в качестве элемента запальной батареи для ручного огнестрельного оружия. Кремль обладает уникальным свойством высекать искру при трении об углеродистое железо, достаточную для гарантированного воспламенения дымного пороха. Запальные батареи прошли длительный путь эволюции от нюрнбергских колесчатых замков образца 1517 года к английским ударно-кремневым замкам образца 1817 года. Простота изготовления и надежность воспламенения заряда, ремонтоспособность обеспечили широкое использование кремневых ружей во всем мире на протяжении более 350 лет в качестве военного и охотничьего оружия. С учетом технологической простоты и доступности расходных материалов (кремль, свинец, компоненты дымного пороха), охотничьи кремневые ружья с замками русско-карельского типа производились в ружейных артелях Сибири для охотников-промысловиков вплоть до начала XX века. В Новое время огнестрельное оружие стало составной частью воинской культуры милитаризованного и гражданского населения России. В настоящее время воинская культура обретает особое звучание в контексте сложных процессов культурной и политической консолидации русских.

Цель настоящей статьи – краткий анализ закономерностей эволюции взглядов на ружейные замки и ружейные кремни в российской исторической науке и российском оружейноведении. В статье выделяются четыре этапа развития системных оценок запальных батарей ручного огнестрельного оружия, начиная от взглядов разработчиков этого оружия к современным археологическим оценкам.

Этап I. «От жагры к самопалу» (досоветский этап). Следует отметить, что в российской историографии вопрос о кремневом запале и его развитии был поднят ещё в XIX в. во время функционирования данного типа оружия в связи с введением новых образцов. Важным документом, отражающим организацию производства

огнестрельного оружия и отдельные оценочные суждения об истории оружейного дела, являются записки «Комитета, высочайше утвержденного для решительного заключения о лучшем устройении штуцеров и ружей 8 октября 1830 г.» [1, с. 3]. В документе кратко описываются результаты всех испытаний новой системы кремневого замка, оговаривается, что для изготовления кремней к оружейным замкам отбирались монолитные куски минерала белого, желтого или черного цвета. В России традиционно предпочтение отдавалось белому. Кремни изготавливались частным порядком в специальных мастерских и подавались военному министерству для снабжения ими кораблей и воинских частей. В 1857 г. в Санкт-Петербурге вышел «Сборник новейших сведений о ручном оружии для господ пехотных и кавалерийских офицеров Русской армии» [4]. Это было обусловлено тем, что во второй четверти XIX в. происходит интенсивное развитие ручного огнестрельного оружия. В данном Сборнике процесс совершенствования оружия дан несколько односторонне, отсутствуют сведения о деятельности русских оружейников, военных специалистов в разработке новых образцов ударного огнестрельного оружия. Первые системные результаты изучения кремневых ружейных замков российских ружейных мастерских были изложены в сочинении К.Е. Больдта «Руководство для изучения военного ручного огнестрельного оружия» [2]. Сам автор являлся известным русским оружейником и поручиком Лейб-гвардии Гренадерского полка. К.Е. Больдт отмечал, что потребность в его книге была вызвана значительным усовершенствованием ручного огнестрельного оружия, которое в значительной степени изменило тактику боя. Фитильный замок не позволял осуществить тактику ближнего боя. К.Е. Больдт дал характеристику нововведениям в конструкции замка, обосновал замену фитильного замка колесцовым, а затем кремневым замком. Главной причиной написания «Руководства...» явилась многочисленная смена образцов ручного огнестрельного оружия, произошедшая во время Крымской войны 1853–1856 гг. Сочинение К.Е. Больдта в наиболее рафинированном виде отражает мнение российских военных теоретиков и оружейников-практиков об истории развития российского огнестрельного оружия в период его функционирования [3]. Как видно, изучение кремневых ружейных замков в российской военной науке в 30–50-е гг. XIX в. преследовало прагматические цели военного ведомства, но благодаря такому интересу мы располагаем важными сведениями по истории развития огнестрельного оружия в России и знаем уникальную системную оценку запальных батарей огнестрельного оружия, выполненную технически подготовленными современниками.

Л.И. Тарасюк обратил внимание на вторую характерную особенность изучения раннего огнестрельного оружия российскими оружейниками в XIX в. [5]. В 50–90-е гг. происходило уточнение терминов «жагра» и «самопал» в связи с дифференциацией вышедших из употребления фитильных или устаревших кремневых ружей [6, с. 245], [7, с. 630], [8, с. 353], [9, с. 237 и др.]. В целом, было установлено, что русский термин «самопал» означает различные типы огнестрельного оружия с колесцовыми и ударными запальными батареями с пиритовыми и кремневыми вкладышами: ружье/пистолет «сам палит» без тлеющего фитиля.

Как видно, досоветский период истории изучения российского ручного огнестрельного оружия и ружейных запальных батарей характеризуется непосредственным участием военной и технической элиты. Была установлена самобытность конструкции российского оружия, самобытность оружейной лексики, самобытность технологий производства.

Этап II. «Наставление по стрелковому делу» (1917–1964). Стимулом к дальнейшему развитию интереса к истории огнестрельного оружия и кремневых запальных батарей послужило становление и развитие советской военной науки в 20–30-е гг. XX в. Практически все работы по кремневым замкам огнестрельного оружия в этот период подготовлены военными историками или оружейоведами. В 1928 г. был издан первый том «Эволюции военного искусства» видного военного теоретика А.А. Свечина. В одном из разделов тома он затрагивает вопрос усовершенствования батарейного замка во второй половине XVI в., но большей степени говорит о недостатках кремневого запала: «...кремневый замок капризничал и давал значительный процент осечек. Эти качества кремневого ружья объясняют позицию Лувуа в вопросе перевооружения пехоты; кремневое ружье признавалось не боевым, а спортивным и охотничьим, не допускалось в войска, инспектора получали указание – уничтожать найденные на вооружении ружья и заставлять капитанов приобретать из складов вместо них мушкеты» [10, с. 270]. В 1937 г. был опубликован фундаментальный энциклопедический труд В.Е. Маркевича «Ручное огнестрельное оружие. История развития со времен возникновения и до середины XX в.», который неоднократно переиздавался в 1990-е гг. [11]. В главе № 23 «Кремневый замок» освещена история возникновения кремневого запала в Европе, и его повсеместное распространение. Издание хорошо проиллюстрировано, каждый тип кремневого замка документирован графикой. Последней значительной довоенной разработкой по эволюции стрелового оружия является ведомственный справочник В.Г. Федорова [12].

Послевоенный цикл работ по истории русского огнестрельного оружия с кремневыми и фитильными замками открывает труд военного инженера С.Л. Марголина [13]. Активно развивалась военная проблематика в 50-е гг. Обзорная типология ружей и типология ружейных замков приводится в труде М.М. Денисовой с коллегами [14]. В 1954 г. вышел труд Н.В.Гордеева «Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники». В большей мере он рассмотрел конструкции мушкетов, и затронул кремневые пищали: «Пищалью называлось всякое ружье, которое не являлось мушкетом. Значительная часть пищалей производилась в Москве и других русских городах. Пищаль преимущественно была снаряжена кремневым замком, имела прямой или чуть выгнутый к низу приклад, была значительно легче мушкета и поэтому не требовала при стрельбе специальных приспособлений» [15, с. 47-51]. В работе рассматриваются достоинства и недостатки кремневого замка. Воспламеняющие свойства кремня при ударе железным предметом были детально охарактеризованы С.А. Семеновым в его исследовании, посвященном развитию техники в прошлом [16].

В целом, в указанный период были заложены основы энциклопедического подхода к истории русского огнестрельного оружия и эволюции ружейных кремневых замков в качестве основного функционального механизма. Ощущается ведомственный подход к проблематике в основных изданиях.

Этап III. «От ружья к ружейному замку» (1964–1990). В 1964 г. вышла первая обзорная статья, посвященная кремневым замкам разных стран производителей – «Замки русского огнестрельного оружия XVI–XVII вв.» Е.В. Мышковского [17]. Также в сборнике статей и материалов АИМ № 4 он издал статью, посвященную огнестрельному оружию русской армии периода Северной войны 1700–1721 гг. [18, с. 57-60]. В своей статье автор привел широкую классификацию их конструкций с наглядными примерами, рассмотрел характерные особенности устройства замков, что позволило выделить отдельные системы; дает возможность проследить эволюцию кремневых замков от простейших к более совершенным образцам, выяснить

историческую взаимосвязь, национальную принадлежность, а также хронологические рамки их появления. Автор затронул историографию проблемы и, что очень важно, терминологический аппарат [17].

Начиная с 1960-х гг., в связи со становлением основ археологии Нового времени и находками остатков кремневых ружей и самих кремней в культурных слоях крепостей, фортов и поселений XVI–XVIII вв., расширяется круг исследователей, материалы и наблюдения начинают публиковаться в археологических изданиях [3].

В 1965 г. советский историк оружия Л.И. Тарасюк опубликовал фундаментальную статью «Из истории русского огнестрельного оружия XVI–XVII вв.», где описал действие кремнево-ударного замка: «Действие кремнево-ударного замка основывается на имитации движений человека, высекающего огонь с помощью кремня и огнива. Сравнительная простота устройства и изготовления кремнево-ударных замков явилась предпосылкой для быстрого и широкого распространения их со второй половины XVI в.» [5, с. 104].

В конце этого периода издается несколько работ, из которых наибольший интерес представляет статья Ю.В. Шокарева «Ручное огнестрельное оружие русской армии XVIII в.» [19]. Статья содержит данные о боевых ружьях и пистолетах XVIII в., однако в ней отсутствует полное и исчерпывающее описание всех типов и образцов ручного огнестрельного оружия данного периода. Объектами исследования автора являлись образцы оружия из коллекций ГИМа, ВИМАИВС и т.д. Важно отметить, что в статье отдельное место отведено ружейным замкам этих образцов; местами дублирована информация из работы Е.В. Мышковского.

Публикации данного периода носят обзорный характер и, в известной степени, сохраняют инерцию энциклопедического уровня обобщения предшествующего периода.

Этап IV. «От замка к ружейному кремню и пулям» (1991–2026). В постсоветский, или современный, период заметно расширился спектр проблематики, связанной с изучением кремневых ружей. Затрагиваются вопросы типологий ружей, конструкции ружейных замков, пуль и пулелеек, ружейных кремней. Фактологическую основу составляют экспонаты из не учтенных ранее музейных коллекций и, в основном, материалы археологических раскопок. Последнее обстоятельство обусловило причастность в дискуссии археологов, а также широкое применение археологической лексики, адаптированной к оружейведению и задачам исторического исследования.

В 1992 г. выходит монография научного сотрудника Военно-исторического музея артиллерии Л.К.Маковской «Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XVI–XVIII вв.». Научная новизна этой работы состояла в том, что автор впервые полностью собрала и систематизировала информацию об огнестрельном оружии, его видах и конструкциях [20]. В работе впервые освещается методика исследования образцов оружия, кремневых замков и т.д. В разделе «Общие тенденции развития отечественного ручного огнестрельного оружия конца XVI–XVIII вв.» Л.К.Маковская дает обобщенную информацию о развитии и эволюции оружейного замка, и кратко описывает кремневые замки разных стран производителей. Н.Ф. Черкес и В.Г. Бережинский детально анализируют образцы огнестрельного оружия Османской империи и Крымского ханства, принадлежащие султанской гвардии конца XVII – нач. XVIII в. из коллекции ГИМа [21]. Своеобразной данью традиции издания оружейных энциклопедий стал популярный справочник по огнестрельному оружию А.Б. Жука, в котором собраны материалы двух опубликованных ранее томов и содержится краткий экскурс в историю развития оружия и ружейного замка [22].

В 2012 г. была издана монография оружейоведа Л.Е. Сытина «Все об огнестрельном оружии». В главе «Огнестрельное оружие до 1800 г.» он отвел отдельное место кремневому замку, изложил механизм его действия и этапы усовершенствования [23]. Отдельно следует отметить статьи А.Н. Чубинского, посвященные истории русского кремневого замка и XVI – нач. XVIII вв., терминологии конструкции замков в письменных источниках, атрибуции арсеналов и др. [24; 25; 26].

В ряде работ целенаправленно и системно исследуются ружейные кремни как важнейший элемент запальной батареи. Прологом этих исследований в новейшее время стала статья И. Суханова и М. Хабурзании о кремне, как средстве воспламенения порохового заряда [27]. В статье подробно изложен механизм высекания искр из кремня и воспламенения, уделяется внимание видам кремня, типологии ружейного кремня (орудийный, мушкетонный, ружейный, пистолетный), а также прокладкам (свинцовые, кожаные, берестяные). Ю.Б. Сериков предлагает собирательное название для данной категории археологических остатков – «кремни для высекания огня» [28; 29]. В близкой по теме статье М. Милчева анализируются системы воспламенения зарядов в замках норвежского, русского и шведского типов [30]. В области изучения ружейных кремней следует отметить серию статей, подготовленных по результатам археологических работ [31]. Публикуются комплексы ружейных кремней из крепостей, фортов и поселений XVI–XVIII вв. среднего течения Северского Донца [32], Крыма [33], Нижнего Дона [34; 35; 36] и Кубани [37]. В этих статьях ружейные кремни рассматриваются в качестве особых кремневых ружейных микролитов-вкладышей, доказывається происхождение кремней из геологических источников Верхневолжского бассейна. Специально анализируется кремневое хозяйство Нового времени [38]. Уникальный ружейный кремневый замок со вставленным кремнем сохранился в виде части оплавленной железной плиты, образовавшейся после гибели арсенала Войска Донского в Черкасской крепости в результате катастрофического пожара 12 августа 1744 г. [39].

В качестве самостоятельного направления оформилось изучение припасов к ружейному бою – свинцовых пуль и пулелеек, происходящих из археологических раскопок. Пули разных типов и калибров, а также технологические приспособления для их литья, входят в категорию массового материала культурных слоев крепостей, фортов и поселений Нового времени Восточной Европы [40; 41; 42; 43].

В целом, в условный современный период окончательно сформировался комплексный подход к изучению ручного огнестрельного оружия и его запальных батарей на основе разнообразных источников, в том числе археологического источника. Взаимосвязанная система, состоящая из оружия и различных расходных материалов к ружейному/пистолетному бою (ружейных/пистолетных кремней и пуль), изучается как единое целое.

Заключение. В статье прослежены основные вехи становления современного комплексного анализа ручных огнестрельных систем из фортов и крепостей Восточной Европы в XVI–XVIII вв. и эволюция взглядов на ружейный кремневый замок как на основной конструктивный элемент оружия данного типа. Изучение ружей с кремневой запальной батареей прошло длительный путь от предмета интереса военного ведомства в XIX веке до системного анализа специалистами различного профиля в настоящее время. В настоящее время российской археологии Нового времени складывается традиция изучения материальных остатков по видам источников, ручное огнестрельное оружие, кремневые замки и расходные материалы рассматриваются в качестве отдельной категории инвентаря. Эти исследования ведутся в неразрывной связи с изучением письменных исторических документов.

Благодарности. Авторы благодарят И. Р. Гусач, А. В. Вашанова за оказанную помощь и консультации.

Работа выполнена в рамках государственного задания «Эволюция общества на землях Донбасса с древнейших времен до XVII века» (№ FRRE-2026-0023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маковская, Л.К. Из истории ручного огнестрельного оружия русской армии второй четверти XIX в. / Л.К. Маковская, П.В. Горегляд, Н.В. Ломакин // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Вторая международная научно-практическая конференция. – Ч. 2. – 2011. – С. 3–39.
2. Больдт, К.Е. Руководство для изучения военного огнестрельного оружия / К.Е. Больдт. – СПб., 1858. – 258 с.
3. Белов, М.И. Мангазея: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII. – Ч. 2 / М.И. Белов, О.В. Овсянников, В. Ф. Стариков. – М., 1981. – 148 с.
4. Сборник новейших сведений о ручном огнестрельном оружии для г.г. пехотных и кавалерийских офицеров русской армии. – Издание, опубликованное в 1857 году в Санкт-Петербурге типографией Якова Трея.
5. Тарасюк, Л.И. Из истории русского огнестрельного оружия XVI–XVII вв. / Л.И. Тарасюк // Советская археология, 1965. – № 2. – С. 104–120.
6. Бранденбург, Н.Е. Исторический каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея, I / Н.Е. Бранденбург. – СПб., 1877. – С. 245–246.
7. Военный энциклопедический лексикон, XI. – СПб., 1856. – С. 630.
8. Винклер фон П. Оружие / Винклер фон П. – СПб., 1894. – 399 с.
9. Савваитов, П.И. Описание старинных царских утварей... извлеченное из рукописей Архива Московской Оружейной палаты / П.И. Савваитов – СПб., 1865. – С. 237, 261.
10. Свечин, А.А. Эволюция военного искусства. Том II / А.А.Свечин. – М.–Л. : Воениздат, 1928. – С. 270–300.
11. Маркевич, В.Е. Ручное огнестрельное оружие / В.Е. Маркевич. – СПб. : «Полигон», 1997. – 592 с.
12. Федоров, В.Г. Эволюция стрелкового оружия / В.Г. Федоров. – М. : Государственное военное издательство наркомата СССР, 1938. – 420 с.
13. Марголин, С.Л. Вооружение стрелкового войска / С.Л. Марголин // Военно-исторический сборник Исторического музея. Труды ГИМ. – Вып. XX. – М., 1948. – С. 85–102.
14. Денисова, М.М. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI–XIX веков / М.М. Денисова, М.Е. Портнов, Е. Н. Денисов. – М. : Госкультпросветиздат, 1953. – 168 с.
15. Гордеев, Н.В. Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники Оружейной палаты XVII века / Н.В. Гордеев // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. – М., 1954. – С. 42.
16. Семенов, С.А. Развитие техники в каменном веке / С.А. Семенов. – Издательство «Наука», 1963. – С. 11–25.
17. Мышковский, Е.В. Замки русского огнестрельного оружия XVI–XVII вв. / Е.В.Мышковский // Советская археология. – 1964. – № 4. – С. 186–198.
18. Мышковский, Е.В. Ручное огнестрельное оружие русской армии периода Северной войны / Е.В. Мышковский // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. – Вып. 4. – Л., 1959. – С. 57–73.
19. Шокарев, Ю.В. Ручное огнестрельное оружие русской армии XVIII в. / Ю.В. Шокарев // Из истории русской армии и оружия. Труды Государственного ордена Ленина исторического музея. – Вып. № 64. – М. : Советская Россия, 1987.
20. Маковская, Л.К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XVI–XVIII вв. / Л.К. Маковская. – М. : Военное издательство, 1992. – С. 3–39.
21. Черкес, Г.Ф. Огнестрельное оружие Османской империи и Крымского ханства / Г.Ф. Черкес, В.Г. Бережинский // Історія давньої зброї. – К., 2014. – С. 290–296.
22. Жук, А.Б. Энциклопедия стрелкового оружия / А.Б. Жук – М. : Издательство АСТ-Ермак, 1997. – 782 с.
23. Сытин, Л. Все об огнестрельном оружии / Л. Сытин. – М. : Астрель; СПб. : Полигон, 2012. – С. 24–29.
24. Чубинский, А.Н. Конструкции замков огнестрельного оружия и их наименования в русских источниках XVI – начала XVIII века / А. Н. Чубинский // Война и оружие : Новые исследования и материалы. Труды Пятой Международной научно-практической конференции 14–16 мая 2014 г. – СПб., 2014. – Ч. IV. – С. 405–428.
25. Чубинский, А.Н. О времени изготовления стволов, замков и лож «троицких пищалей» из собраний Оружейной палаты / А. Н. Чубинский // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. – М.

- : Оргкомитет Чтений памяти акад. РАН Л.В. Милова, 2015. – С. 113–123.
26. Чубинский, А.Н. Василий Титов и Ермолай Федоров – самопальные мастера оружейной палаты второй половины XVII века / А.Н. Чубинский // Война и оружие Новые исследования и материалы Труды Четвертой Международной научно-практической конференции 15–17 мая 2013 года. – Часть IV. – 2013. – С. 403–425.
 27. Суханов, И., Хабурзания, М. Кремень как средство воспламенения порохового заряда / И. Суханов, М. Хабурзания // Ружье. – 2000. – № 4. – С. 61–63.
 28. Сериков, Ю.Б. Каменные орудия для добывания огня / Ю.Б. Сериков // Северный Археологический конгресс. – Ханты-Мансийск, 2001. – С. 251–252.
 29. Сериков, Ю.Б. К вопросу об орудиях для высекания огня / Ю.Б. Сериков // Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии : В честь юбилея Г.Ф. Коробковой. – СПб. : ИИМК РАН, 2003. – С. 254–263.
 30. Милчев, М. Системы воспламенения стрелкового оружия / М. Милчев // Ружье. – № 3. – 2011. – С. 54–60.
 31. Галимова, М.Ш. Оружейные и кресальные кремни из раскопок Казани / М.Ш. Галимова, А.Г. Ситдилов, В.В. Хабаров // Поволжская археология. – 2014. – № 3. – С. 256–267.
 32. Колесник, А.В. Ружейные кремневые микролиты-вкладыши в археологических комплексах XVI–XVIII вв. в среднем течении Северского Донца / А.В. Колесник, О.В. Голубева // «Древности». – Вып. 9. – 2010. – С. 235–252.
 33. Колесник, А.В. Комплексы ружейных кремней XVIII–XIX вв. из Крыма / А.В. Колесник, М.Ю. Яковец, К.И. Климова // Поволжская археология. – 2016. – № 4 (18). – С. 309–324.
 34. Колесник, А.В. Ружейные и кресальные кремни из крепости Лютик (XVII–XVIII вв.) на Нижнем Дону / А.В. Колесник, И.Р. Гусач // Поволжская археология. – 2018. – № 4. – С. 98–116.
 35. Колесник, А.В. Ружейные и кресальные кремни, элементы ружей XVII–XVIII вв. из Черкасской крепости на Нижнем Дону / А.В. Колесник, И.Р. Гусач // Археология Евразийских степей. – 2020. – № 3. – С. 296–312.
 36. Колесник, А.В. Ружейные и кресальные кремни, ружейные припасы Анненской крепости XVIII в. на Нижнем Дону / А.В. Колесник, Р.П. Ёлкин, И.Р. Гусач // Поволжская археология. – 2021. – № 3 (37). – С. 200–215.
 37. Гусач, И.Р. К характеристике кремневого хозяйства казачьего населения Кубани XVIII в. / И.Р. Гусач, А.В. Колесник // Proceedings of the International Conference DANUBIAN COSSACKS – ORIGINS AND COINHABITATION IN NORTHERN DOBRUDJA Coordinated by Mihai TIULIUMEANU. April 6. – Tulcea, 2019. – С. 87–98.
 38. Колесник, А.В., Гусач, И.Р. Модели кремневого хозяйства населения Северского Донца, Нижнего Дона и Приазовья в XVII–XVIII вв. / А.В. Колесник, И.Р. Гусач // Вестник ДонНУ. Серия Б. Гуманитарные науки. – 2019. – № 2. – С. 42–47.
 39. Лисин, Н.Р. Казуальная история Старочеркасской крепости: гибель арсенала 12 августа 1744 г. / Н.Р. Лисин, Д.Л. Ткаченко // Вестник Донецкого национального университета. – 2019. – № 4. – С. 20–25.
 40. Гусач, И. Пулелейки XVII–XVIII вв. из турецкой крепости Азак / И. Гусач, К. Ибрагимзаде, А. Дедюлькин // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2013–2014 гг. – Азов, 2016. – С. 391–448.
 41. Двуреченский, О.В. Боеприпас для ручного огнестрельного оружия Московской Руси конца XV – начала XVIII вв. / О.В. Двуреченский // Археология Подмосковья. – Вып. 2. – М., 2005. – С. 264–295.
 42. Двуреченский, О.В. Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории Тушинского лагеря / О.В. Двуреченский // Военная археология. Сборник материалов семинара при Государственном историческом музее. – Вып. 3. – М. : Квадрига, 2007. – С. 254–276.
 43. Миляев, П.А. Предметы вооружения XVI–XVII вв. из раскопок на территории ладожского посада / П.А. Миляев // Земля наша велика и обильна : сборник статей, посвященный 90-летию А.Н. Кирпичникова. – СПб. : Невская Типография, 2019. – С. 267–285.

REFERENCES

1. Makovskaya, L.K. & Goreglyad, P.V. & Lomakin, N.V. (2011). [From the history of hand firearms of the Russian army in the second quarter of the 19th century]. *Vojna i oruzhie. Novy`e issledovaniya i materialy`*. *Vtoraya mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya* = War and Weapons. New Research and Materials. Second International Scientific and Practical Conference. 2, 3–39. (In Russian).
2. Bol`dt, K.E. (1858). *Manual for the study of military firearms*. Sankt-Peterburg. 258. (In Russian).
3. Belov, M.I. & Ovsyannikov, O.V. & Starikov, V.F. (1981). *Mangazeya: Material culture of Russian polar*

- seafarers and land explorers of the 16th–17th centuries. 2. Moscow, 148. (In Russian).
4. *Collection of the latest information on hand firearms for infantry and cavalry officers of the Russian army.* Edition published in 1857 in Sankt-Peterburg by the printing house of Yakov Trey. (In Russian).
 5. Tarasyuk, L.I. (1965). [From the history of Russian firearms of the 16th–17th centuries]. *Sovetskaya arxeologiya = Soviet Archaeology.* 2, 104–120. (In Russian).
 6. Brandenburg, N.E. (1877). *Historical catalogue of the Sankt-Peterburg Artillery Museum.* I. Sankt-Peterburg. 245–246. (In Russian).
 7. *Military Encyclopedic Lexicon.* (1856). XI. Sankt-Peterburg. 630. (In Russian).
 8. Winkler von, P. (1894). *Weapons.* Sankt-Peterburg. 399. (In Russian).
 9. Savvaitov, P.I. (1865). *Description of ancient royal utensils... extracted from the manuscripts of the Archive of the Moscow Armory Chamber.* Sankt-Peterburg. P. 237, 261. (In Russian).
 10. Svechin, A.A. (1928). *Evolution of military art.* Volume II. Moscow–Leningrad : Voengiz. P. 270–300. (In Russian).
 11. Markevich, V.E. (1997). *Hand firearms.* Sankt-Peterburg : Poligon. 592 p. (In Russian).
 12. Fedorov, V.G. (1938). *Evolution of small arms.* Moscow : Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo narkomata SSSR. 420 p. (In Russian).
 13. Margolin, S.L. (1948). [Armament of the strelety troops]. *Voenno-istoricheskij sbornik Istoricheskogo muzeya. Trudy` GIM = Military-Historical Collection of the Historical Museum. Proceedings of the State Historical Museum.* XX. Moscow. 85–102. (In Russian).
 14. Denisova, M.M. & Portnov, M.E., & Denisov, E.N. (1953). *Russian weapons. A brief guide to Russian combat weapons of the 11th–19th centuries.* Moscow : Goskul'tprosvetizdat. 168 p. (In Russian).
 15. Gordeev, N.V. (1954). *Russian firearms and gunsmiths of the Armory Chamber of the 17th century. State Armory Chamber of the Moscow Kremlin.* Moscow, 42. (In Russian).
 16. Semenov, S.A. (1963). *Development of technology in the Stone Age.* Izdatel'stvo «Nauka». P. 11–25. (In Russian).
 17. My`shkovskij, E.V. (1964). [Locks of Russian firearms of the 16th–17th centuries.]. *Sovetskaya arxeologiya = Soviet Archaeology.* 4. 186–198. (In Russian).
 18. My`shkovskij, E.V. (1959). [Hand firearms of the Russian army during the Great Northern War period.]. *Sbornik issledovanij i materialov Artillerijskogo istoricheskogo muzeya = Collection of Research and Materials of the Artillery Historical Museum.* 4. Leningrad. 57–73. (In Russian).
 19. Shokarev, Yu.V. (1987). [Hand firearms of the Russian army in the 18th century]. *Iz istorii russkoj armii i oruzhiya. Trudy` Gosudarstvennogo ordena Lenina istoricheskogo muzeya = From the History of the Russian Army and Weapons. Proceedings of the State Order of Lenin Historical Museum.* 64. Moscow, Sovetskaya Rossiya. (In Russian).
 20. Makovskaya, L.K. (1992). *Hand firearms of the Russian army from the late 16th–18th centuries.* Moscow : Voennoe izdatel'stvo. P. 3–39. (In Russian).
 21. Cherkes, G.F. (2014). [Firearms of the Ottoman Empire and the Crimean Khanate]. *Istoriya davn`oi zbroi` = History of Ancient Weapons.* Kyiv. 290–296. (In Russian).
 22. Zhuk, A.B. (1997). *Encyclopedia of small arms.* Moscow : Izdatel'stvo AST-Ermak. 782 p. (In Russian).
 23. Sytin, L. (2012). *All about firearms.* Moscow : Astrel'; Sankt-Peterburg : Poligon. P. 24–29. (In Russian).
 24. Chubinskij, A.N. (2014). [Designs of firearm locks and their names in Russian sources of the 16th – early 18th century]. *Vojna i oruzhie : Novy`e issledovaniya i materialy`. Trudy` Pyatoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 14–16 maya 2014 g. = War and Weapons: New Research and Materials. Proceedings of the Fifth International Scientific and Practical Conference, May 14–16, 2014.* Sankt-Peterburg. IV. 405–428. (In Russian).
 25. Chubinskij, A.N. (2015). [On the time of manufacture of the barrels, locks and stocks of the «Troitsky pishchals» from the collections of the Armory Chamber]. *Rus', Rossiya. Srednevekov'e i Novoe vremya = Rus', Russia. The Middle Ages and Modern Times.* – Moscow : Orgkomitet Chtenij pamyati akad. RAN L.V. Milova. S. 113–123. (In Russian).
 26. Chubinskij, A.N. (2014). [Vasily Titov and Ermolai Fedorov were self-taught gunsmiths of the second half of the 17th century] *Vojna i oruzhie Novye issledovaniya i materialy Trudy Chetvertoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 15–17 maya 2013 goda = War and Weapons New Research and Materials Proceedings of the Fourth International Scientific and Practical Conference, May 15–17, 2013.* Part IV. 2013. – C. 403–425.
 27. Suxanov, I. & Xaburzaniya, M. (2000). [Flint as a means of igniting the powder charge]. *Ruzh'e = The Gun.* 4. 61–63. (In Russian).
 28. Serikov, Yu.B. (2001). [Stone tools for making fire]. *Severny`j Arxeologicheskij congress = Northern Archaeological Congress.* Xanty`-Mansijsk. 251–252. (In Russian).

29. Serikov, Yu.B. (2003). [On the issue of tools for striking fire]. *Peterburgskaya trasologicheskaya shkola i izuchenie drevnix kul'tur Evrazii: V chest' yubileya G.F. Korobkovej = Saint Petersburg Traceological School and the Study of Ancient Cultures of Eurasia: In Honour of the Anniversary of G.F. Korobkova.* – Sankt-Peterburg : IIMK RAN. 254–263. (In Russian).
30. Milchev, M. (2011). [Ignition systems of small arms]. *Ruzh'e = The Gun.* 3. 54–60. (In Russian).
31. Galimova, M.Sh. & Sitdikov, A.G. & Xabarov, V.V. (2014). [Gun and strike-a-light flints from the excavations of Kazan]. *Povolzhskaya arxeologiya = Volga Region Archaeology.* 3. 256–267. (In Russian).
32. Kolesnik, A.V. & Golubeva, O.V. (2010). [Gun flint microliths-inserts in archaeological complexes of the 16th–18th centuries in the middle reaches of the Seversky Donets]. «*Drevnosti*» = *Antiquities.* 9. 235–252. (In Russian).
33. Kolesnik, A.V. & Yakovecz, M.Yu. & Klimova, K.I. (2016). [Complexes of gun flints of the 18th–19th centuries from the Crimea]. *Povolzhskaya arxeologiya = Volga Region Archaeology.* 4 (18). 309–324. (In Russian).
34. Kolesnik, A.V. & Gusach, I.R. (2018). [Gun and strike-a-light flints from the Lyutik fortress (17th–18th centuries) on the Lower Don]. *Povolzhskaya arxeologiya = Volga Region Archaeology.* 4. 98–116. (In Russian).
35. Kolesnik, A.V. & Gusach, I.R. (2020). [Gun and strike-a-light flints, elements of 17th–18th century guns from the Cherkassk fortress on the Lower Don]. *Arxeologiya Evrazijskix stepej = Archaeology of the Eurasian Steppes.* 3. 296–312. (In Russian).
36. Kolesnik, A.V. & Yolkin, R.P., & Gusach, I.R. (2021). [Gun and strike-a-light flints, gun supplies of the Annenskaya fortress of the 18th century on the Lower Don]. *Povolzhskaya arxeologiya = Volga Region Archaeology.* 3 (37). 200–215. (In Russian).
37. Gusach, I.R. & Kolesnik, A.V. (2019). [On the characteristics of the flint economy of the Cossack population of the Kuban in the 18th century]. *ProceedingsoftheInternationalConference DANUBIAN COSSACKS – ORIGINS AND COHABITATION IN NORTHERN DOBRUDJA CoordinatedbyMihai TIULIUMEANU. April 6. Tulcea.* 87–98. (In Russian).
38. Kolesnik, A.V., Gusach, I.R. (2019). [Models of the flint economy of the population of the Seversky Donets, Lower Don and Azov region in the 17th–18th centuries]. *Vestnik DonNU. Seriya B. Gumanitarny'e nauki = Bulletin of DonNU. Series B. Humanities.* 2. 42–47. (In Russian).
39. Lisin, N.R. & Tkachenko, D.L. (2019). [Casual history of the Starocherkassk fortress: the death of the arsenal on August 12, 1744]. *Vestnik Doneczkogo nacional'nogo universiteta = Bulletin of Donetsk National University.* 4. 20–25. (In Russian).
40. Gusach, I. & Ibragimzade, K., & Dedyul'kin, A. (2016). [Bullet moulds of the 17th–18th centuries from the Turkish fortress of Azak]. *Istoriko-arxeologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2013-2014 gg. = Historical and Archaeological Research in Azov and on the Lower Don in 2013–2014.* Azov. 391–448. (In Russian).
41. Dvurechenskij, O.V. (2005). [Ammunition for hand firearms of Muscovite Rus' from the late 15th – early 18th centuries]. *Arxeologiya Podmoskov'ya = Archaeology of the Moscow Region.* 2. Moscow. 264–295. (In Russian).
42. Dvurechenskij, O.V. (2007). [Items of weapons and equipment of a rider and a horse from collections from the territory of the Tushino camp]. *Voennaya arxeologiya. Sbornik materialov seminar pri Gosudarstvennom istoricheskom muzee = Military Archaeology. Collection of Materials of the Seminar at the State Historical Museum.* 3. Moscow : Kvadriga. 254–276. (In Russian).
43. Milyaev, P.A. (2019). [Items of weapons of the 16th–17th centuries from excavations on the territory of the Ladoga posad]. *Zemlya nasha velika i obil'na: sbornik statej, posvyashhennyj 90-letiyu A. N. Kirpichnikova = Our Land is Great and Abundant: A Collection of Articles Dedicated to the 90th Anniversary of A.N. Kirpichnikov.* Sankt-Peterburg : Nevskaya Tipografiya. 267–285. (In Russian).

THE EVOLUTION OF VIEWS ON RIFLE FLINTLOCKS AND RIFLE FLINTS FROM EASTERN EUROPEAN FORTS AND FORTRESSES OF THE XVI-XVIII

A.V. Kolesnik, K.I. Klimova, O.A. Polyakova

In modern historical science, interest in the study of weapons systems, including firearms with wick and flint ignition batteries from era of Modern times, continues unabated. This interest is accompanied by new finds of parts of flintlocks and numerous rifle flints in the cultural layers of fortresses and forts of the XVI-XVIII centuries coming as a result of archaeological excavations. The author of the article aims to consider a brief

historiography of the issue in the context of the evolution of the views of historians of armament. When grouping historians' views on the development of armaments, a chronological principle was chosen that best reflects the evolution of assessment systems. The history of studying this problem can be divided into pre-revolutionary, Soviet, post-Soviet and modern stages.

Key words: gunflint, firearms, flintlock, Eastern Europe, Modern times.

Поступила в редакцию 03.04.2026 г

Колесник Александр Викторович

Доктор исторических наук, доцент;
заведующий кафедрой археологии, историографии,
источниковедения и методов исторического
исследования,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет», г. Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: akolesnik2007@mail.ru

Климова Ксения Игоревна

Старший преподаватель кафедры археологии,
историографии, источниковедения и методов
исторического исследования,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет», г. Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: igorevich.cho@mail.ru

Полякова Ольга Александровна

Старший научный сотрудник НИЧ,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет», г. Донецк, ДНР, РФ
E-mail: opoljakova13@gmail.com

Kolesnik Alexander Viktorivach

Doctor of historical sciences, docent,
Chef of the Department of Archaeology,
Historiography, Source Studies and Methods of
Historical Research,
FSBEI HE “Donetsk State University”,
Donetsk, DPR, Russian Federation.
E-mail: iakolesnik2007@mail.ru

Klimova Ksenia Igorevna

Senior Lecturer at the Department of Archaeology,
Historiography, Source Studies and Methods of
Historical Research,
FSBEI HE “Donetsk State University”,
Donetsk, DPR, Russian Federation.
E-mail: igorevich.cho@mail.ru

Polyakova Olga Alexandrovna

Senior Researcher at the Research Department,
FSBEI HE “Donetsk State University”,
Donetsk, DPR, Russian Federation.
E-mail: opoljakova13@gmail.com

ЦИРКУЛЯРЫ ПО ТАМОЖЕННОМУ ВЕДОМСТВУ КАК ЮРИДИЧЕСКАЯ ОСНОВА В БОРЬБЕ С КОНТРАБАНДОЙ В РОССИИ В 1914–1917 ГГ.

© 2026 *Н.Н. Разумная*

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

На основе Циркуляров по таможенному ведомству за 1916–1917 года были определены дефицитные промышленные товары, подлежащие реквизициям ГАУ и Особого совещания по обсуждению и объединению мероприятий по обороне государства. Это продукция машиностроения – станки и другие предметы заводского оборудования, изделия из алюминия, оптические стекла, химические вещества – формалин, сырой нафталин и бертолетова соль. Через таможни из-за границы неоднократно предпринимались попытки доставки с целью последующей реализации товаров, производимых в Германии с участием нейтральных стран. Среди данных товаров были: проволочные железные оправы для платьев, периодические печатные издания, египетский хлопок, бритвы, сапожные кнопки (гвозди) покрытые медью, печатные машинки, электрические свечи для получения искры в моторах, медная проволока, гвозди, семена цветочных растений, кокосовые пуговицы, дамские чулки, табак, чай и партии поддельных лекарственных веществ, не включенные в список разрешенных Медицинским Советом к ввозу лекарственных средств. Широко практиковалось стирание и вытравливание надписей на упаковках германских товаров для обхода запрета их ввоза в пределы Российской империи.

Ключевые слова: Первая мировая война, Российская империя, Германия, таможня, ведомство, контрабанда, циркуляр.

В связи с началом Первой мировой войны в Российской империи строго ограничивалась торговля и распространение товаров, производимых на территории Германии или ввозимых ранее посредством германских фирм. С началом Первой мировой войны активизировалась работа таможенного ведомства в борьбе с контрабандой. Поскольку противник пытался реализовывать и распространять свои промышленные товары на российском рынке, прибегая к различным ухищрениям. В процессе распространения промышленной продукции были также заинтересованы и нейтральные страны, получающие в условиях Первой мировой войны колоссальные возможности для обогащения.

Отдельные детали изучаемой темы были частично рассмотрены в трудах отечественных историков [1–8], которые касаются данной проблемы в общих чертах, не акцентируя внимания на отдельных аспектах проблемы. Предыдущие работы автора, фрагментарно касаются данной проблемы [9–12]. Автор ранее рассматривала вопрос социального обеспечения таможенных служащих в 1917 году [13].

Основным источником в подготовке данного исследования служат материалы Государственного архива ДНР – Циркуляры по таможенному ведомству от Департамента Таможенных Сборов (далее – ДТС). В отдельных случаях в данной статье был сохранен стиль изложения, характерный для начала XX века, чтобы не утратить смысл и оригинальность документа.

В мае 1916 г. был разослан Циркуляр портовым таможенным учреждениям, расположенным на Черном и Азовском море. В связи с докладом Министерства торговли и промышленности Император 22 февраля отменил предоставленные ранее 9 декабря 1915 г. льготы на каботажные перевозки на Черном море [14, Л. 45].

В июне 1916 г. был отправлен Циркуляр таможенным учреждениям, расположенным на берегу Черного и Азовского морей, а также на бывшей границе с Турцией. Были зафиксированы случаи привоза товаров из Трапезунда и др. занятых местностей Турции. В соответствии с Указом Правительствующего Сената от 15 января 1916 г. по делам Гласмана, Спивакова и др. о привозе товаров из завоеванных частей Турции. Также по заключению канцелярии Наместника на Кавказе и Полевого Штаба Кавказской армии. Вышеуказанные товары при провозе их в Российскую империю из занятых русскими войсками турецких областей, подлежали оплате пошлины на общем основании, наравне с товарами, привозимыми из остальных местностей Турции [14, Л.47].

Следующее циркулярное разъяснение касалось вывоза товаров из завоеванных турецких местностей лицами по особым в каждом отдельном случае разрешениям. На следующих условиях, гарантирующих оставление грузов в этих местностях. За вывозимые в завоеванные местности нефтяные продукты и другие подлежащие акцизу товары не разрешалось освобождение от уплаты акциза. За предметы, вырабатываемые из иностранных мастерских районов, не допускался возврат пошлин [14, Л.64].

Копия секретного Циркуляра ДТС о запрещении ввоза в империю полезных ископаемых и промышленных товаров воюющих с Россией государств. Данные о распространении этих мер на товары, привозимые из завоеванных областей Турции. Они не распространялись на ввозимые в Россию из завоеванных турецких областей, они оплачивались пошлиной [14, Л.64].

У таможенников в сентябре 1916 г. к Департаменту таможенных сборов возник вопрос о том, как нужно поступать с товарами, ввозимыми из завоеванных Россией австрийских областей. Было дано разъяснение по распоряжению Министерства торговли и промышленности, что ввоз данных товаров допускался после оплаты пошлины на общем основании [14, Л.92].

В ноябре 1916 г. поступило циркулярное разъяснение о требовании свидетельств на товары в почтовых посылках, прибывающих непосредственно из Франции. В российское консульство в Париже постоянно поступали заявления французских торговых домов о том, что при досмотрах в таможенных учреждениях требовали предъявления свидетельств на товары, отправленные в почтовых посылках, из Франции в Россию. Исключение составляли лишь те посылки, которые следовали через Архангельск [14, Л.118].

В июне 1916 г. поступило секретное циркулярное распоряжение по таможенному ведомству. В связи с сообщением МВД о том, что соглашение с Германией о выпуске вещей российских консульских представителей не исполнялось Германией. Вещи, принадлежащие близким германским консульским представителям в России, не должны были быть допущены к вывозу, впредь до особого разрешения. Вещи, принадлежащие германским дипломатическим представителям, должны были по-прежнему свободно вывозиться из империи [14, Л.58. 61].

В январе 1916 г. управляющий делами Особого совещания по обсуждению и объединению мероприятий по обороне государства и ГАУ сообщали таможенному ведомству, что все пребывающие из-за границы станки и предметы механического заводского оборудования, в случаях, когда по сопутствующим документам было возможно установить владельца, подлежали досмотру в установленные сроки. Если импортируемая продукция была адресована на ордер, ее следовало досматривать не более трех дней. Все сведения о такой продукции следовало предоставлять ГАУ с указанием числа, места, веса, всех данных получателя, клейм и марок. Списки предметов публиковались в «Правительственном вестнике» с указанием того, что

товары в Мариупольской таможне не востребованные получателем в течении недели, а в Архангельской таможне в течении двух недель, подлежали реквизиции для казенных и частных заводов, работающих на государственную оборону [14, Л.6].

В феврале 1916 г. срочно и секретно было передано циркулярное распоряжение от Председателя Особого совещания по обороне государства. Вводился запрет на перевоз алюминия в штыках, крошке, проволоке, катаном виде и штамповочных изделиях, как находящийся на складе в таможенных учреждениях, так и вновь поступающий из-за границы, за исключением лишь грузов, адресованных непосредственно казенным управлениям и заведениям. О всех задержанных грузах алюминия, с указанием качества и характера изделий, веса и имеющихся сведений о месте отправления и назначения, следовало сообщать немедленно по телеграфу в отдел промышленности Особого совещания по обороне, для последующего принятия распоряжения о реквизиции данного металла [14, Л.12].

Следующий циркуляр был инициирован ГАУ, где запрашивалась информация об оптическом стекле. Следовало предоставить информацию о том, были ли в таможенных учреждениях грузы данного стекла не востребованные частными лицами. Просили сообщать о каждом случае поступления оптических стекол из-за границы для соответствующих распоряжений об их реквизициях [14, Л.4].

Инспектор инженерной части Петроградского военного округа обращал внимание о необходимости задержания для военных целей прибывающего для частных лиц сырого нафталина и бертолетовой соли [14, Л.5].

В январе 1916 г. поступило дополнительное циркулярное распоряжение о торговле на время войны спиртными напитками. Министерство финансов запрещало выпуск из таможенных учреждений лиц, привозивших из-за границы спирт, вино и проч. изделия. В документе подчеркивалось: «В данное время нередко воинские чины и по их поручению лица привозят из Финляндии в значительном количестве спиртные напитки, объясняя в таможне, что они предназначаются для нужд лазаретов и военных околотков». Беспрепятственный пропуск таких изделий не допускался [14, Л.8].

В январе 1916 г. в Ростовскую таможню были доставлены из Дании проволочные железные оправы для платья, с фабричными клеймами с головой оленя, на рогах которого находилось копьё. По экспертизе Копенгагенской конторы по регистрации клейм указанные изделия для платьев были признаны принадлежащими германской фабрике [14, Л.11].

Секретно в июне 1916 г. был разослан циркуляр. По имеющимся данным, германский торговый дом Линдеман в Александрии, являющийся одним из крупнейших поставщиков египетского хлопка в Российскую империю, был в то время зарегистрирован в Александрийском Международном суде. Было зарегистрировано предприятие со смешанным составом участников и получившее от пребывающего в Александрии американского консула удостоверение о том, что фирма /R.G.O.Lindeman / не являлась германской фирмой как смешанное предприятие. При чем, имеющаяся на этом удостоверении подпись американского консула была засвидетельствована императорским Российским консулом в Александрии. Такая подпись только подтверждала подлинность подписи американского консула. Пояснялось, что этому документу не следовало доверять. Напротив, российско-императорский консул в своем донесении МИД сообщал, что были документы, доказывающие фиктивность составленного документа, предприятие по существу оставалось германским. Сам факт предъявления документа рассматривался как новая попытка германской фирмы ввозить свои товары в Россию под видом государств союзных или нейтральных [14, Л.46].

В июне 1916 года поступило циркулярное распоряжение по поводу очередного случая контрабанды. В мае 1916 г. служащими Ростовской таможни был обнаружен случай ухищрения по провозу германских товаров. Была доставлена посылка адресованная Вельфу Дубкову в г. Ростов-на-Дону, отправленная из Копенгагена отделением Международной экспедиционной конторы Карла Лассекса. В этой посылке оказались бритвы с фабричными на клинке клеймами, изображающие гребное колесо с надписью «Watter Wheel», на лезвиях большинства имелось бронзированный образ изображения парящего орла с надписью, на лезвиях других бритв оказалось изображение Его величества Английского короля Георга. Сверх того, на клеймах двух бритв было найдено клеймо «Germany». Это обстоятельство вызвало подозрение, не является ли товар германским. Его тщательно исследовали, футляры при осмотре оказались украшенными золотым тиснением, а крышки густым узором, отделанным впоследствии с очевидной целью замаскировать первоначальную надпись «Made in Germany», которая при внимательном осмотре через него просматривалась. Предписывалось установить, чтобы из Дании и из других государств не были пропускаемы запрещенные к ввозу товары враждебных стран под видом выпускаемых в союзных или нейтральных государств. При этом таможенникам следовало обратить особое внимание на те товары, которые высылались в Россию не таможней, не заводским предприятием, а экспедиционными комиссионными конторами, находящимися в нейтральных странах [14, Л. 48].

В июне 1916 г. было разослано распоряжение по таможенному ведомству инициированное Управлением Верховного начальника по эвакуационной и санитарной части. Просили немедленно сообщать по телеграфу о каждом случае поступления из-за границы формалина, адресованного для различных учреждений, указывая адрес отправителя и получателя [14, Л.43]. Немного позже поступило уточнение, формалин по распоряжению Императорского высочества, подлежал задержанию в таможенных учреждениях, до получения особых распоряжений по данному вопросу [14, Л.54].

В июне 1916 г. поступили сведения об отправке в Россию проживающим временно в Копенгагене Ароном Зеликовичем Глуховским датской фирмой «Акционерное общество - Балтийская экспортная компания» нижеследующих запрещенных для ввоза товаров. Были названы сапожные кнопки (гвозди), покрытые медью в коробках без этикеток немецкого фабриканта Рафленейля, который раньше высылал эти кнопки в такой же упаковке, но с надписью «Урания». Кокосовые пуговицы того же фабриканта в коробках без этикеток, которые раньше высылались под названием «Диана», а также дамские чулки [14, Л.63].

В июне 1916 года совершенно секретно был разослан циркуляр ДТС по таможенному ведомству относительно сообщения Французского посольства в МВД. Владелец книжного магазина «Viollet» в Варшаве Леон Мейер, проживающий в то время в Одессе и занимающийся продажей в России французских печатных журналов, сообщал во французское бюро внешней торговли, следующую информацию: в Россию, через нейтральные страны, постоянно ввозились печатные издания, которые, несмотря на то, что были изданы в Германии и Австро-Венгрии, носили парижские названия. ДТС, по ходатайству французского посольства, предписывал таможенным учреждениям принять соответствующие меры к тому, чтобы по отношению к данным германским и австрийским журналам, являющимися незаконной подделкой французских изданий применялись постановления, касающиеся изданий враждебных стран [14, Л.59].

В августе 1916 г. поступило распоряжение по таможенному ведомству о том, что финляндской пограничной охраной получены сведения о том, что в Швеции для обхода

запрета ввоза в пределы России продукции воюющих с Россией государств широко практиковалось стирание и вытравливание надписей на упаковках товаров и переписывание их заново [14, Л. 82, 87].

В августе 1916 г. Департамент МВД отправил в ДТС копию донесения британского Генерального Консула в Одессе на имя британского Посольства в Петрограде. Из Шанхая в Одесскую и другие таможни были отправлены по почте от фирмы «К.Бертель и К°» партии лекарственных веществ германского происхождения под этикеткой известных английских фирм, вещества представляли собой подделку салона, фенацетина и бромистого натрия в виде смеси разных солей, и, следовательно, не подлежали выпуску из таможни как не включенные в список разрешенных Медицинским Советом к ввозу лекарственных средств [14, Л.88].

В сентябре 1916 г. поступило циркулярное распоряжение ДТС. По агентурным сведениям, российский вице-консул в Мальме, господин Томе, очень свободно выдавал свидетельства о происхождении товаров. Так, к примеру, он выдал сертификат на партию зимних перчаток германского происхождения, которые были отправлены в Финляндию. Предписывалось более строго относиться к удостоверениям, выданным в Мальме [14, Л.89].

В секретном циркулярном распоряжении в сентябре 1916 г. из петроградской таможни при Финляндской железной дороге сообщали об ухищрениях. При досмотре при выписке 5 ящиков, отправленных из-за границы оказалось 5 штук печатных машинок без фабричных клейм. При осмотре на внутренней стороне деревянной крышки, которых были обнаружены краской выполненные буквы «DRGM». Таким образом, было обнаружено германское клеймо и доказано происхождение машинок. В руководстве по использованию на русском языке эксперт заметил на помещенных в них рисунках фабричные надписи, обозначающие местонахождение и название фабрики в Германии. При этом на самих машинках и деревянных крышках их имелись лишь надписи на русском языке. Был сделан вывод, что при печати данных руководств в типографии пользовались теми же клише, которые были изготовлены еще до войны [14, Л. 87].

В Мариупольской таможне 2 сентября 1916 г. по конфискованному делу был составлен Акт экспертизы. Досмотрщиком таможни Шульженко и портовым матросом Шумаковым у задержанного турецкоподданного Каспара Кириорьяна был изъят табак весом 2 фунта 32 золотника. Экспертиза подтвердила его турецкое происхождение, как товар запрещенный к ввозу [15, Л.10].

Департамент таможенных сборов по данному делу в январе 1917 г. по представлению о задержании 26 августа 1916 г. на набережной в Мариупольском порту двух фунтов 32 золотника контрабандного табака при вносе его с военного транспорта «Сухумь» вынес решение о взыскании пени по 2 руб. с фунта. Пеня на товары, составляющие произведения почвы и промышленности воюющих с Россией государств, назначалась в пятикратной размере пошлины [15, Л.16]. По показаниям Каспара Кириорьяна выяснилось, что сам он купил табак по незнанию и просил освободить от уплаты пени, поскольку таких средств не имел [15, Л. 20]. 29 апреля 1917 г. последовало решение Департамента таможенных сборов о снятии пени в размере 96 руб. 60 коп. с обвиняемого. В силе было оставлено только решение таможни о конфискации табака [15, Л.26].

В октябре 1916 г. поступили сведения о злоупотреблениях по провозу германских товаров под видом товаров союзных или нейтральных стран. Петроградской таможней при Финляндской железной дороге было досмотрено 18 ящиков электрических свечей

для получения искры в моторах, на упаковке была надпись «Made in Sweden», а под ней была обнаружена другая надпись «Made in Germany» [14, Л.95].

В ноябре 1916 г. было разослано секретно циркулярное распоряжение ДТС. В Московскую таможню была доставлена партия бритв, с надписью «За отличие храброму русскому солдату». Эти образцы были отправлены ДТС в отдел промышленности, который сообщил, что данные бритвы были определены как германские. Регистрация данного знака с надписью и с изображением в виде портрета была заявлена еще в 1913 г. одной из немецких фирм в Золингене. При чем по отзыву канцелярии Главного Штаба ходатайство данной фирмы о заявке распространения на территории Российской империи такого знака было отклонено [14, Л.123].

В копии секретного Циркуляра ДТС по таможенному ведомству от 1 декабря 1916 г. об ухищрениях во время провоза германских товаров. Служащими Ренинской таможни были обнаружены факты ухищрений под видом доставки товаров из других стран. 15 ноября 1916 г. в Ренинский порт из Румынии турецкоподданным на румынском пароходе были доставлены товары, занимающие 5 багажных мест. По документам они были заявлены как «неизвестный по качеству и количеству товар». Досматривающий контролер обратил внимание на маленькие картонные коробочки с медной проволокой, изделиями (гвоздями) с надписью на французском языке. Сорвав этикетку, он обнаружил вторую наклейку на немецком языке, что указывало на германское происхождение товара. Предписывалось принять меры к устранению подобных попыток [14, Л.125].

В декабре 1916 г. был отправлен секретный Циркуляр о наблюдении за ввозом семян германского происхождения. Фирма «Ольсенс Энке» в Копенгагене торговала семенами германской фирмы. Батумская таможня сообщала, что бывшие клиенты фирмы «Бенари» получили от фирмы «Ольсенс Энке» новые выпуски прейскурантов на 1916/1917 год. Стоимость товара была указана в марках, а напротив некоторых семян цветочных растений, составляющих специализацию германской фирмы, прямо указывалась фирма «Бенари» и были сделаны отметки 1912, 1913, 1914 и 1915 года производства [14, Л.127].

В связи со случаями хищения в посылках или пропажи вещей, поступающих из-за границы было дано распоряжение. Предписывалось принять строгие меры надзора за хранением почтовых посылок. Весь вес следовало проверять по декларации с последующим составлением актов по инструкции, принятой в 1912 году [14, Л.86].

В феврале 1917 г. об артельной плате за посылки для военнопленных. В соответствии с распоряжением от 2 сентября 1916 г. о выдаче таможенной артели вознаграждения за обработку посылок для военнопленных. Запрашивалась информация о том, были ли такие посылки отправлены через Мариупольскую таможню в период с сентября 1916 г. по февраль 1917 г., и в каком количестве [14, Л.1551].

Среди материалов делопроизводства Мариупольской таможни сохранилась ведомость с перечнем товаров, составляющих главный предмет контрабанды за второе полугодие 1916 г. Среди данных предметов назывались: чай (был один случай по морской границе), табак (также один случай по морской границе). Среди них к предметам контрабанды относились: сахар, спирт и спиртные напитки, домашний скот, лошади в виде перевозочных средств, ленты платяные из соломы, кораллы, сахарин, химические продукты, опий, красильные вещества, изделия из благородных металлов, изделия из кожи, оружие (порох, патроны, взрывчатые вещества), часы, нитки швейные на катушках, шерсть и изделия из шерсти, пряжа, бумага, искусственное полотно и платки полотняные, бумажные ткани и др. бумажные изделия, шелк и шелковые ткани,

тюль, бархат, вышивка, белье и платья готовые, шляпы, пуговицы, перья страусовые, детские игрушки, перевязочные средства и другие товары [14, Л.147].

Таким образом, как свидетельствуют материалы делопроизводства Мариупольской таможни за 1916 – 1917 года, ГАУ и Особое совещание по обороне, в связи с острой необходимостью в определенной промышленной продукции иностранного происхождения могло реквизировать станки и другие предметы механического заводского оборудования. Также вводился запрет на торговлю алюминием в различных изделиях. Реквизиции подлежали поступающие из-за границы формалин, оптические стекла, сырой нафталин и бертолетова соль.

В дополнительном циркулярном распоряжении ограничивался на время войны пропуск через таможню спиртных напитков. В ряде документов речь шла о попытках доставки с целью последующей реализацией товаров, производимых в Германии с участием нейтральных стран. Например, из Дании проволоочных железных оправ для платьев. Ввозились печатные издания, которые, несмотря на то, что были изданы в Германии и Вене, носили парижские названия. Широко практиковалось стирание и вытравливание надписей на упаковках германских товаров для обхода запрета их ввоза в пределы России.

Предпринимались попытки ввозить бритвы, сапожные кнопки (гвозди), покрытые медью, печатные машинки без фабричных клейм, электрические свечи для получения искры в моторах, медной проволокой, гвоздей, семена цветочных растений, кокосовые пуговицы, дамские чулки, табак, чай и т.д. Предпринимались попытки ввозить партии поддельных лекарственных веществ германского происхождения, являющиеся подделкой салона, фенацетина и бромистого натрия, в виде смеси разных солей, не включенные в список разрешенных Медицинским Советом к ввозу лекарственных средств. Германский торговый дом Линдеман в Александрии, являющийся одним из крупнейших поставщиков египетского хлопка в Россию, путем создания фиктивной фирмы предпринимал попытки ввозить египетский хлопок в Россию. Были выявлены случаи недобросовестного исполнения служебных обязанностей определенными лицами. По агентурным сведениям, российский вице-консул в Мальме свободно выдавал фиктивные свидетельства о происхождении некоторых германских товаров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аграшенков А.В. Краснянский И.Ю. Борьба с контрабандой в России (X-начало XX в.) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1998. – №4 (223). – С.70-80.
2. Бутов Я.В. Таможенно-торговая политика России во второй половине XIX века. – М.: Российская таможенная академия. 2000. – 128 с.
3. Савченко М.М. Таможенное дело в России в годы Первой мировой войны // Вестник Российской таможенной академии. – 2014. – №4. – С.7-15.
4. Оськин М. История Первой мировой войны. – М.: Вече, 2014. – 712 с.
5. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю.А. Петров. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 982 с.
6. Грозин С.Ю. Борьба с контрабандой и наблюдение за правильностью торговли как одни из функций полицейской деятельности в Восточной Сибири во второй половине XIX начале XX вв. // Научный дайджест Восточно-Сибирского Института МВД России. – 2019. – №2(2). – С. 56-59.
7. Павлов А.Ю. Экономическая разведка в годы Первой мировой войны: Российский опыт. // Новейшая история России. – 2024. – Том. 14, № 4. – С. 810-820.
8. Самойлова А.Д. Борьба тюменских правоохранительных органов с нарушениями в сфере торговли в 1919-1920 гг. // Молодой ученый. – 2025. – №24(104). – С.859-861.
9. Разумная Н.Н. Торговое дело на территории Донбасса (1914-1917 гг.) // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2019. – №2(69). – С. 61-71.

10. Разумная Н.Н. Торговое мореплавание в Азовском и Черном море в годы Первой мировой войны. // Черноморско-Средиземноморский регион в контексте национальных интересов России: история, политика, культура: Материалы Международной научно-практической конференции, Судак, 13–15 мая 2022 года. – С.133-138.
11. Разумная Н.Н., Дягло А.Р. Мариупольский торговый порт во второй половине XIX – начале XX вв. // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2023. – №2(85). – С.62-69.
12. Разумная Н.Н. Деятельность контрразведки на территории Одесского военного округа в 1914-1917 гг. // Причерноморье в контексте российской цивилизации: история, политика, культура: материалы Международная научно-практическая конференция. /отв. ред. А. В. Баранов, В. В. Касьянов. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2019. – С. 175-181.
13. Разумная Н.Н. Организация выдачи социальной помощи служащим в России в 1914–1917 гг. // Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальной безопасности России: К 80-летию Победы в Великой Отечественной войне: Материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 22-24 мая 2025. – С.137-141.
14. Государственный архив ДНР. Ф.134. Оп.1. Д.82. На 157 листах.
15. Государственный архив ДНР. Ф.134. Оп.1. Д.81. На 27 листах.

REFERENCES

1. Agrashenkov A.V. & Krasnyanskiy I. Yu. (1998) [The fight against smuggling in Russia (X-early XX century)] *Izvestia vysshykh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie = News of higher educational institutions. Legal studies*. 4 (223), 70-80. (In Russian).
2. Butov Ya.V. (2000) *Customs and trade policy of Russia in the second half of the 19-th century*. Moscow Russian Customs Academy (In Russian).
3. Savchenko M.M. (2014) [Customs business in Russia during the First World War] *Vestnik Rossiyskoy tamozhenoy akademii = Bulletin of the Russian Customs Academy*. 4, 7-15 (In Russian).
4. Oskin M. (2014) *The history of World War First*. Moscow. Veche Publishing House. (In Russian).
5. Petrov Yu.A. (2014) *Russia during the First World War: economic situation, social processes, political crisis*. Yu.A. Petrov (eds.) Moscow. The Political Encyclopedia (In Russian).
6. Grozin S.Yu. (2019) [Combating smuggling and monitoring the correctness of trade as one of the functions of police activity in Eastern Siberia in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries.] *Nauchnyi daydzhest Vostochno-Sibirskogo Instituta MVD Rossii = Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2(2). 56-59 (In Russian).
7. Pavlov A.Yu. (2024) [Economic intelligence during the First World War: The Russian Experience]. *Noveyshaya istoriya Rossii = The modern history of Russia*. 4. 810-820. (In Russian).
8. Samoylova A.D. (2025) [The struggle of Tyumen law enforcement agencies with violations in the sphere of trade in 1919-1920] *Molodoy ucheniy = Young scientist*. 24(104). 859-861. (In Russian).
9. Razumnaya N.N. (2019) [Trade in the territory of Donbass (1914-1917)] *Zhurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezhdunarodnykh issledovaniy = Journal of historical, political and international studies*. 2(69), 61-71. (In Russian)
10. Razumnaya N.N. (2022) Merchant shipping in the Sea of Azov and the Black Sea during the First World War. // The Black Sea-Mediterranean region in the Context of Russia's National Interests: History, Politics, culture: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Sudak, 13-15 of May 2022. pp. 131 - 138 (In Russian).
11. Razumnya N.N. & Dyaglo A.R. (2023) [Mariupol commercial port in the second half of the 19th – early 20th centuries] *Zhurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezhdunarodnykh issledovaniy = Journal of Historical, Political Science and International Studies*. 2(85). 62-69. (In Russian).
12. Razumnaya N.N. (2019) Counterintelligence activities in the territory Odessa Military District in 1914-1917. *The Black Sea Region in the Context of Russian Civilization: history, Politics, culture*. Scientific Conference A.V. Baranov, V.V. Kasyanov (eds.) Krasnodar: Kuban State University Yekaterinburg, Russia. pp. 175-181. (In Russian).
13. Razumnaya N.N. (2025) Organization of social assistance to employees in Russia in 1914-1917 // The Black Sea-Mediterranean region in the Russian national security system: On the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Krasnodar, 22 - 24 of May 2025. pp. 137 - 141. (In Russian)
14. State Archive of DPR. F. 134, O.1, D. 82
15. State Archive of DPR. F. 134, O.1, D. 81

**CIRCULARS ON THE CUSTOMS DEPARTMENT AS A LEGAL BASIS IN THE FIGHT AGAINST
SMUGGLING IN RUSSIA IN 1914-1917**

N.N. Razumnaya

On the basis of Circulars on the customs department for 1916-1917, scarce industrial goods were identified, subject to requisition by the State Agrarian University and a Special meeting to discuss and combine measures for the defense of the state. These are machine-building products - machine tools and other items of factory equipment, aluminum products, optical glasses, chemicals – formalin, crude naphthalene and bertolet salt. There have been repeated attempts to deliver goods produced in Germany with the participation of neutral countries through customs offices from abroad. Among these goods were: iron wire frames for dresses, periodicals, Egyptian cotton, razors, shoe buttons (nails) coated with copper, typewriters, electric candles to generate sparks in motors, copper wire, nails, flower seeds, coconut buttons, stockings, tobacco, tea and lots of counterfeit medicinal substances that are not included in the list of medicines approved by the Medical Council for import. It was widely practiced to erase and etch inscriptions on packages of German goods to circumvent the ban on their importation into the Russian Empire.

Key words: World War I, Russian Empire, Germany, customs, department, smuggling, circular

Поступила в редакцию 19.03.2026 г.

Разумная Надежда Николаевна

Кандидат исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет», Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: nnrazumnaya@donnu.ru

Razumnaya Nadezhda Nikolaevna

Candidate of History, Associate Professor,
FSBEI HE «Donetsk State University»,
Donetsk, DPR, Russian Federation
E-mail: nnrazumnaya@donnu.ru

**«СЛАДКОЕ» ПОСЛЕВОЕННОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ: ВОЗВРАЩЕНИЕ
К ТРАДИЦИИ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ СЛАДОСТЕЙ
(на примере города Сталино 1943–1953 гг.)**

© 2026 *Н. Н. Старченко*

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

На основе изучения архивных и опубликованных документов в статье рассматриваются особенности возрождения и развития традиционных технологий производства и потребления кондитерских изделий в послевоенном СССР на примере города Сталино в 1943–1953 гг. Автор подчеркивает, что, несмотря на трудности послевоенного восстановления, городские промышленные предприятия по выпуску кондитерских изделий старались удовлетворить потребности населения, вводя новые виды продукции и инновационные методы производства.

Ключевые слова: послевоенное возрождение, Сталино, кондитерские изделия, кондитерская фабрика, традиции производства, лакомство.

После окончания Великой Отечественной войны общество столкнулось с необходимостью быстрого восстановления промышленности, инфраструктуры и социальной жизни. В этом процессе особое место занимало восстановление производства продуктов питания, среди которых важную роль играли кондитерские изделия.

Индустриальный центр Донбасса – город Сталино (современный Донецк) – многократно подвергался испытаниям в ходе войны. Освобождение города 8 сентября 1943 г. от немецко-фашистских оккупантов стало началом нового этапа в послевоенном возрождении региона. Изучение процесса возвращения к традициям производства и потребления сладостей на примере города Сталино в 1943–1953 гг. позволяет понять особенности социально-экономического восстановления страны в целом и кондитерской промышленности в частности в первые послевоенные годы.

Цель исследования – проследить особенности возрождения и развития традиционных технологий производства и потребления кондитерских изделий в послевоенном СССР на примере города Сталино в 1943–1953 гг.

В отечественной исторической науке вопрос восстановления производства в период с 1945 по 1953 годы чаще всего изучался в рамках процессов послевоенной индустриализации и социалистической модернизации. Авторы акцентировали внимание на преимуществах советской социалистической экономики, государственной собственности и плановой системы, которые, по их мнению, позволили быстрыми темпами достичь высоких показателей в восстановлении народного хозяйства страны [1; 2]. Вместе с тем следует отметить, что вопросы развития пищевой промышленности СССР нашли отражение в публичной лекции министра пищевой промышленности В.П. Зотова, прочитанной в апреле 1948 г. в Москве [3]. Основной задачей данного выступления было подчеркнуть успехи советского пищевого прома в непростые послевоенные годы. В основном указанные исследования подчеркивали значимость восстановительных процессов в промышленности, включая пищевую промышленность, однако зачастую ограничивались общим анализом индустриального развития и мало касались культурологических аспектов потребления сладостей.

Стоит отметить, что уже во второй половине 1950–1960-х гг. было издано немало работ, в которых проанализирована деятельность различных отраслей пищевой промышленности, в том числе кондитерской [4]. К примеру, А.Е. Федоровский в своем труде «Кондитерская промышленность СССР за годы Советской власти» подробно исследовал и привел конкретные показатели работы кондитерского производства страны [5].

В 1970–1980-х гг., в общем контексте исследования истории Украинской ССР, данный вопрос рассматривался на страницах таких изданий, как «История городов и сел Украинской ССР. Донецкая область» [6] и «История рабочих Донбасса» [7]. Указанные труды содержат значительный фактический материал, однако необходимо учитывать исторический контекст написания: авторы не могли остаться вне политической и идеологической конъюнктуры.

На современном этапе развития исторической науки значительный вклад в исследование социально-бытовых проблем советской повседневности внесли такие российские ученые как О.Ю. Зубкова [8], Н.М. Козлова [9], Н.Б. Лебина [10], М.Н. Федченко [11]. Однако проблематика потребления кондитерских изделий населением страны в трудах указанных авторов освещалась лишь частично или вовсе оставалась вне поля их внимания.

Среди современных авторов необходимо отметить труд петербургского историка и литератора Игоря Богданова «Лекарство от скуки, или история мороженого», в котором он прослеживает историю популярного лакомства среди взрослых и детей, начиная с III тысячелетия до н. э., когда в Древнем Китае впервые начали готовить замороженные десерты, и до современности, уделяя особое внимание развитию производства мороженого в СССР [12].

В целом, историография по данной проблематике характеризуется недостаточной предметной разработанностью региональной специфики, что обуславливает необходимость проведения нового исследования, объединяющего источники промышленных, культурологических и социальных аспектов послевоенного восстановления производства кондитерских изделий в городе Сталино.

О качестве советских продуктов и оригинальности рецептур ходят легенды. В особенности это касается кондитерских изделий, которые занимали существенное место в рационе населения и имели особую репутацию благодаря своим исключительным вкусовым свойствам. Кондитерские изделия СССР стали неотъемлемой частью повседневности и символом советского гастрономического наследия.

В советском обществе существовало деление кондитерских изделий на категории, основанное на стоимости: простые и дорогие конфеты. К простым относились различные виды карамели, такие как «Раковые шейки», «Гусиные лапки», «Снежок» – эти сладости были доступны практически всем, их продавали на развес и стоили они недорого. В то же время шоколадные конфеты относились к категории «доступной роскоши» и, как правило, приобретались преимущественно по случаю праздников.

Торговля сладостями осуществлялась через магазины, ярмарки и продуктовые базары, а яркие и красочные упаковки создавали настроение и ощущение праздника.

В первые месяцы после освобождения города Сталино от немецко-фашистских захватчиков жителям города было не до сладостей. Город лежал в руинах и требовал немедленного начала восстановления. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецких оккупантов» определило первоочередные задачи [13]. В результате в 1944 г. возобновила свою работу Сталинская кондитерская фабрика,

однако ассортимент кондитерских изделий был крайне ограничен и включал всего пять наименований [14, л. 1]. В 1945 г. ассортимент изделий был расширен до 26 сортов, включавших карамель «Малинка», «Барбарис», «Майская», дражированную смесь, карамель фруктово-ягодную обсыпанную сахаром. Также были представлены конфеты «Киевская помадка», «Фруктовая помадка», «Грибок помадный», «Полярная в шоколаде», а ассортимент печенья дополняли «Изобилие», «Украинское» и «Мариупольское» [14, л. 2, 5].

Согласно архивным документам, в 1945 г. на фабрике работал временный карамельный цех кустарного типа на 8 конторок, а с июля вступил в строй временный бисквитный цех с одной двухярусной канальной печью с производительностью 1,5 т печенья или 2,4 т пряников в сутки [14, л. 36].

В 1948 г. Сталинская кондитерская фабрика перевыполнила плановые показатели на 3,1 %, выпустив 100,2 т продукции, что стало рекордным ростом: объем выпуска карамели вырос в восемь раз, а бисквита почти в 2,5 раза по сравнению с предыдущим годом [15, л. 32]. При этом следует отметить, что условия работы предприятия в отчетном году резко отличались от условий предыдущих лет в связи с переходом на механизированный способ производства в карамельном цехе. К тому же трудности освоения и внедрения техники, отсутствие квалифицированных рабочих, полное отсутствие кадров ИТР, перебои в снабжении сахаром в сентябре–октябре негативно сказывались на производственной деятельности фабрики. Несмотря на перечисленные проблемы, в 1948 г. ассортимент продукции кондитерской фабрики был расширен до 98 сортов (против 67 сортов, выпущенных в 1947 г.), из которых по признаку рецептур – 81 сорт и по признаку оформления – 17 сортов. Примечательно, что из общего количества выпущенных сортов новые составили 43 наименования. Ассортимент продукции был пополнен такими группами, как карамель, завернутая с шоколадной начинкой, карамель, обсыпанная какао-порошком, драже цветное и драже шоколадное, пряники из муки высшего сорта [15, л. 29, 47].

К праздникам фабрика выпускала праздничные наборы весовой продукции, доступные как в пакетах, так и в коробках. Среди них были пакеты «Первомайский» и «Ко Дню шахтера» (по 500 г), «Октябрьский» (различного веса: 200, 250, 400, 500 г), «Новогодние подарки» (300 г) и «Детские подарки» (250 г). Помимо пакетов, фабрика радовала покупателей весовыми наборами в коробках, приуроченными ко Дню шахтера и Новому году. К профессиональному празднику шахтеров выпускались как классические коричневые коробки «Донбасс» (400–500 г), так и эксклюзивные юбилейные коробки с фото (200, 250, 400, 500 г). Новогодние коробки отличались художественным оформлением и наличием вкладышей, предлагались в весовых категориях 200, 300 и 400 граммов [15, л. 50–52].

В 1949 г. Сталинская кондитерская фабрика улучшила качество выпускаемой продукции, расширила выпуск завернутой и расфасованной продукции, увеличила выпуск ходовых сортов кондитерских изделий, таких как: карамель завернутая «Яблоко», «Ананас», «Клубника», «Слива», «Светофор»; шоколадные конфеты «Ромашка», «Счастливое детство» и др. [16, л. 5]. В указанном году фабрика уже выпускала 128 сортов кондитерской продукции, из них карамели – 65 сортов, драже – 7, конфет – 36, бисквита – 10, пряников – 10, расширив по сравнению с 1948 г. ассортимент на 47 сортов. Выпущено новых сортов карамели – 24, драже – 4, конфет – 14, бисквита – 3, пряников – 3. Праздничный ассортимент был выпущен в количестве 45 т, в том числе Первомайский – 17,2 т, Октябрьский – 21,08 т и Новогодний – 6,76 т [17, л. 1].

1950 г. был завершающим годом послевоенной сталинской пятилетки восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства страны. Коллектив рабочих, инженеров и служащих Сталинской кондитерской фабрики пятилетний план выполнил на 106,9 %. По данным архивных документов, в отчетном году фабрика, последовательно оснащаясь передовой техникой, переводя ряд трудоемких и ручных процессов на механизированный способ производства, приняла облик современного технически оснащенного предприятия для своего времени [18, л. 1].

Ассортимент продукции был пополнен такими группами, как карамель, завернутая с прохладительной и медовой начинками, драже «Черешня», арахис в сахаре. В соответствии с решением балансовой комиссии Главка по итогам работы фабрики за 1949 г., в 1950 г. был увеличен выпуск ходовых сортов карамели («Дюшес» в 3,7 раза, «Барбарис» в 2 раза, «Десертная подушечка» в 4,3 раза), также значительно увеличен выпуск драже в 2,3 раза. Осваивались такие ходовые сорта, как «Старт» и «Коровка». Примечательно, что с 1949 г. производство некоторых сортов значительно увеличилось. Например, выпуск карамели «Кремок» возрос в 20,4 раза, а «Нежной помадки» – в 12 раз. В конфетном цехе было улучшено качество конфет «Шоколадные» за счет внедрения более совершенной технологии, применяющейся на фабрике им. Крупской. Необходимо подчеркнуть, что в 1950 г. наблюдался существенный рост производства кондитерских изделий, таких как мармелад, зефир, конфеты, драже и карамель, а также бисквитов, по сравнению с показателями 1949 г. В связи с расширением ассортимента, обусловленным увеличением объемов выпуска бисквитной продукции, производство пряников было сокращено на две трети [18, л. 6, 11, 15].

В 1950 г. Сталинской кондитерской фабрикой было реализовано 7804 т продукции. Из этого количества было отпущено торгующим организациям Сталинской области 7497 т, Ростовской области – 228 т, Краснодарской – 79 т. Поставки продукции распределились следующим образом: 2257 т – Системе угля, 819 т – Черной металлургии, 693 т – Гастроному. Остальным организациям отгружено 3829 т, включая 473 т для нужд села [18, л. 42].

Также в 1950 г. произошло значимое событие, вызвавшее положительный отклик у горожан: в марте был открыт фирменный магазин Главкондитера. В магазине в широком ассортименте были представлены высококачественные кондитерские изделия союзных и республиканских кондитерских фабрик. В продаже имелся большой выбор конфет, карамели, драже, шоколада, мармелада, печенья, пряников, пирожных, тортов, варенья и других изделий [19].

Следует заметить, что в предпраздничные и праздничные дни в ресторанах города Сталино – «Москва» и «Донбасс», присутствовал широкий ассортимент как холодных закусок, так и горячих блюд, а также кондитерских изделий собственного производства – тортов, кексов и пирожных. Помимо этого, рестораны принимали заказы от населения на изготовление тортов, кексов и других кондитерских изделий [20].

Рассматривая производство кондитерских изделий, следует отметить деятельность хлебопекарной отрасли, функционировавшей в городе Сталино в исследуемый период. Так, в 1948 г. предприятия хлебопекарной промышленности Сталинской области были оснащены 22 новыми конвейерными печами, что дало возможность значительно расширить ассортимент хлебобулочных и кондитерских изделий. Только за октябрь–ноябрь обозначенного года было выпущено 20 новых наименований хлебобулочных изделий. Впервые после Великой Отечественной войны на Ждановском хлебокомбинате начали выпекать «Минский» хлеб весом 800 граммов.

Значительно был увеличен ассортимент хлебобулочных и кондитерских изделий как на хлебозаводах, так и на хлебокомбинатах городов Сталино, Макеевки, Краматорска, Артёмовска. Здесь начался выпуск булок четырех сортов, калачей, пряников, бисквитов, медовых коврижек, бубликов, сушки, баранок, пяти сортов хлеба и др. [21].

Анализируя потребительские предпочтения населения города Сталино, следует отметить, что мороженое сохраняло свою популярность среди взрослых и детей на протяжении как предвоенного, так и послевоенного периода.

В СССР мороженое было единственным продуктом, который практически никогда не попадал в разряд дефицита. Кроме того, это единственный общедоступный продукт, качество которого никогда со времени начала его промышленного производства в 1932 г. не ухудшалось и не уступало зарубежному. Фабричное производство мороженого являлось в СССР отраслью промышленности, на которую работали санитарные лаборатории, специалисты инженерного дела, сельского хозяйства и торговли. И. Богданов отмечает, что в СССР мороженое было вне политики и идеологии, его просто производили качественно и без перебоев на радость людям, не делали инструментом для доказательства «достижений» в какой-либо области и не печатали на обертках образов вождей пролетариата [12, с. 14].

Появление массового производства мороженого в СССР связано с деятельностью Анастаса Ивановича Микояна – наркома пищевой промышленности. В 1936 г. он привез из-за рубежа новую технологию, которую впервые применили на фабрике при Мосхлагомбинате № 8. После успешного запуска такие хладокомбинаты стали открываться по всему СССР.

Еще в 1932 г. в городе Сталино в государственной структуре «Главхолод» был введен в строй холодильник емкостью 2700 т. В 1937 г. при холодильнике был организован небольшой участок по выпуску мороженого производительностью 30 т в год. Производство мороженого постоянно совершенствовалось, наращивались его мощности, а следовательно, увеличивался и выпуск мороженого в городе.

О предвоенном и послевоенном производстве мороженого в городе Сталино практически нет информации, архивные документы этого периода очень ограничены, а в периодической печати тех лет встречаются преимущественно статьи о восстановлении главных промышленных отраслей Донбасса. Однако существуют сведения об ассортименте мороженого, который был доступен перед началом ВОВ. Уже в военном 1941 г., пока бои шли на западе от Донбасса, Сталинский холодильник «Главмороженое» предлагал такие сорта мороженого, как пломбир, сливочное, молочное, шербет, фруктовое, брикеты и стаканчики. Приобрести лакомство в еще свободном городе можно было в сквере Павших коммунаров, в гостинице «Донбасс», на станции Сталино и на базаре шахты № 30 на Рутченковке [22].

После окончания войны в городе Сталино продолжили производить мороженое. Так, в 1950 г. Сталинский холодильник предлагал 12 видов холодного лакомства [22].

В 1952 г. в Советском Союзе изготавливалось сливочное, молочное, фруктовоягодное мороженое, пломбиры, торты из мороженого. Десерт изготавливался в соответствии с довольно жестким ГОСТом 117-41, введенным еще в 1941 г. накануне войны. В советском мороженом отсутствовали консерванты, поэтому его необходимо было продать за неделю со дня поступления.

Большой популярностью среди населения страны пользовалось так называемое «эскимо», порционное мороженое на вафлях и в вафельных стаканчиках, а также пломбирные торты и пирожные. Молочное и сливочное мороженое поступало в продажу в широком ассортименте: ванильное, шоколадное, ореховое, миндальное, с

цукатами и др. Состав советского мороженого расписан в «Книге о вкусной и здоровой пище»: яичные желтки, сливки 35% жирности, молоко, сахар, ванилин [23, с. 319]. Все эти продукты можно было купить в магазине, а мороженое сделать самостоятельно дома – в книге был размещен поэтапный рецепт приготовления.

Следует отметить особенности лакомств, пользовавшихся популярностью среди детей в послевоенный период, которые сохранили свою актуальность и по сей день.

Детство в послевоенном Советском Союзе имело свои особенности, и сладости чаще всего были наградой за хорошее поведение. В первые годы после освобождения Сталино в магазинах не было большого выбора кондитерских изделий, а родители часто не могли позволить себе купить даже то, что предлагалось. Вместо привычных сегодня конфет, шоколадок или мороженого советские дети придумывали собственные «десерты», используя то, что было доступно.

Самодельный леденец был самым популярным лакомством среди детей, так как готовился за несколько минут и стоил практически ничего. Сахар растапливали в столовой ложке над пламенем плиты. Полученную карамель выливали на бумагу или оставляли в ложке, а для удобства вставляли спичку. Также среди более простых вариантов были бутерброды из батона и сахара. Дети смазывали хлеб сливочным маслом, посыпали сахаром и ели. Еще один популярный рецепт – печенье с маслом, сложенное «бутербродом».

В итоге рассмотрения данного вопроса можно сказать, что период послевоенного восстановления страны стал временем испытаний, восстановления и возрождения для всего советского общества, в том числе и для городов с развитой индустрией и культурой. Город Сталино – центр Донбасса, центр добычи угля и металла, в этот период проходил через сложный этап восстановления экономики, социальной сферы и быта. Одним из ярких свидетельств возрождения стало возвращение к традиции производства и потребления сладостей, которые в послевоенное время приобретали особое символическое значение. Городские предприятия по выпуску кондитерских изделий, несмотря на трудности, старались удовлетворить потребности населения, вводя новые виды продукции и инновационные методы производства. Таким образом, для горожан сладости становились не только вкусной частью рациона, но и олицетворением надежды, восстановления и пусть даже небольшого праздника в трудные послевоенные годы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Викентьев А.И. Очерки развития советской экономики в четвертой пятилетке. – М.: Госполитиздат, 1952. – 252 с.
2. Геращенко Б.С. Новый мощный подъем народного хозяйства СССР в первой послевоенной пятилетке. – М.: Госполитиздат, 1951. – 128 с.
3. Зотов В.П. Пищевая промышленность в новой пятилетке: Стенограмма публичной лекции, прочит. 16-го апр. 1948 г. в Центр. лектории О-ва в Москве / Министр пищевой пром-сти СССР В.П. Зотов; Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. – М.: Правда, 1948 (тип. им. Сталина). – 30 с.
4. Григорьев Ф.Б. Кондитерская промышленность СССР: Обзор / Ф. Б. Григорьев, Д. И. Фришман; Гос. ком. Совета Министров СССР по координации науч.-исслед. работ. – М.: ЦИНТИПищепром, 1961. – 52 с.
5. Федоровский А. Е. Кондитерская промышленность СССР за годы Советской власти / Науч.-техн. о-во пищевой пром-сти. Ин-т усовершенствования ИТР – членов Науч.-техн. о-ва пищевой пром-сти. – 2-е изд. – М.: [б. и.], 1959. – 111 с.
6. Історія міст і сіл Української РСР: у 26 т. Донецька область / гол. ред.: Тронько П.Т. (голова) [та ін.]. – К.: Укр. рад. Енциклопедія, 1970. – 992 с.

7. История рабочих Донбасса. В 2-х т. – Т. 2: Рабочие Донбасса в период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму / Глав. ред. Ю.Ю. Кондуфор. – К.: Наукова думка, 1981. – 432 с.
8. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945–1953. – М.: РОССПЭН, 1999. – 229 с.
9. Козлова Н.Н. Советские люди (сцены из истории). – М.: Издательство «Европа», 2005. – 527 с.
10. Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2015. – 488 с.
11. Федченко М.Н. Повседневная жизнь советского человека (1945–1992 гг.): Монография. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2009. – 231 с.
12. Богданов И. Лекарство от скуки, или История мороженого. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 192 с., ил.
13. Правда. – 1943. – 22 августа.
14. Государственный архив Донецкой Народной Республики (далее ГА ДНР). Ф. Р-55. Оп. 1. Д. 2.
15. ГА ДНР. Ф. Р-55. Оп. 1. Д. 7.
16. ГА ДНР. Ф. Р-55. Оп. 1. Д. 15.
17. ГА ДНР. Ф. Р-4249. Оп. 2. Д. 5013.
18. ГА ДНР. Ф. Р-55. Оп. 1. Д. 27.
19. Год 1950-й. Донецкий авторский сайт Е. Ясенова. URL: <https://donjetsk.com/godzagodom/1162-god-1950-y.html> (дата обращения: 04.04.2026 г.).
20. Социалистический Донбасс. – 1950. – 4 ноября.
21. Радянська Донеччина. – 1948. – 2 грудня.
22. Кулинарная суббота. Мороженое. URL: <https://dennislavin.livejournal.com/403578.html> (дата обращения: 05.04.2026 г.).
23. Книга о вкусной и здоровой пище / Министерство пищевой пром-сти СССР. – М.: Пищепромиздат, 1952. – 400 с.

REFERENCES

1. Vikentiev A.I. (1952) *Sketches of the development of the Soviet economy in the Fourth Five-year plan* Moscow: State Political House. 252 p. (In Russian).
2. Gerashchenko B.S. (1951) *New powerful rise of the national economy of the USSR in the first post-war five-year plan*. Moscow: Gospolitizdat, 1951. 128 p. (In Russian).
3. Zotov V.P. (1948). *Food industry in the new five-year plan: Transcript of a public lecture delivered on April 16, 1948 at the Central Lecture Hall of the Society in Moscow*. Moscow: Pravda. 30 p. (In Russian).
4. Grigor'ev F.B. & Frishman D.I. (1961). *Confectionery industry of the USSR: Review*. Moscow: TsINTIPishcheprom. 52 p. (In Russian).
5. Fedorovskiy A.E. (1959). *Confectionery industry of the USSR during the Soviet years*. 2nd ed. Moscow: [s.n.]. 111 p. (In Russian).
6. Tron'ko P.T. (Ed.). (1970). *History of cities and villages of the Ukrainian SSR: in 26 vols. Donetsk region*. Kyiv: Ukrains'ka Radians'ka Entsyklopediia. 992 p. (In Ukrainian).
7. Kondufor Yu.Yu. (Ed.). (1981). *History of the workers of Donbass. Vol. 2: Workers of Donbass in the period of completion of socialist construction and gradual transition to communism*. Kyiv: Naukova dumka. 432 p. (In Russian).
8. Zubkova E.Yu. (1999). *Post-war Soviet society: politics and everyday life 1945–1953*. Moscow: ROSSPEN. 229 p. (In Russian).
9. Kozlova N.N. (2005). *Soviet people (scenes from history)*. Moscow: Izdatel'stvo «Evropa». 527 p. (In Russian).
10. Leбина, N.B. (2015). *Soviet everyday life: norms and anomalies. From war communism to the grand style*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. 488 p. (In Russian).
11. Fedchenko M.N. (2009). *Everyday life of the Soviet man (1945–1992)*. Kurgan: Izdatel'stvo Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. 231 p. (In Russian).
12. Bogdanov I. (2007). *A cure for boredom, or the History of ice cream*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 192 p., ill. (In Russian).
13. Pravda. (1943, August 22). [Newspaper issue]. (In Russian).
14. GA DPR. – F. R-55. – Op. 1. – D. 2. (Archival document).
15. GA DPR. – F. R-55. – Op. 1. – D. 7. (Archival document).
16. GA DPR. – F. R-55. – Op. 1. – D. 15. (Archival document).

17. GA DPR. – F. R-4249. – Op. 2. – D. 5013. (Archival document).
18. GA DPR. – F. R-55. – Op. 1. – D. 27. (Archival document).
19. Yasenov E. (n.d.). *The year 1950. Donetsk author's website*. Retrieved from <https://donjetsk.com/godzagodom/1162-god-1950-y.html> (accessed 04.04.2026). (In Russian).
20. Sotsialisticheskii Donbass. (1950, November 4). [Newspaper issue]. (In Russian).
21. Radyans'ka Donechchyna. (1948, December 2). [Newspaper issue]. (In Ukrainian).
22. *Culinary Saturday. Ice cream*. LiveJournal. Retrieved from <https://dennislapiin.livejournal.com/403578.html> (accessed 05.04.2026). (In Russian).
23. Ministry of Food Industry of the USSR. *Book about tasty and healthy food* (1952). Moscow: Pishchepromizdat. 400 p., ill. (In Russian).

THE "SWEET" POST-WAR REVIVAL: RETURN TO THE TRADITION OF SWEET FOOD PRODUCTION AND CONSUMPTION (based on the city of Stalino, 1943-1953)

N.N. Starchenko

The article examines on the study of archival and published documents, the features of the revival and development of traditional technologies for the production and consumption of confectionery products in the post-war USSR, using the city of Stalino as an example in the period from 1943 to 1953. The author emphasizes that despite the challenges of post-war reconstruction, the city's industrial enterprises producing confectionery products sought to meet the needs of the population by introducing new types of products and innovative production methods.

Key words: post-war revival, Stalino, confectionery, confectionery factory, production traditions, and delicacies.

Поступила в редакцию 27.03.2026 г.

Старченко Наталья Николаевна

Старший преподаватель кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет», г. Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: starchenko.natalya@mail.ru

Starchenko Natalya Nikolaevna

Senior Lecturer of the Chair of History of Russia,
FSBEI HE "Donetsk State University",
Donetsk. DPR, Russian Federation
E-mail: starchenko.natalya@mail.ru

ФИЛОСОФИЯ

УДК 008 + 167

DOI: 10.5281/zenodo.21346483

EDN: IQXTLT

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В ФОКУСЕ НАУЧНОЙ ОБЪЕКТИВНОСТИ

© 2026 **В. В. Волошин**

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

Концепция научной объективности Э. Агацци, превосходящая по содержанию и функциональности принцип объективности, экстраполируется в область глобалистики. Определяется применимость положений данной концепции к понятию «глобализация» и его референту; формулируются ключевые методологические проблемы. Обосновывается положение: научный объект полнее раскрывает свой познавательный потенциал в реляционной программе. В качестве аргумента приводятся результаты анализа тематического триплета – «культура», «цивилизация», «глобализация». Предлагается демаркировать «сильную» онтологическую и «слабую» эпистемологическую объективность, в пространстве которой элиминация субъективных факторов затруднена.

Ключевые слова: глобалистика, глобализация, культура, цивилизация, научная объективность, принцип объективности, Э. Агацци.

Введение. Глобализация – один из индикаторов современности. Понятие «глобализация» (кавычки позволяют избежать отождествления знака и его референта) – несущая конструкция глобалистики, изучающей естественнонаучные, философские, социально-гуманитарные основания и следствия общепланетарных процессов. Данный концепт широко используется экономистами, политологами, социологами, культурологами, экологами, климатологами. Формируется соответствующий концептуальный каркас: в научный лексикон уверенно входят понятия «глобальные проблемы», «глобальный эволюционизм», «глобальный терроризм», «глобальный кризис», «глобальное потепление», «деглобализация». Дополнительным содержанием наполняются «старые» термины: «культура», «цивилизация», «демократия».

Неизбежно встает вопрос о природе глобализации, ее объективном характере. Как отмечает А. Н. Чумаков, вопрос об объективной (субъективной) сущности глобализации имеет принципиальное значение, ибо «глобалистика как никакая другая область научного знания непосредственно связана с интересами людей и принятием решений» [1, с. 49]. В том числе и на локальном уровне: будущее России определяется способностью представить адекватное исторической ситуации *максимально объективное* объяснение (а затем и прогнозирование) мировых процессов. Но что такое научный объект, объективность, объективное знание, как они соотносятся с принципом объективности? Ответы следует искать в области методологии, шире – эпистемологии, учитывая, что естествознание и социально-гуманитарные науки дают разные ответы на эти, и другие эвристические вопросы. К. Р. Поппер, отождествлявший эпистемологию и философию науки, считал, что наука характеризуется именно используемыми методами, способами обращения с научными системами – элементами «третьего мира».

Глобализации посвящены тысячи публикаций. Ограничимся обращением к ведущим отечественным ученым. Полномасштабные работы А. С. Панарина, И. А. Гобозова, И. В. Ильина, Ю. Н. Саямова, О. Г. Леоновой имеют насыщенную методологию.

ческую составляющую. Особый интерес представляют многоплановые философские труды А. Н. Чумакова. С большим отрывом «лидируют» (в плане количества) статьи, посвященные экономическим аспектам глобализации. Отметим интересные работы политологического (сфера геополитики и международных отношений), исторического плана (О. Г. Леонова, Л. Н. Клепацкий, Р. В. Евстифеев, С. Ф. Шмидт). В качестве эпистемологического базиса выбрана фундаментальная монография Эвандро Агацци [2], ориентированная на решение задач философии естествознания.

Цель статьи: определить применимость теории научной объективности к ключевому концепту глобалистики, сформулировав основные методологические проблемы.

Статья состоит из двух частей. Первая посвящена экскурсу в работу Э. Агацци, который представил оригинальную концепцию научной объективности, превосходящую по содержанию одноименный методологический принцип. Вторая представляет собой анализ рассуждений о природе и смысловых импликациях глобализации.

Важное уточнение. Глобализация есть «процесс формирования в ходе человеческой деятельности не просто взаимосвязанного, а системно-целостного мира». Причем, как отмечает И. В. Ильин, эта целостность реализуется как в системе «человек-общество», так и в системе «человек-общество-природа» [3, с. 26]. Другими словами, глобализация – это сложный подвижный комплекс. Нас интересует «глобализация» как характеристика интеграционных социально-политических и культурных процессов планетарного масштаба. Глобальные изменения экономического ландшафта, трансформации физической структуры Земли, результаты антропогенных изменений окружающей среды оставляем за скобками.

Концептуальной установкой является тезис: формулировка и решение научных аномалий и затруднений – механизм, обеспечивающий рост научного знания. Для достижения поставленной цели используются анализ, сравнение дефиниций (и интерпретаций) стержневого концепта, вариант гипотетико-дедуктивного метода как «подгонки» (и проверки) наличных объяснений под конкретную методологическую программу. Полученные результаты можно трактовать в качестве вспомогательной (детализирующей) методологической гипотезы.

Основная часть. Пропедевтические замечания: 1) объективными являются утверждения, содержание которых не зависит от убеждений, предпочтений, оценок, а также специфики познавательной ситуации (контекста); 2) научный объект и объективная реальность не тождественны.

С одной стороны, объективность есть признание «полного суверенитета» исследуемого явления, процесса, события, всего того, что именуется научным объектом. Последний, будучи независимой наблюдаемой сущностью (референтом), раскрывается нами (и для нас) с помощью знаков – понятия или множества понятий, фиксирующих свойства и отношения некоторой подобласти реальности. Сложные составные референты имеются у гипотез, моделей, теорий. Такая объективность «есть ссылка на объекты» (Э. Агацци), ее именуем «онтологической».

С другой стороны, объективное *знание* – это знание предельно отвлеченное от его носителя, знание ценностно «пустое», почти анонимное. В идеале такое знание можно обсуждать и применять независимо от того, в каком контекстуальном и/или пространственно-временном сегменте оно функционирует. «Быть объективным – значит стремиться к знанию, которое не несет в себе следы познающего, – знанию, не отмеченному предрассудком или умением, фантазией или суждением, желанием или стремлением. Объективность – это слепое зрение, видение без умозаключения, интерпретации или рассуждения» [4, с. 54]. Назовем такую объективность «эпистемологической». Она на-

ходит отражение в известном методологическом принципе, представляющем собой набор требований. (1) Предполагается элиминация субъективных элементов познавательного процесса. (2) Рекомендуются следовать конвенциональным исследовательским стандартам. (3) Должна быть возможность проведения гносеологического независимого аудита. (4) Объективность – это общезначимость и простота, следовательно, открытость для опровержений. Эпистемологическая интерсубъективность, о ней идет речь в (2–4), есть взаимодействие и обобщенный опыт, она «является необходимым условием построения объективного знания» [2, с. 124]. (5) Объекты должны отражаться в гипотезе (модели, теории) нейтрально, независимо от интересов и предпочтений социальных и бизнес групп, политической конъюнктуры, господствующих идеологем.

Ключевой тезис Э. Агацци: наука постигает не всю реальность, а только ее порции, образуемые некой совокупностью положений дел. Каждая наука «рассматривает реальность с некоторой специфической «точки зрения», с которой связываются некоторые операциональные критерии референциальности, имеющие целью обеспечить эмпирическую проверку того, что говорится о реальности с этой точки зрения» [2, с. 490].

Синтез эмпирического (операционального) и теоретического уровней познания влечет эпистемологический баланс лингвистических и внелингвистических сущностей – референтов (денотатов) научных понятий. Референты – это онтологически самодостаточные положения дел. Реальность может быть понята как совокупность референтов всех существующих и возможных истинных высказываний. Агацци сторонник прагматической и операциональной природы референции. Он признает относительность научного знания, но в смысле отнесенности к специфическим объектам, а не к социально обусловленным когнитивным установкам. Реальность не конструируется, а познается с помощью специального инструментария. Способность объяснять реальность Агацци именуется «герменевтическим измерением» науки. Наука автономна, она «социально ангажирована», но не «социально зависима» [2, с. 610].

Объективным является то, что относится к внелингвистическим сущностям как таковым. Любой сегмент внementsальной реальности, в том числе социальной, открыт для объективизации, он способен стать научным объектом. Такими объектами могут быть абстракции и идеализации. Внешний мир – это мир референтов, состоящий не только из материальных единиц. «Отличным от мира интенциональных абстрактных объектов внешний мир делает то, что абстрактные объекты просто кодируют свойства, в то время как объекты внешнего мира их экзemplифицируют» [2, с. 246].

Адекватность универсума рассуждений той или иной науки обусловлена критериями референциальности. Они обеспечивают эмпирическую проверку теоретических знаний. Но проверка осуществляется субъектом, который всегда находится в фиксированном смысловом пространстве, имеющем исторически детерминированную форму (гештальт). Объект *мыслится* конвенционально и интерсубъективно, трансформируясь в «интеллектуально построенную структуру». «Научные объекты «вырезаются» из вещей операциональными предикатами, определяемыми на основе операциональных процедур. Каждая операциональная процедура задается (или, лучше сказать, характеризуется) определенным порядком аппроксимации, или маржей ошибки» [2, с. 582]. Объект содержит те аспекты «вещи», которые можно охарактеризовать базовыми атрибутами (предикатами) определенной науки. Например, базовыми предикатами механики являются длина (измеряется линейкой), длительность (измеряется хронометром), масса (измеряется весами) и т. д. Все предикаты объекта связаны математическими и/или логическими отношениями, которые не извлекаются непосредственно ни из какого инструмента, но к которым приводит интеллектуальная деятельность

исследователя [2, с. 149–150]. Если операции определяют онтологический статус объекта, то логика и математика «цементируют» его гносеологическую структуру.

Эпистемологически научные объекты являются абстрактными, поскольку они репрезентируют, будучи объединенными в когерентный массив знаний, множество сепарированных атрибутов и, что важно, отношений. Но абстракции – это производные независимых референтов, достижимых с помощью операций, «каждое абстрактное понятие обозначается некоторым сложным предикатным термином. Однако такие термины имеют и конкретные референты» [2, с. 163]. Научные объекты, с одной стороны, есть теоретические сущности (ноэмы), кодирующие некоторое количество атрибутов. С другой, референты – части внementsальной реальности, экземплифицирующие созданную субъектом абстракцию. Нечто становится объектом, когда оно выступает референтом той или иной науки. Научные объяснения, гипотезы, модели, теории – составные абстрактные объекты, ориентированные на соотнесение с конкретным миром. Они шифруют свойства и связи элементов некоторого сегмента универсума.

Итак, «вопрос о реальности научных объектов распадается на два подвопроса: реальны ли они просто как абстрактные объекты (как ноэмы) или же они также реальные как референты?» [2, с. 401]. На онтологическом уровне объект есть «экземпляр», ментально «вырезаемый» из мира с помощью апробированных способов. Это то, что существует независимо от субъекта и может быть им познано. На эпистемологическом уровне научный объект есть когерентное множество абстракций, репрезентирующих выделенную область реальности. Объективными являются те ее черты, которые доступны, общезначимы и инвариантны для разных субъектов. Эти черты должны быть воспроизводимы и верифицируемы. Объективное знание – итог интересубъективной познавательной деятельности. Принцип объективности организует и направляет ее. Другими словами, методологический принцип и результат его работы не тождественны. Как не эквивалентны сильная референциальная объектность и эпистемологическая объективность, именуемая Э. Агацци «слабой». «Когда мы имеем дело с разными объектами, то, что было объективным с одной точки зрения, вполне может не быть объективным с другой точки зрения (т. е. может не быть свойством объектов другой науки или другой ветви той же самой науки)» [2, с. 167].

Необходимо учесть, что Э. Агацци представитель «консервативного» логико-методологического, ориентированного на естествознание и математику, направления в современной философии науки. Наука, с его точки зрения, это строгое и объективное знание, применимое «по аналогии» ко многим областям исследования, отличным от естественных наук [2, с. 626].

Некоторые затруднения возникают на уровне фиксации объекта глобалистики. Таковым «является *глобальный мир в целом* в единстве трех его сфер: геологической, биологической, социальной, и протекающие в этих сферах *глобальные процессы*, а также *социальные структуры, связи и отношения планетарного масштаба*» [5, с. 22]. Объект не имеет четких границ, его референтом является весь мир. Перестает ли объект быть научным? Нет. У космологии, например, еще более грандиозный объект – наблюдаемая Вселенная. Объект науки не является «вещью» в повседневном смысле, всё «независимо существующее обладает возможностью образовать не только новую разновидность объектов, но и неограниченное количество разновидностей, поскольку количество объектов всегда можно увеличить, приняв новые точки зрения на рассматриваемую «вещь» [2, с. 130–131]. Глобалистика – междисциплинарная сфера знаний. Биолог, политолог, экономист «вырезают» из мира *свои* предикаты, определяемыми на основе *своих* процедур, формируя *свои* эпистемологические объекты.

Содержание понятия «глобализация» варьируется, хотя внутри каждой из наук конвенциональное единство присутствует. «Разновидности» и есть те самые «порции реальности». Не вдаваясь в семантические нюансы дуплета «объект» и «предмет», отметим, что глобалистика подтверждает два тезиса: 1) один объект может быть предметом нескольких дисциплин, 2) однозначная демаркация объекта и предмета проблематична. Предмет есть выделенная субъектом, *условно* автономная, ограниченная целями познания сторона (часть) объекта, своего рода объект в объекте.Descriptions этих частей могут включать как конкретные понятия («литосферная плита», «мировой океан», «ООН»), так и абстрактные («унификация», «протекционизм», «вестернизация»).

«Глобализация в самом общем виде может пониматься как распространение по планете потоков, процессов, явлений и характеристик, обретающих *значимость* (выделено мной – В. В.) для всего мира человека, общества и биосферы» [6, с. 40]. Наличие таких потоков и процессов очевидно. Глобализация – онтологически независимое положение дел. Другое дело, субъективное определение значимости, приемлемости, важности, иерархии причин и/или следствий и т. д.

«Глобализацию можно определить как объективно-исторический процесс формирования планетарных структур, связей и отношений в различных сферах общественной жизни. Глобализация выступает также и как явление, и как феномен, когда она воспринимается в качестве объективной реальности, которая заявляет о себе территориальной замкнутостью глобального пространства, единым мировым хозяйством, всеобщей экологической взаимозависимостью, глобальными коммуникациями, разрушением информационных границ и т. п. и в таком качестве никем не может быть проигнорирована» [5, с. 27]. У данного почти безупречного контекстуального определения есть два слабых места. Первое: «выступает» перед кем, «воспринимается» кем? Ответ очевиден: субъектом. Нерелевантным принципу объективности является деонтический оператор «никем не может быть». То есть из дескрипции следует долженствование: «запрещено игнорировать», что является нарушением принципа Юма.

При объективно-историческом истолковании природы глобализации, отмечает А. Н. Чумаков, проблемы «сопряженные с ней, будут решаться с учетом обстоятельств, которые задаются естественным ходом исторического развития, и уже на этой основе будут рассматриваться цели, интересы, поступки и деятельность людей, организаций, государств, то есть всего того, что принято называть субъективным фактором». Когда же глобализация объявляется субъективным процессом, необходимо определить, кто ее инициирует. «Далее логика уже сама поведет к изобличению коварных замыслов, раскрытию истинных целей тех, кто задумал ее и управляет ходом ее развития, не говоря уже о том, что всем становится ясно, в чьих интересах осуществляется глобализация» [1, с. 49–50]. Если глобализация искусственный проект, чей-то замысел, его необходимо либо поддерживать, либо отвергать и бороться «с причиной, то есть с субъектом, инициировавшим глобализацию» [5, с. 26].

Приведем примеры отказа от признания онтологической объективности и частичного игнорирования принципа объективности. Паразитирующая глобализация, с точки зрения А. С. Панарина, является результатом «открытий и самораскрытий привилегированных групп общества» – «интернационала глобализма». Глобализация является игрой «с нулевой суммой, как новая привилегия элитарного меньшинства», купленная ценой демодернизации и примитивизации – отката в варварство. Так называемая «объективность» глобализации скрывает субъективные интересы тех, кто пытается «приватизировать» прогресс, превратив его в привилегию. Глобализация не является «теорией заговора», она сводится к сценариям, которые навязываются миру [7, с. 26–27]. Гло-

бализация – путь к тотальной приватизации, элиминирующей национальную идею и социальную ответственность капитала. Она «ведет к нарушению сложившегося национального консенсуса между элитами и народными массами и представляет вызов единому гражданскому обществу классического типа» [7, с. 307].

С точки зрения И. А. Гобозова, глобализация – процесс субъективный. Он сопровождается заменой биполярного мира миром однополярным во главе с США. Глобализация началась после умышленного развала Советского Союза. «Для этого не было никаких объективных причин. Не было и субъективных причин, которые могли привести к распаду СССР» [8, с. 68–69]. Видимо, имеется в виду отсутствие внутренних «советских» субъективных причин, иначе как объяснить уход великой державы с исторической сцены? Российский ученый апеллирует к З. Бауману, который констатирует: «Концепция «глобализация» *была создана* (выделено мной – В. В.) для того, чтобы заменить прежнюю концепцию «универсализации», когда стало ясно, что установление глобальных связей и сетей не имеет ничего общего с преднамеренностью и контролируемостью, подразумевающимися ею. Понятие глобализации описывает процессы, представляющиеся самопроизвольными, стихийными и беспорядочными, процессы, происходящие помимо людей, сидящих за пультом управления...» [9, с. 43]. Отметим, что беспорядочные процессы могут иметь и объективную природу (пример – энтропия), более того, самопроизвольность и неконтролируемость глобализации не подкрепляют, а скорее опровергают тезис о ее субъективной природе.

Следствием глобализации, продолжает И. А. Гобозов, являются деинтеллектуализация общества и деантропологизация человека. Она приводит к резкой социальной поляризации, политической апатии и конформизму, разрушает национальные ценности, порождает религиозные и этнические конфликты, создает основу для международного терроризма. Глобализация есть победа индивидуализма над коллективизмом, путь «к примитивизму, стандартизации и шоу» [10, с. 18]. Альтернативная же интернационализация, в отличие от глобализации, является объективной, ибо исходит из единства и многообразия исторического процесса [8, с. 69]. «Интернационализация» – понятие с туманным содержанием. Не ясно, в каком логическом отношении (пересечение, соподчинение, противоположность, противоречие) оно находится с «глобализацией». Если же это несравнимые понятия – альтернативность исключена. Размышляя о практической стороне деглобализации, И. А. Гобозов подчеркивает диалектическое единство доминирующего объективного (имманентной логики развития общества) и «карьергардного» субъективного (деятельности людей). «Исторический процесс объективен, но не фатален. Поэтому вполне возможна деглобализация. Для этого требуется лишь политическая воля правящих классов Запада» [10, с. 24].

Глобализацию характеризуют как эволюционный (коэволюционный) процесс [3, с. 10–11], [11, с. 11], [12, с. 51]. Одновременно следуют обращения к эволюционному подходу: «с точки зрения которого...», «с позиций применения которого...» и т. д. Но «эволюция» и «эволюционный подход» – понятия из разных номенклатур. У них отличные референты, у первого – естественные изменения положений дел, у второго – результаты ментальной работы в форме суммы методологических установок. Рассуждения об эволюции, сопровождающиеся апелляциями к одноименному подходу, – разновидность циркулярной аргументации. Нельзя не заметить, что понятие «глобализация» может использоваться в разных значениях, рассуждения о ней, увы, нередко двигаются по кругу. Глобальное развитие обосновывается процессами глобализации, решение глобальных проблем рассматривается сквозь призму глобальной экономики, которая есть проявление

глобальной политики (и наоборот), «планетарное сознание» признается особенностью глобализации и т. д. Согласимся с О. Г. Леоновой: «Как ни парадоксально, но слово «глобализация» стало жертвой собственного успеха» [11, с. 5].

Эволюционный подход подразумевает нелинейность, волнообразность, наличие фазовых переходов. Трактовки «катастрофических» событий (экономический кризис 2008 г., пандемия COVID-19, похищение Н. Мадуро), волн, скачков, «черных лебедей» (о многих из них через 5–10 лет никто и не вспомнит) порождают *модели* глобализации. В этом контексте, объективное диалектически взаимодействует с субъективным. Модель устройства глобального мира есть абстрактный объект – результат ментальной обработки информации о независимом референте, который нельзя контролировать «по причине несоразмерности масштабов глобализации и управленческих возможностей человека» [13, с. 431]. Но, согласимся с «субъективистами»: на процессы глобализации можно успешно воздействовать и использовать в своих интересах, навязывая человечеству те или иные модели.

Практика мировой политики демонстрирует наличие нескольких проектов глобализации: американской (пожалуй, в нескольких вариантах), китайской, возможно, индийской. И «каждая глобальная держава готова предложить, и пытается продвигать свой вариант глобализации» [11, с. 13]. Извиняюсь за метафоричность и тавтологию, но давайте будем объективными, «референт-виновник» негативной, пусть и объективной, глобализации найден давно. Имена у него разные – «глобалисты», «неолибералы», «сторонники однополярности», США, ЕЭС. Уместными являются такие рассуждения: «За закат западной глобализации несут ответственность не только объективно обусловленные глобальные процессы, но и действия самого Запада. Будучи субъективно заряженными в собственных интересах и направленными на достижение желаемого результата, нередко любой ценой, они все больше оборачиваются фатальными просчетами и ошибками вследствие растущего неприятия западного доминирования западным миром» [6, с. 47]. У любого социально-политического процесса всегда есть соблазн (и возможность) обнаружить конкретного носителя, «злого» актора. Соблазн усиливается, если процесс имеет негативные следствия. Например, вестернизация – один из токсичных спутников глобализации – объективна или субъективна?

Обнаружение «даты рождения» глобализации (Великие географические открытия, Вестфальский мир, Венский конгресс, распад СССР) – тоже своего рода моделирование. Исходя из того, что глобализация – процесс, ослабляющий межгосударственную систему и влияние суверенных государств, а деглобализация – восстанавливающий такую систему, С. Ф. Шмидт выделяет в мировой истории минимум три макроэпизода, в каждом из которых реализовывался полный цикл волнообразного движения «глобализация – деглобализация». Это период 1500–1810-х гг., период 1820–1980-х гг., современный период, включающий в себя интенсивную глобализацию 1990–2000-е гг. и стремительную деглобализацию нашего времени, отсчитывать начало которой можно с 2008 г., а пики интенсивности фиксировать в 2014, 2016 и 2022 гг. [14, с. 94].

Переходим к заключительному сюжету. И в качестве предисловия, применимого «по аналогии», приведем точку зрения еще одного итальянского мыслителя Карло Ровелли. Размышляя над спецификой объектов квантовой механики, он подчеркивает, что единый взгляд на мир невозможен, ибо мир всегда дробится на части, взаимодействия и вероятности. «Свойства «живут» не в объектах – это точки между объектами. Объекты таковы лишь в определенном контексте, то есть только по отношению к другим объектам, – это опоры, к которым крепятся мосты. Мир – это игра перспектив, подобная игре отражений, которые существуют только друг в друге» [15, с. 76].

Ни один научный объект не существует сам по себе, ни онтологически, ни эпистемологически. У всех терминов есть «соседи», понятийное окружение. С точки зрения А. Н. Чумакова термин «глобализация» проблематично определять и анализировать вне таких понятий как «культура» и «цивилизация». Эти три понятия фиксируют одновременно и состояния, и процессы, позволяют увидеть мировое сообщество «объемно». Данные категории, «взятые вместе и рассматриваемые по принципу дополнительности, характеризуют человечество с точки зрения его содержания, формы и динамики развития». За динамику ответственна «глобализация», областью ее приложения являются скорость и направленность движения [13, с. 17–19, 65].

«Культура», «цивилизация», «глобализация» – фундаментальный тематический триплет (по терминологии Дж. Холтона), обладающий вариативным экстенсионалом и нестабильным интенсионалом. По степени охвата он относится ко всему человечеству, отражая различные характеристики развивающегося в планетарном масштабе объекта. «Глобализация вне культуры и цивилизации невозможна, ибо именно по этим параметрам, прежде всего, и осуществляется формирование единого мирового сообщества. Все это в итоге являет собою глобальную метасистему, а другими словами, фрактал, который может быть представлен в виде пирамидальной схемы или конуса, полностью пронизанного *культурой*, с середины до верха охваченного *цивилизацией*, и лишь на самом верху – *глобализацией*» [13, с. 448–449].

С помощью аналитических таблиц А. Н. Чумаков описывает тематический триплет [13, с. 450–454]. Культура есть коллективное сознание, форма духовного освоения мира и человека. Она опирается на мораль, исходит из чувств и эмоций, руководствуется эвристикой и наитием, имеет гуманистическую направленность; основной субъект действия – творческий индивид. Культура консервативна, проявляется преимущественно на локальном уровне, имеет «рекомендательный» характер и ярко выраженную связь с прошлым, стремится к многообразию в единстве, в общественном сознании воспринимается позитивно. Культурные процессы протекают эволюционно. Цивилизация рациональна и функциональна, она – результат технического прогресса и характеризует историческую форму организации общества, уровень его развития. Цивилизация опирается на закон, исходит из воли, руководствуется расчетом, проявляется как на региональном, так и на глобальном уровне, связь с прошлым хорошо просматривается. Имеет «навязывающий» характер, стремится к единству в многообразии, воспринимается нейтрально. Основной субъект действия – государство. Цивилизационные процессы протекают динамично. Глобализация инструментальна и рациональна, ее стихия – экспансия, напор, исключительность, единообразие. Опирается на общечеловеческие ценности и международное право, руководствуется выгодой, ориентирована на господство, проявляется, разумеется, на планетарном уровне, связь с прошлым слабо выражена, имеет статус императива, направлена на аксиологическую унификацию, воспринимается негативно. Основной субъект действия – человечество. Глобализационные процессы протекают революционно.

Сходство культуры, цивилизации и глобализации состоит в том, что они являются имманентными характеристиками *социума* – локального и/или глобального; относятся как к различным общностям, так и к человечеству в целом. Они, преследуя отличные цели, заняты преобразованием природной и социальной среды. Проявляют себя, пусть и по-разному, в общем пространстве экономических, социально-политических, духовных отношений. «Глобализация, проистекающая из экстенсивного расширения всех сфер человеческой деятельности, знаменует собою формирование предельной целостности человечества». Культура и цивилизация, втягивающиеся в орбиту глобализации,

сохраняют относительную автономию. Первая – в большей степени, вторая – в меньшей, ибо в «условиях глобализации выступает исключительно в интернациональных одеждах и стремится к всеохватности в мировом масштабе» [13, с. 454–455].

Сформулируем результирующий, почти риторический вопрос. Какие атрибуты (характеристики) объектов, составляющих тематический триплет, *не являются* ментальными, обладая референциальной объектностью и операциональной доступностью?

Заключение. У понятия «глобализация» имеется наблюдаемый и независимый от субъекта референт; с объектностью как таковой проблем нет (важно не отождествлять онтологическую объективность с эпистемологической). Но есть другие затруднения. Является ли в нашем случае онтологическая объективность сильной? Исследователю необходимо двигаться от реализма относительно теорий к реализму относительно объектов, от нозм к референтам, или наоборот? Возможен ли синтез неэквивалентных моделей, по-разному объясняющих один и тот же объект – глобализацию? Представляя дефиниции глобализации, какой объект мы определяем – лингвистический (понятие) или внелингвистический (денотат)? Ответы не очевидны, ибо вопросы делиберативные.

С помощью понятия «глобализация» фиксируется сумма многоярусных процессов системно-целостного мира. В общезначимой дефиниции глобализации, пожалуй, нет необходимости. Вспомним Л. Витгенштейна: «Если понятие объясняет все, значит, оно не объясняет ничего». Уместно вести речь о слабом варианте «слабой» эпистемологической объективности. Исторические факты и социально-культурные контексты, в ткань которых диалектически вписана глобализация, оказывают влияние на жизнь конкретных сообществ и государств, подталкивая их к тому или иному экзистенциальному выбору. Предпочтения неустранимы, оценки и «социальная зависимость» знаний неизбежны, анонимность маловероятна, пространственно-временная стабильность суждений усложнена, полная нейтральность недостижима, либо только декларируема. Формирование единого финансово-экономического, информационного и политического пространства объективно имплицитно отказ от «слепого зрения», ибо в этом пространстве есть лидеры и аутсайдеры, победители и проигравшие.

Отсутствует апробированный и признанный научным сообществом единый инструментарий познания квазиобъекта – глобализации. Научные объекты «вырезаются» из аморфных вещей и сущностей предикатами, открытыми для операций. Но предикатов глобализации, претендующих на статус базовых, неоправданно много, они представлены в основном качественными (не исчисляемыми) понятиями (исключение – экономический сегмент). Следовательно, математические отношения между предикатами отсутствуют. Логические отношения непрозрачны, вплоть до уместности апелляций к тезису Куна-Фейерабенда. В нашем случае нозм больше, чем «экземпляров», отношения и свойства, которых они кодируют; абстракции – далеко не всегда производные референтов. В рассуждениях о глобализации произвольные лингвистические конструкторы нередко принимаются (и навязываются) в качестве внелингвистических объектов. Одна из причин данной аномалии – сложность и вариативность эмпирических проверок. Контраргумент: увеличение в теориях числа абстрактных (в том числе идеализированных, гипотетических) объектов – одна из закономерностей эволюции науки, признанный гарант роста научного знания.

Многоместное понятие «совокупность положений дел, трактуемых в качестве глобальных» является нерегистрируемым. «Герменевтическое измерение» глобалистики не поддается демаркации и четкой семантической дешифровке. Предикат «глобальный» можно при желании приписать множеству научных объектов, представляющих различные сегменты реальности. Синтез эмпирического и теоретического уровней

познания глобальных процессов затруднен наличием витальной и аксиологической нагруженности, сложностями с воспроизводимостью и верификацией. С другой стороны, все это не предполагает отказа от общезначимости и простоты формулировок, интерсубъективности, нормативности, следования стандартам. «Теории заговора» и поиски носителей вселенского зла препятствуют научной объективности, как и антинаучные субъективные оценки якобы субъективных процессов.

«Чистых» научных объектов (как нозм, так и референтов) не существует; их объяснение в реляционной программе видится релевантным. Эпистемологически перспективными являются апелляции к понятиям-спутникам (например, «культура» и «цивилизация»), сравнительный анализ интенционалов/экстенционалов терминов-родственников и отношений между ними.

Независимые от субъекта факторы, а именно, аберрация близости, уплотнение исторического времени, стремительная трансформация социально-политического пространства препятствуют объективному объяснению глобализации. Эмпирические данные (и способы их получения) в естествознании не столь вариативны, как концепты и конструкторы, образующие модели и теории в глобалистике. Наблюдение и эксперимент консервативны, теоретизирование менее стандартизировано, здесь больше условий для интуитивных прозрений, нетрадиционных решений, экстраординарных выводов. Предикаты существуют по отношению к *чему-то*, в том числе к субъекту. Взаимодействия в природе есть обмен энергией. Интерсубъективность – это не только коммуникация агентов познания, но и обмен смыслами между элементами «третьего мира». В социально-гуманитарных науках объективность есть уважение к истине на фоне равноправия обоснованных концепций и *работающих* моделей, носители которых неизбежно в чем-то заблуждаются. Эпистемологическая объективность не абсолютна, она субъективно обусловлена. Но к минимизации этой зависимости стоит стремиться как к идеалу.

Таким образом, экстраполяция концепции Э. Агацци в глобалистику имеет *объективные* ограничения. С другой стороны, применяемая «по аналогии» естественно-научная «оптика» усложняет методологический ландшафт социально-гуманитарных дисциплин. Она позволяет обнаружить новые «спектры» глобализации, в том числе и в системе «человек-общество-природа», системе, которая осталась за рамками статьи.

Работа выполнена в рамках инициативной НИР «Экзистенциальный выбор Донбасса и будущее России: социокультурное измерение», № госрегистрации 124101500444-8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чумаков А. Н. О глобализации с объективной точки зрения // Век глобализации. – 2014. – № 2. – С. 39–51.
2. Агацци Э. Научная объективность и ее контексты / Пер. с англ. Лахути Д. Г.; под редакцией и с предисловием Лекторского В. А. – М.: Прогресс-Традиция, 2017. – 688 с.
3. Ильин И. В. Глобалистика в контексте политических процессов: автореф. дис. на соискание ученой степени доктора политических наук. Специальность 23.00.04. «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития». – М., 2011. – 48 с.
4. Дастон Л., Галисон П. Объективность / Пер. с англ. Т. Вархотова, С. Гавриленко, А. Писарева. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 584 с.
5. Чумаков А. Н. Глобализация или деглобализация? // Век глобализации. – 2023. – № 3. – С. 19–34. DOI: 10.30884/vglob/2023.03.02
6. Саямов Ю. Н. Глобализация и деглобализация: две стороны одной медали // Век глобализации. – 2025. – № 1. – С. 39–49. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.03
7. Панарин А. С. Искушение глобализмом. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 416 с.
8. Гобозов И. А. Неолиберализм и глобализация // Век глобализации. – 2017. – № 2. – С. 66–76.

9. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
10. Гобозов И. А. Глобализация и терроризм // Философские науки. – 2015. – № 12. – С. 11–26.
11. Леонова О. Г. Деглобализация versus глобализация // Век глобализации. – 2024. – № 2. – С. 3–19. DOI: 10.30884/vglob/2024.02.01
12. Комолов О. О. Деглобализация в контексте мировой экономической стагнации // Экономическое возрождение России. – 2018. – № 4 (58). – С. 50–63.
13. Чумаков А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст: монография. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Проспект, 2016. – 496 с.
14. Шмидт С. Ф. Глобализация и деглобализация: исторические циклы и современность // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. – 2025. – Т. 51. – С. 89–104.
15. Ровелли К. Гельголанд. Красивая и странная квантовая физика / Пер. с итал. А. К. Дамбис. – М.: Эксмо, 2024. – 176 с.

REFERENCES

1. Chumakov A. N. O globalizacii s obektivnoj točki zreniya [On Globalization from Objective Point of View] // The Age of Globalization. – 2014. – no. 2. – pp. 39–51. (in Russian).
2. Agazzi E. Nauchnaya obektivnost i ee konteksty [Scientific Objectivity and its Contexts] / translated from English by Lahuti D. G.; edited and prefaced by Lektorsky V. A. – М.: Progress-Tradition, 2017. – 688 p. (in Russian).
3. Ilyin I. V. Globalistika v kontekste politicheskikh processov [Global Studies in the Context of Political Processes]: The author's abstract for a degree of Doctor of Political Science. Speciality 23.00.04. "Political Problems of International Relationships, Global and Regional Development". – М., 2011. – 48 p. (in Russian).
4. Daston L., Galison P. Obektivnost [Objectivity] / translated from English by T. Varhotova, S. Gavrilenko, A. Pisareva. – М.: New Literary Review, 2018. – 584 p. (in Russian).
5. Chumakov A. N. Globalizaciya ili deglobalizaciya? [Globalization or Deglobalization?] // The Age of Globalization. – 2023. – no. 3. – pp. 19–34. DOI: 10.30884/vglob/2023.03.02 (in Russian).
6. Sayamov Y. N. Globalizaciya i deglobalizaciya: dve storony odnoj medal'i [Globalization and Deglobalization: Two Sides of the Same Coin] // The Age of Globalization. – 2025. – no. 1. – pp. 39–49. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.03 (in Russian).
7. Panarin A. S. Iskushenie globalizmom [Temptation of Globalism]. – М.: Eksmo Publishing House, 2003. – 416 p. (in Russian).
8. Gobozov I. A. Neoliberalizm i globalizaciya [Neoliberalism and Globalization] // The Age of Globalization. – 2017. – no. 2. – pp. 66–76. (in Russian).
9. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo [The Individualized Society] / translated from English, edited by V. L. Inozemcev. – М.: Logos, 2002. – 390 p. (in Russian).
10. Gobozov I. A. Globalizaciya i terrorizm [Globalization and Terrorism] // Philosophical Sciences. – 2015. – no. 12. – pp. 11–26. (in Russian).
11. Leonova O. G. Deglobalizaciya versus globalizaciya [Deglobalization versus Globalization] // The Age of Globalization. – 2024. – № 2. – pp. 3–19. DOI: 10.30884/vglob/2024.02.01 (in Russian).
12. Komolov O. O. Deglobalizaciya v kontekste mirovoj ekonomicheskoy stagnacii [Deglobalization in the Context of Global Economic Stagnation] // Economic Renaissance of Russia. – 2018. – no. 4 (58). – pp. 50–63. (in Russian).
13. Chumakov A. N. Metafizika globalizacii. Kulturno-civilizacionnyj kontekst [Metaphysics of Globalization. Cultural and Civilizational Context]: the monograph. – 2nd edition, corrected and supplemented. – М.: Prospect, 2016. – 496 p. (in Russian).
14. Shmidt S. F. Globalizaciya i deglobalizaciya: istoricheskie cikly i sovremennost [Globalization and Deglobalization: Historical Cycles and Modern Times] // Izvestia of Irkutsk State University. Series Politology. Religious Studies. – 2025. – vol. 51. – pp. 89–104. (in Russian).
15. Rovelli K. Gelgoland. Krasivaya i strannaya kvantovaya fizika [Helgoland: The Strange and Beautiful Story of Quantum Physics] / translated from Italian by A. K. Dambis. – М.: Eksmo, 2024. – 176 p. (in Russian)

GLOBALIZATION IN THE FOCUS OF SCIENTIFIC OBJECTIVITY

V. V. Voloshin

Evandro Agazzi's conception of scientific objectivity, that surpasses the principle of objectivity in content and functionality, is extrapolated to the field of globalistics. The applicability of this notion's tenets to the concept of "globalization" and its referent is determined. Key methodological issues are formulated. There is corroborated the point that a scientific object more fully reveals its cognitive potential within a relational framework. The results of an analysis of the thematic triplet of "culture", "civilization" and "globalization" are presented as evidence. It is proposed to demarcate "strong" ontological and "weak" epistemological objectivity in the space of which the elimination of subjective factors is difficult.

Key words: globalistics, globalization, culture, civilization, scientific objectivity, principle of objectivity, Evandro Agazzi.

Поступила в редакцию 20.02.2026 г.

Волошин Владимир Викторович

Доктор философских наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет», ДНР, РФ.
E-mail: v.v.don77f@bk.ru

Voloshin Vladimir Viktorovich

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
FSBEI HE "Donetsk State University",
DPR, Russian Federation.
E-mail: v.v.don77f@bk.ru

ДОНБАСС: ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

© 2026 А. Б. Клименко

ФГБОУ «Донецкий государственный университет»

В статье рассматривается социальный аспект идентичности жителей Донбасса в контексте трансформационных процессов, происходящих в регионе с начала XXI века. Анализируется влияние социальных, культурных, политических и экономических факторов на формирование региональной и национальной самоидентификации населения. Особое внимание уделено феномену двойной идентичности, роли языка, исторической памяти и коллективных нарративов в формировании социокультурного пространства Донбасса. Делается вывод о динамическом характере идентичности, проявляющемся в сочетании локальных, постсоветских и глобальных элементов.

Ключевые слова: идентичность, Донбасс, социальная идентичность, региональная культура, постсоветское пространство, социокультурная трансформация.

Актуальность. Современные процессы глобализации и дезинтеграции традиционных социальных структур актуализируют проблему идентичности, особенно в ее региональном измерении. Регион как форма социокультурного бытия становится не только территориальной, но и экзистенциальной категорией, в рамках которой происходит самоопределение человека и сообщества. Понимание социальной идентичности региона требует философского подхода, поскольку речь идет не только о социологических или политических характеристиках, но и о способе существования коллективного субъекта, осмысляющего свое место в истории и культуре. Проблема социальной идентичности населения Донбасса приобрела особую актуальность в условиях социальных трансформаций, связанных с военно-политическим конфликтом, начавшимся в 2014 г. и усилившимся в 2022 г., и с последовавшим за ним изменением структуры общественных отношений. Донбасс – это регион, обладающий сложным историко-культурным наследием, где пересекаются различные цивилизационные, языковые и ценностные влияния. До начала вооруженного конфликта Донбасс занимал ведущие позиции в научной, образовательной и промышленной сферах СССР, что формировало особый тип социальной идентичности: идентичность региона-творца, региона-интеллекта и труда. В последние десятилетия этот регион стал пространством переосмысления не только политической принадлежности, но и базовых представлений о социальной и культурной идентичности.

Цель данной работы – с помощью социально-философского анализа выявить особенности формирования и проявления социальной идентичности жителей Донбасса, а также ключевые факторы, влияющие на ее трансформацию, и рассмотреть ее роль в современных социокультурных процессах.

Теоретическими источниками для написания данной работы послужили труды как советских, украинских, российских, так и зарубежных авторов. Среди них: П. Бурдье [1; 2], С. Берч и И. Зинько [11], А. Вороновичи [13], А.И. Миллер [5; 6], П. Рикер [7], В.А. Сомов [8], Г. Таджфел и Дж. Тернер [12], М. Хайдеггер [9], Л.Г. Шепко и В.Н. Никольский [10]. Анализ теоретических источников показывает высокую значимость проблематики социальной идентичности региона, в том числе

Донбасса. При этом в отношении Донбасса с учетом всей совокупности современных особенностей его развития данный вопрос остается практически не раскрытым.

Основная часть. Проблема идентичности занимает центральное место в философии XX–XXI веков. В трудах П. Рикера [7], Ч. Тейлора, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера [9] и других мыслителей идентичность понимается как способ самоотношения субъекта, как процесс соотнесения «я» с миром, временем и историей.

Применительно к региону идентичность приобретает коллективное измерение: это форма самоопределения сообщества, осмысляющего своё существование в определённом культурном и пространственном контексте. Региональная идентичность есть не просто результат социальных институтов, но модус бытия локальной культуры, выражающий целостность ее опыта, традиций и символов. Таким образом, социальная идентичность региона может рассматриваться как онтологическое единство опыта, связывающее человека с пространством, временем и коллективной памятью.

Регион в социально-философском понимании – это не только географическое пространство, но и место смысла (по выражению М. Хайдеггера [9, с. 56]). Он задает горизонты человеческого присутствия, формирует образ мира и рамки социального взаимодействия.

Идентичность региона выражается в способе освоения и социокультурного преобразования пространства, в характере социальных связей, в символических формах, через которые сообщество конструирует свое «мы». Пространство становится экзистенциальным и культурным ресурсом, где география трансформируется в ценностное поле.

Региональная идентичность включает в себя память, язык, мифологию, ландшафт, архитектуру, экономические практики – все то, что связывает людей с их местом, создавая эффект устойчивого присутствия и укорененности. В этом контексте философия региона выступает как антропология пространства, где человек и территория образуют взаимопорождающее единство.

Социальная идентичность региона не исчерпывается экономическими или демографическими характеристиками. Она опирается на символический капитал (П. Бурдье [1, с. 124]) – совокупность признанных обществом ценностей, культурных кодов и коллективных достижений, которые легитимируют существование региона как уникального социального образования.

Символический капитал проявляется в традициях, научных школах, культурных институтах, исторической памяти, а также в самоощущении жителей региона как носителей определенной миссии или культурного наследия [2, с. 88]. Философски это можно рассматривать как выражение «духа места» (*genius loci*), который формирует идентичность не только как социальную принадлежность, но и как ценностное самоутверждение. Через символический капитал регион вступает в диалог с другими регионами и с миром, сохраняя при этом свою уникальность.

В условиях глобализации региональная идентичность сталкивается с двойственным процессом: с одной стороны – это унификация, стирающая локальные различия, с другой – локализация, укрепляющая чувство принадлежности. Философский анализ показывает, что региональная идентичность не противопоставляется универсальному, а является способом участия локального в общем. Регион выступает как форма конкретизации универсальных ценностей – свободы, труда, культуры, образования – в определенной исторической и пространственной ситуации. Именно в этом смысле региональная идентичность может рассматриваться как форма со-бытия (по М. Хайдеггеру) – способ совместного существования людей в пространстве смыслов и ценностей.

Философское осмысление идентичности региона позволяет рассматривать ее не только как культурный феномен, но и как ресурс социального развития. Сильная идентичность формирует доверие, укрепляет социальный капитал, стимулирует науку, образование и культуру.

Регионы, обладающие развитым символическим и социальным капиталом, демонстрируют устойчивость к кризисам и способность к самоорганизации. Таким образом, философия идентичности становится практической философией – инструментом формирования стратегий устойчивого и гуманистически ориентированного развития.

Социальная идентичность региона представляет собой сложный, многоуровневый и динамический феномен, объединяющий историческое, культурное и экзистенциальное измерения. Философский анализ позволяет увидеть в ней не просто социальную категорию, а форму бытия в мире, через которую человек и сообщество утверждают своё присутствие, смысл и ценность.

Региональная идентичность выражает единство пространства и духа, традиции и модернизации, локальности и универсальности. Ее осмысление необходимо для понимания того, как сообщества сохраняют себя в мире изменений и как региональные формы бытия становятся носителями национальной и глобальной культуры.

Социальная идентичность, по определению Г. Таджфела и Дж. Тернера [12, с. 20], представляет собой осознание индивидом своей принадлежности к определённой социальной группе и эмоционально-ценностное отношение к этому членству. В контексте Донбасса понятие идентичности включает не только индивидуальные самоопределения, но и коллективные формы самоописания, проявляющиеся через язык, труд, образование, научную деятельность, формы социальной солидарности и политические ориентации.

Исследование социальной идентичности Донбасса требует выхода за пределы описательных социологических или политологических моделей. Философский подход позволяет рассматривать регион как онтологическую форму коллективного бытия, где социальное, культурное и историческое переплетаются в едином пространстве смыслов.

Философия региона рассматривает Донбасс не только как территорию, но как субъект истории, обладающий собственным способом существования, системой ценностей и символических представлений. Донбасс – это не просто место на карте, а форма человеческого присутствия, воплощающая специфическую модель отношения к труду, знанию, природе и власти [13, с. 9].

Онтологически идентичность Донбасса основана на труде как способе бытия, что сближает региональную культуру с философией экзистенциального действия. Труд, добыча, созидание – не только экономические процессы, но и формы онтологической самореализации человека. В этом смысле идентичность Донбасса можно трактовать как проявление *homo faber* – человека творящего, для которого созидание мира и преодоление материи становятся экзистенциальной миссией.

Философский анализ социальной идентичности Донбасса также выявляет ее парадоксальную двойственность. С одной стороны, регион демонстрирует сильное чувство локальной укорененности, коллективизма и социального взаимодоверия – проявления мощного социального капитала. С другой стороны, он испытывает кризис универсальной идентичности, порождённый политическими и культурными разрывами постукраинского пространства.

С точки зрения феноменологии Донбасс может быть осмыслен как регион-предельность – место, где концентрируются противоречия между индустриальным и

постиндустриальным, традиционным и глобальным, локальным и универсальным. Здесь особенно ясно проявляется конфликт между пространством труда и пространством коммуникации, между телесным опытом и медийной реальностью.

«Регион-предельность» в феноменологическом контексте означает не просто географическую территорию, а особый опыт пространства, где различные исторические и культурные слои сталкиваются друг с другом. Феноменология (начиная с работ Э. Гуссерля [3] и позднее М. Мерло-Понти [4]) рассматривает пространство не только как физическую протяженность, но как переживаемую среду человеческого опыта. Поэтому Донбасс в этом подходе выступает как «предельная» зона – пространство, где человек непосредственно переживает напряжение между разными типами социальной реальности.

Предельность Донбасса раскрывается через ряд противоречий. Первое из них – противоречие индустриального и постиндустриального. Исторически Донбасс сформировался как индустриальный регион: угольные шахты, металлургия, тяжелая промышленность. Это пространство труда, основанного на физическом усилии, дисциплине производства и коллективной рабочей идентичности. Однако в современном мире всё большую роль играет постиндустриальная логика – экономика информации, сетей, символического обмена. В таком мире значимыми становятся медиа, цифровые коммуникации, глобальные культурные потоки.

Сегодня весьма интенсивно развивается сфера нематериальной экономики информации и коммуникации. Это создает состояние культурной и социальной «предельности»: прежняя индустриальная идентичность еще сохраняется, но уже сталкивается с новой логикой глобального мира.

Еще одно противоречие касается понятий традиционного и глобального. С феноменологической точки зрения это противоречие проявляется как столкновение локального жизненного мира – совокупности повседневных практик, коллективной памяти и культурных привычек – с универсализирующими структурами глобальной современности. Понятие жизненного мира, введенное Э. Гуссерлем, указывает на тот слой реальности, который предшествует абстрактным теориям и политическим дискурсам: это мир непосредственного опыта, в котором человек укоренён через язык, трудовые практики, формы солидарности и историческую память.

Традиционное измерение региональной жизни формируется через устойчивые социальные связи, профессиональные сообщества, локальные культурные коды и исторически сложившиеся формы идентичности. В индустриальных регионах такие структуры часто связаны с коллективной культурой труда, семейными и соседскими сетями, а также с представлениями о достоинстве физического труда и профессиональной солидарности. Эти элементы образуют своеобразную экзистенциальную инфраструктуру повседневности, благодаря которой пространство региона воспринимается не только как географическая территория, но как место укорененного жизненного опыта.

Глобальное измерение, напротив, связано с процессами универсализации экономических, информационных и культурных потоков. Через медиа, цифровые коммуникации и транснациональные политические и культурные дискурсы локальное пространство включается в более широкие структуры мировой современности. В этом контексте регион начинает интерпретироваться и описываться через категории, которые формируются вне его непосредственного опыта. Тем самым возникает феномен двойной перспективы: с одной стороны, существует внутренний, переживаемый мир региона, а с другой – внешняя глобальная рамка его интерпретации.

Феноменологически это приводит к своеобразному расщеплению опыта: жители региона продолжают жить в пространстве традиционных практик и локальных связей, тогда как символическое значение этого пространства все чаще определяется глобальными медийными и политическими нарративами. В результате формируется напряженное поле смыслов, в котором локальная идентичность оказывается вынужденной постоянно соотносить себя с внешними универсализирующими интерпретациями. Именно в таком столкновении традиционного жизненного мира и глобализированных структур коммуникации проявляется предельный характер региона как пространства, где особенно ясно обнаруживаются противоречия современной социальности. Феноменологически это выражается в столкновении локального жизненного мира с глобальными структурами. Локальный мир включает в себя привычные формы социальной солидарности, профессиональную культуру шахтеров и рабочих, региональные мифы и коллективную память. Глобальный же мир приносит медийные нарративы, политические и экономические сети, транснациональные культурные символы.

В результате возникает ситуация, когда жизненный опыт жителей региона формируется одновременно из локальных практик и глобальных дискурсов, что усиливает ощущение разрыва между реальным опытом и внешними интерпретациями этого опыта.

Третье противоречие касается пространства труда и пространство коммуникации. Конфликт между пространством труда и пространством коммуникации указывает на изменение структуры социального опыта. Пространство труда – это шахта, завод, физическая инфраструктура производства, тело работника как инструмент труда.

Пространство коммуникации – это медиасреда, политические и информационные дискурсы, цифровые сети, символическое производство смыслов.

Феноменологическая напряженность возникает потому, что жизнь людей укоренена в материальном пространстве труда, тогда как общественное восприятие региона все больше формируется через медиа и коммуникационные сети.

Отдельно следует выделить конфликт между телесным опытом и медийной реальностью. В феноменологии важную роль играет телесность – идея о том, что человек переживает мир через тело (эту тему подробно развивал М. Мерло-Понти). Для индустриального региона телесный опыт особенно значим: тяжелый физический труд, опасность производства, коллективная телесная дисциплина.

Однако медийная реальность создает символический образ региона, который может не совпадать с этим непосредственным опытом.

Таким образом, возникает разрыв между переживаемой реальностью жителей, репрезентацией региона в медиа и политическом дискурсе. В этом смысле Донбасс описывается как предельная зона современности – место, где особенно ярко проявляются глобальные противоречия позднего модерна: материальное производство и экономика информации; локальная идентичность и глобальные нарративы; телесный опыт и медийная репрезентация.

Поэтому регион становится своего рода феноменологической «лабораторией», где можно наблюдать, как различные формы исторического и социального опыта сосуществуют и конфликтуют в одном пространстве.

В философской перспективе идентичность Донбасса – это не статическое состояние, а процесс самоосмысления, в котором сообщество через испытания и кризисы ищет основания собственного бытия. Этот процесс включает переосмысление памяти, языка, науки, труда, страдания и надежды – тех категорий, через которые человек утверждает себя как субъект истории.

Особое значение в философском исследовании региона приобретает понятие памяти (П. Рикер [7, с. 107]). Коллективная память Донбасса структурирует представления о прошлом, формирует символические границы и модели будущего. Память здесь не только хранит традиции, но и выступает механизмом идентификации: она задает точку отсчета, через которую регион понимает себя и свое место в национальном и мировом контексте.

Философский подход к Донбассу позволяет увидеть в нем не только объект анализа, но и пространство смыслопорождения, где региональная идентичность становится способом выработки новых гуманистических ориентиров. В этом смысле Донбасс представляет собой пример экзистенциального региона – пространства, в котором человеческое бытие раскрывается через испытание труда, памяти, утраты и надежды.

Применение философского подхода к исследованию Донбасса демонстрирует, что идентичность региона – это не просто социальный конструкт, а формула человеческого существования. Через философию региона становится возможным осмысление Донбасса как особого типа культурного и исторического бытия, в котором человек и пространство образуют неразрывное единство.

Донбасс стал символом индустриального развития и трудового героизма в советский период, что способствовало закреплению у населения чувства гордости за «регион-труженик». В этом контексте следует сделать особый акцент на культурно-исторической и культурно-символической роли шахтерского труда. Идентичность жителей Донбасса формировалась не только в сфере экономики и социальной практики, но и в пространстве культурных репрезентаций. Шахтерский труд, будучи «ядром» региональной онтологии, активно воплощался в литературе, музыке, живописи, кино и фольклоре.

В украинской и русской литературе Донбасс часто изображался как «страна шахт и заводов». Знаменитый поэт Владимир Сосюра (уроженец Донбасса) писал о шахтерах как о героях индустриальной эпохи, чье бытие связано с суровой землей и тяжелым трудом.

В советский период литература активно культивировала образ «героя-шахтера» (например, поэмы о подвиге Алексея Стаханова). Здесь шахтер становится символом прогресса, силы и трудовой доблести [8, с. 14].

Музыкальная культура Донбасса также несет в себе шахтерские мотивы. Народные песни о шахтерах передавали опыт солидарности и памяти о погибших под землей. В советскую эпоху создавались целые жанры «шахтерской песни» – от торжественных гимнов индустриализации до лирических баллад о тяжелом труде и любви. Музыкальные коллективы (хоры, ансамбли, музыкальные группы и отдельные солисты) Донбасса нередко включали шахтерские мотивы в свой репертуар, превращая их в часть массовой идентичности.

В советском изобразительном искусстве шахтеры Донбасса становились иконами труда. Художники соцреализма изображали шахтеров как мужественных, сильных, почти эпических героев. Картины, плакаты, мозаики, скульптуры в городах региона закрепили образ шахтера как символа всего Донбасса. Памятники шахтерам (например, «Слава шахтерскому труду» в Донецке) стали важными элементами городской памяти.

Кинематограф 1930–1980-х годов активно воспроизводил шахтерский миф. Фильмы о шахтерах поднимали темы героизма, производственных подвигов, любви и товарищества. В массовой культуре образ шахтера ассоциировался с честностью, прямоотой, суровой мужской силой.

Культурные образы шахтеров закрепили их роль как ведущий социокультурный архетип региона. В литературе шахтер предстает как герой, в музыке – как коллективная душа региона, в искусстве и кино – как символ индустриальной цивилизации.

Таким образом, шахтерский труд стал не только реальностью повседневного существования, но и символическим капиталом Донбасса, благодаря которому жители региона осознавали себя частью уникальной культурной общности.

Однако наряду с горнодобывающей сферой и производственной культурой в целом, в регионе развивался и мощный научно-технический потенциал. Донецк, Луганск, Горловка и Мариуполь были центрами инженерной, горной и прикладной науки [5, с. 151]. Наличие крупных университетов, научно-исследовательских институтов и промышленных лабораторий способствовало формированию идентичности образованного, рационального, трудового класса, что усиливало чувство региональной самодостаточности.

С начала 2010-х годов идентичность жителей Донбасса все более определялась социальными и политическими конфликтами, связанными с различным восприятием исторического наследия, языковой политики и вектора внешней интеграции [10, с. 47]. Возникновение вооруженного конфликта стало не только политическим, но и социокультурным кризисом, повлекшим переосмысление принадлежности и лояльности.

Тем не менее, даже в условиях кризиса социальная идентичность сохраняла элементы, связанные с индустриально-научным наследием региона, где высокие стандарты труда, инженерная культура и ориентация на профессиональную компетентность оставались частью коллективного самосознания.

Одним из ключевых компонентов социальной идентичности Донбасса является социальный капитал, основанный на тесных горизонтальных связях, взаимопомощи, трудовой этике и корпоративной солидарности. Социальный капитал региона проявлялся в высокой степени доверия внутри профессиональных и производственных сообществ, а также в ориентации на коллективные формы достижения успеха.

Наряду с этим Донбасс традиционно обладал мощным научным капиталом. До 2014 года регион занимал первое место в Украине по числу научных публикаций и зарегистрированных патентов, а также по количеству докторов и кандидатов наук на душу населения [6, с. 86].

Эта концентрация научного и человеческого потенциала создавала образ Донбасса как «региона знаний», что было важной составляющей его социальной идентичности. Наука в Донбассе служила не только инструментом модернизации, но и культурным маркером, связывавшим поколения инженеров, преподавателей и исследователей в единую общность. Таким образом, научный капитал стал частью коллективной гордости и социального самоуважения, укрепляя социальную идентичность региона.

Современный Донбасс представляет собой пространство переходной идентичности, где формируются новые формы социального самоопределения. Восстановление научных связей, образовательных инициатив и профессиональных сообществ может стать одним из важнейших факторов реконструкции социального капитала региона.

Особую роль играет молодое поколение исследователей, преподавателей и студентов, которое продолжает научные традиции Донбасса за пределами региона, сохраняя тем самым «распределенную идентичность» научного сообщества Донбасса.

Перспективы возрождения региона напрямую связаны с восстановлением его интеллектуального потенциала – с тем, чтобы социальный капитал, накопленный за десятилетия, вновь стал основой для культурной и экономической интеграции.

Заключение. Таким образом, социальная идентичность жителей Донбасса – это многослойный феномен, включающий не только культурно-языковые и исторические, но и интеллектуально-научные измерения. Регион, обладавший до войны самым высоким уровнем научной активности в Украине, сформировал уникальный тип социальной идентичности, сочетающий трудовую, инженерную и интеллектуальную компоненты.

В условиях кризиса и конфликта именно социальный капитал и научное наследие Донбасса могут стать ресурсами восстановления доверия, профессиональной солидарности и культурной преемственности. Осмысление этих ресурсов важно не только для академического анализа, но и для выработки стратегий устойчивого постконфликтного развития региона.

Работа выполнена в рамках инициативной НИР «Экзистенциальный выбор Донбасса и будущее России: социокультурное измерение», № госрегистрации 124101500444-8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // THESIS. – 1993. – Вып. 2. – С. 138–141.
2. Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. – 2002. – №5. – С. 54–61.
3. Гуссерль, Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука / Э. Гуссерль. – Минск, Москва, 2000. – 752 с.
4. Мерло-Понти М. Видимое и невидимое / пер. с фр. О. Н. Шпараги под ред. Т. В. Щитцовой / М. Мерло-Понти. – Минск: Логвинов, 2006. 400 с.
5. Миллер А.И. Нация-государство или государство-нация. Смена модели // Россия в глобальной политике. – 2017. – Т. 15. №6. – С. 144–157.
6. Миллер А.И. Прошлое и историческая память как факторы формирования дуализма идентичностей в современной Украине // Политическая наука. – 2008. – №1. – С. 83–100.
7. Рикёр П. Я – сам как другой. – М.: Logos, 2008. – 422 с.
8. Сомов В.А. Феномен советскости: историко-культурный аспект // Социологические исследования. 2015. – №2. С. 12–20.6
9. Хайдеггер М. Бытие и время. – Санкт-Петербург: Наука, 2006. – 452 с.
10. Шепко Л.Г., Никольский В.Н. История (история Донбасса от древности до современности). Учебное пособие. – Донецк: ДонНУ, 2018. – 218 с.
11. Birch S., Zinko I. The Dilemma of Regionalism // Transition. 01.11.1996. – P. 23–24.
12. Tajfel, H., Turner, J.C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. In: Worchel, S. and Austin, W.G., Eds. // Psychology of Intergroup Relation, - Chicago: Hall Publishers, 1986. – P. 7–24.
13. Voronovici A. Internationalist Separatism and the Political Use of the “Historical Statehood” in the Unrecognized Republics of Transnistria and Donbass // Problems of Post-Communism. – 2020. – Vol. 67. No. 3. – P. 1–15.

REFERENCES

1. Bourdieu P. Sotsial'noe prostranstvo i simvolicheskaya vlast' [Social Space and Symbolic Power] // THESIS. – 1993. – Issue 2. – pp. 138–141. (in Russian).
2. Bourdieu P. Formy kapitala [Forms of Capital] // Ekonomicheskaya sotsiologiya [Economic Sociology]. – 2002. – no. 5. – pp. 54–61. (in Russian).
3. Husserl E. Logicheskie issledovaniya. Kartezianskiye razmyshleniya. Krizis evropeyskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya. Krizis evropeyskogo chelovechestva i filosofii. Filosofiya kak strogaya nauka [Logical Investigations. Cartesian Meditations. The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology. The Crisis of European Humanity and Philosophy. Philosophy as a Rigorous Science]. – Minsk; Moscow, 2000. – 752 p. (in Russian).

4. Merleau-Ponty M. Vidimoe i nevidimoe [The Visible and the Invisible] / translated from French by O. N. Shparaga, edited by T. V. Shchittsova. – Minsk: Logvinov, 2006. – 400 p. (in Russian).
5. Miller A. I. Natsiya-gosudarstvo ili gosudarstvo-natsiya. Smena modeli [Nation-State or State-Nation: A Change of Model] // Rossiya v global'noy politike [Russia in Global Affairs]. – 2017. – Vol. 15. – no. 6. – pp. 144–157. (in Russian).
6. Miller A. I. Proshloe i istoricheskaya pamyat' kak faktory formirovaniya dualizma identichnostey v sovremennoy Ukraine [The Past and Historical Memory as Factors in the Formation of Identity Dualism in Modern Ukraine] // Politicheskaya nauka [Political Science]. – 2008. – no. 1. – pp. 83–100. (in Russian).
7. Ricœur P. Ya – sam kak drugoy [Oneself as Another]. – Moscow: Logos, 2008. – 422 p. (in Russian).
8. Somov V. A. Fenomen sovetskosti: istoriko-kul'turnyy aspekt [The Phenomenon of Sovietness: A Historical and Cultural Aspect] // Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. – 2015. – no. 2. – pp. 12–20. (in Russian).
9. Heidegger M. Bytie i vremya [Being and Time]. – St. Petersburg: Nauka, 2006. – 452 p. (in Russian).
10. Shepko L. G., Nikol'skiy V. N. Istoriya (istoriya Donbassa ot drevnosti do sovremennosti). Uchebnoe posobie [History (History of Donbass from Antiquity to Modernity). A Textbook]. – Donetsk: DonNU, 2018. – 218 p. (in Russian).
11. Birch S., Zinko I. The Dilemma of Regionalism // Transition. 01.11.1996. – P. 23–24. 9
12. Tajfel, H., Turner, J.C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. In: Worchel, S. and Austin, W.G., Eds. // Psychology of Intergroup Relation, - Chicago: Hall Publishers, 1986. – P. 7–24. 10
13. Voronovici A. Internationalist Separatism and the Political Use of the “Historical Statehood” in the Unrecognized Republics of Transnistria and Donbass // Problems of Post-Communism. – 2020. – Vol. 67. No. 3. – P. 1–15. 11

DONBASS: IDENTITY IN THE SPACE OF SOCIAL CONTRADICTIONS

A.B. Klimenko

The article examines the social aspect of the identity of Donbass residents in the context of the transformational processes taking place in the region since the beginning of the 21st century. The influence of social, cultural, political and economic factors on the formation of regional and national self-identification of the population is analyzed. Special attention is paid to the phenomenon of dual identity, the role of language, historical memory and collective narratives in shaping the socio-cultural space of Donbass. The conclusion is made about the dynamic nature of identity, manifested in a combination of local, post-Soviet and global elements.

Key words: Donbass, Donetsk, urban philosophy, philosophy of the city, metaphysics of Donetsk.

Поступила в редакцию 07. 04.2026 г.

Клименко Алексей Борисович

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет», г. Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: aleks_klim09@bk.ru

Klimenko Aleksey Borisovich

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Chair of Philosophy,
FSBEI HE “Donetsk State University”,
Donetsk, DPR, Russian Federation
E-mail: aleks_klim09@bk.ru

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО© 2026 *Д.С. Крысенко, О. Ю. Любчик**ФГБОУ ВО «Луганский государственный аграрный университет имени К. Е. Ворошилова»*

В статье рассматриваются философские аспекты воззрений Н.Я. Данилевского о путях развития современной цивилизации и роли России в ее развитии. Проанализирована концепция Славянской цивилизации в работах Н. Я. Данилевского. Россия противопоставляется западноевропейской цивилизации как культурно-исторический тип. Особое внимание уделяется анализу основных черт и особенностей славянских народностей, а также факторам их возможного объединения в Славянский союз. Также дан сравнительный анализ сторонников идеи плюрализма в процессе мирового развития цивилизации.

Ключевые слова: народ, культурный тип, цивилизация, поликультурная модель развития цивилизации.

Продолжающаяся в наши дни Специальная военная операция является, в первую очередь, военно-политическим столкновением России с коллективным Западом, инспирировавшим агрессию Украины против народных республик Донбасса. Но ключевым среди множества измерений данной борьбы является экзистенциальное. Наша страна является препятствием на пути установления глобального антигуманного порядка, одним из проявлений которого является запрещённое в России ЛГБТ-движение. С учётом того, что западная корпоратократия навязывает данную идеологию в качестве «европейских ценностей», существует необходимость разграничения и чёткого понимания того, за какие ценности сражается современная Россия. Одним из авторов, отразившим их суть, является Н. Я. Данилевский.

По мнению этого ученого, история и развитие культуры каждого народа уникальны и цикличны. В основе его концепции культурно-исторической типологии лежит принцип многообразия локальных культур. Он считал, что культурное развитие цивилизации является многовекторным и состоит из совокупности локальных культур, которые развиваются независимо и взаимодополняют друг друга. Итак, целью данной статьи является анализ содержания цивилизационной теории исторического процесса, сформулированной в трудах Н. Я. Данилевского.

В наше время особенно остро стоит вопрос о путях развития человеческой цивилизации. В литературе существует две точки зрения на единство и самоценность культур: теория единого культурного развития для всего общества и теория плюрализма культур.

По мнению сторонников первой концепции – единства развития человеческой цивилизации, – все культуры проходят сходный путь своего развития, начиная от зарождения в первобытном обществе и оканчивая гибелью планетарной цивилизации. К сторонникам данной теории относятся Ш. Монтескье, И. Кант, В. Соловьев, К. Ясперс и др. Они считали, что все человечество развивается по единому плану, независимо от исторических, психологических, социальных и иных различий. Поэтому отдельные культуры следуют тем же законам развития, что и все человечество.

К сторонникам идеи плюрализма культурного развития относятся П. Сорокин, Л. Гумилев, О. Шпенглер, А. Тойнби и др. Они отстаивают позицию множественности и неповторимости культур, основанных на исторических, социальных,

психологических различиях. В круг этих исследователей входил и Н. Данилевский. Он являлся сторонником поликультурной модели развития человечества. Процесс мирового культурного развития он рассматривал как совокупность отдельных культурно-исторических типов, причем каждый тип имеет уникальные социокультурные качества, что делает процесс его развития неповторимым. Он выделял десять культурно-исторических типов: египетский, китайский, ассирийско-вавилонско-финикийский, халдейский или древне-семитский, индийский, иранский, еврейский, греческий, римский, ново-семитский, или арабийский, германо-романский, или европейский. Также он включил в этот список мексиканский и перуанский типы, погибшие на начальной стадии своего развития, и славянский тип, которому, по его мнению, ещё только предстоит пройти весь путь своего культурного развития.

Кроме классификации культурно-исторических типов, Н. Я. Данилевский разработал концепцию четырёх разрядов культурной деятельности. Согласно данной концепции, к первому разряду относятся религиозная деятельность, служащая основой нравственной жизни народа. Ко второму разряду он относил три формы культурной деятельности: культуру как теоретическое направление, художественно-эстетическое и промышленно-техническое направление. Третий разряд составляет политическая жизнь общества как единого целого. Четвёртый разряд включает в себя всю совокупность общественно-экономических отношений, связанных с преобразованием предметов внешнего мира, а также их добычей и переработкой. На основе своей концепции о четырех разрядах культурной деятельности он выделил одноосновные, двуосновные и полиосновные культуры. Среди одноосновных культурных типов значительное развитие получал лишь один из элементов жизни общества (как, например, Древний Рим, где наиболее развитой из всех культурных видов деятельности была политика).

Н. Я. Данилевский считал, что германо-романский, или европейский культурный тип, относится к двуосновному типу, поскольку он развивается по двум направлениям: в сфере политики и культуры. Что касается будущего славянского культурно-исторического типа, то он будет развиваться во всех четырех видах деятельности: религиозной, культурной, политической и общественно-экономической, поскольку представители славянского культурно-исторического типа имеют множество преимуществ в развитии всех форм культурной деятельности, что подтверждается всем ходом исторического развития. Так, в религиозной сфере вера всегда составляла основное содержание духовной жизни древних славян. В настоящее время она является воплощением духовных интересов и надежд русского народа.

В политической сфере славяне с древнейших времен проявляют способность к организации своей общественно-политической жизни, основанной на принципах справедливости и гуманности. По мнению Н. Я. Данилевского, древние славяне образовали огромное могущественное государство, которое существовало на протяжении более чем тысячи лет, что свидетельствует об их способности к политической самоорганизации. Что касается свободолюбия славян, то они не выносят рабства, но могут «принять и выдержать всякую дозу свободы» [2, с. 590]. И этот факт, как он считал, является свидетельством их нравственной и культурной зрелости. В общественно-экономической сфере Россия имеет большое преимущество в развитии, поскольку обладает огромными территориями, богатыми не только природными ресурсами, но и разнообразными полезными ископаемыми. Перспективы общественно-экономического развития он видел в наделении народа земельными наделами и общинном землевладении, основанном на равных правах на землю.

В культурной сфере достижения славян по сравнению с представителями греческого, европейского и других культурно-исторических типов Н. Я. Данилевскому казались весьма скромными ввиду культурной «молодости» славянских народов. Однако он считал, что значительные достижения в литературе могут компенсировать недостаточность развития славян в данной сфере.

На основе сравнения различных культурно-исторических типов Н. Я. Данилевский пришёл к выводу, что славянский тип имеет значительные преимущества в художественной сфере развития, но небольшое преимущество в области научного развития. Но в целом «мы можем сделать вывод о его способности достигнуть и в этом отношении значительной степени развития» [2, с. 609].

Концепция Н. Я. Данилевского является альтернативой эволюционной теории общественного развития, которая рассматривает весь путь человечества как единый и инвариантный, в котором все виды общества проходили одинаковые этапы культурного, независимо от особенностей их исторического, социального и иного развития. Н. Я. Данилевский предложил неэволюционную концепцию культурно-исторического развития, в которой доказал, что каждый народ имеет свой собственный, неповторимый путь, исходя из особенностей своего исторического пути.

Отличительной чертой теории Н. Я. Данилевского является его отрицание европоцентризма. Он считал, что будущее развитие цивилизации на всей планете во многом зависит от России, а не Западной Европы, которой он предсказывал дальнейший упадок и деградацию, а европоцентризм он называл «ошибкой перспективы» [2, с. 102]. Эта мысль была впоследствии развита в учениях О. Шпенглера, А. Тойнби, П. Сорокина.

Например, О. Шпенглер считал, что Европейская культура в скором времени должна перейти в последнюю стадию культуры – цивилизацию, поскольку именно там распространены материализм, атеизм, социальные революции и научные теории. Поэтому, по его мнению, Европа вошла в стадию цивилизации, а не культуры [10, с. 289].

По мнению же А. Тойнби, вся человеческая история представляет собой совокупность замкнутых обществ-цивилизаций, имеющих уникальные характеристики и историю развития и меняющихся под воздействием влияния внешней среды на данную цивилизацию и наличия творческой элиты, руководящей процессом культурной эволюции. Каждая цивилизация имеет свою собственную систему ценностей. Говоря о независимом культурном развитии отдельных цивилизаций, он утверждает, что вся история человечества представляет собой «пучок параллельных ... свершений и опытов» [8, с. 274–275].

Наконец, П. Сорокин рассматривал мировую цивилизацию как общность людей, объединённых общей культурой и мировоззрением. Он выделял три типа культур: идеациональный (сверхчувственный), чувственный и идеалистический. Идеациональный тип культуры основан на религиозной идее и его целью является спасение души. В основе чувственного типа цивилизации находится стремление к удовлетворению потребностей индивидов в комфортной и богатой жизни. Идеалистический тип культуры основан на соединении религиозного и материалистического мировоззрений. Противостояние трех форм культур вызывает противоречия, которые выражаются в борьбе противоположных идеалов и символов культурных систем, существующих в современном обществе. Также он выдвинул концепцию конвергенции для сближения России и США, в результате чего общество избежит множества социально-политических конфликтов [11, с. 78]. Концепция

конвергенции учитывала особенности развития обоих государств в построении цивилизации.

Россия во все времена являлась «камнем преткновения» для крупнейших держав мира, желавших уменьшить степень ее влияния в политической, экономической и культурных сферах, для чего в историческом прошлом развязывались многочисленные войны. В настоящее время предпринимаются попытки навязать иностранные общественные институты на русскую почву или интегрировать ее в Европу. Кроме того, выдвигаются планы расчленения Российской Федерации на отдельные государства. Таким образом, Запад постоянно разрабатывает планы по ослаблению России с последующим её переходом в разряд стран «третьего мира», поскольку она всегда являлась и является препятствием к распространению экономических и политических интересов западных олигархических элит.

Для предотвращения политической и экономической экспансии и распространения влияния западных держав на восток предпринималась попытка союза славянских государств под руководством СССР в виде Варшавского договора, который потерпел крах в 1991 г.

В связи с современными сложными политическими проблемами, стоящими перед родственными славянскими народами, на первый план вновь выступает необходимость объединить свои усилия и отстоять общечеловеческие и гуманитарные ценности, основанные на высоких морально-этических принципах. Поэтому идея Н. Я. Данилевского об объединении славянских народов и создании Славянской цивилизации является в настоящее время весьма актуальной. Именно в осуществлении славянского единства он видел великую историческую миссию нашей страны.

В своем труде «Россия и Европа» Н. Я. Данилевский обосновывал идею о том, что славянские народы (которые он отнес к седьмому «семейству» индоевропейских народов) имеют все предпосылки для того, чтобы объединиться, развиваться и стать полноценной цивилизацией. Н. Я. Данилевский отмечал, что, несмотря на угрозу экспансии и ассимиляции со стороны могущественных западных держав, восточные славяне смогли сохранить свой язык, культуру, традиции, религию, а также политическую независимость, что свидетельствует о потенциальной возможности дальнейшего культурного развития славянских народов, их объединения и появления нового цивилизационного центра во главе с Россией.

Отечественный мыслитель считал, что идея Славянства должна быть высшей идеей: выше свободы, выше науки, выше просвещения, выше всякого земного блага. Для этого у нее есть все необходимое для развития в качестве нового цивилизационного центра: политическая независимость, православная вера, этническая культура. На основании этого он пришел к выводу, что славяне «могут и должны образовать свою самобытную цивилизацию» [2, с. 151]. По мнению Н. Я. Данилевского, в создании славянской цивилизации должны принять участие все славянские народы, причем идея её создания должна стать для всех славян высшей ценностью, поскольку без неё невозможен прогресс ни в одной из сфер общественной деятельности.

Сравнивая западную и потенциальную славянскую цивилизации, Н. Я. Данилевский использовал сравнительно-исторический метод, который заключался, по его мнению, в сравнении двух цивилизаций и поиске противоположных черт [1, с. 181]. Причину различий между западной и будущей славянской цивилизациями он видел в особенностях культурной, духовной, политической жизни, а не в антропологических отличиях. При этом Н. Я. Данилевский первым в качестве инструмента познания применил метод анализа цивилизационной ментальности.

В качестве основного элемента культурно-исторического типа Н. Я. Данилевский выделил психологический строй народов, входящих в определенный культурно-исторический тип. Мыслитель считал, что именно психологический строй определяет отношение к миру и сферу деятельности данного народа, оказывает влияние на формирование национального характера, к основным составляющим которого он относил нравственно-религиозные принципы, отношение к власти, вероисповедание [5, с. 188].

На основе сравнительно-исторического метода Н. Я. Данилевский сопоставлял психологические черты славянских и западноевропейских народов и пришел к выводу, что основным психологическим качеством европейских народов является так называемая «насильственность» – чрезмерно развитое личностное начало и стремление подчинить все своим интересам, а славян – стремление к кротости, терпимости, подчинение своих интересов общественным.

Главным отличием славянского психологического типа Н. Я. Данилевский считал «нравственное внутреннее сознание», а особенностью его менталитета – соборность и подчинение личных интересов общественным, в отличие от европейского менталитета, где главенствует эгоцентризм и индивидуализм.

В качестве оснований любой цивилизации он выделял четыре составляющие: политическую, социально-экономическую, религиозную и культурную. К наиболее развитым у славянских народностей Н. Я. Данилевский относил религиозную и культурную составляющие. При этом религиозная деятельность народа, по его мнению, является главенствующей в процессе цивилизационного творчества славян, поскольку именно в религии заключается «преобладающий духовный интерес простых людей» [2, с. 577]. Он писал, что характер славян исполнен «мягкости, покорности, почтительности» и наиболее всего соответствует христианским идеалам, в отличие от других народов [5].

Что касается политической сферы деятельности, то Н. Я. Данилевский считал, что успехи славян в политике невелики, поскольку «все славянские народы, за исключением русского, или не успели основать самостоятельных государств, или, по крайней мере, не сумели сохранить своей самостоятельности и независимости» [5, с. 580]. В качестве причины того, что русский народ сумел сохранить свою государственность, он указывал удалённость от Европы и особенности национального свободолюбивого менталитета. По мнению Н. Я. Данилевского, в отличие от загнивающей Западной цивилизации, русский народ характеризует «духовное и политическое здоровье» [5, с. 315]. Он выступал за сохранение русской национальной самобытности, призывал к изоляции России от Европы для того, чтобы не перенимать идей демократии, социализма и других проявлений «европейничания», которое было пагубно, по его мнению, для России.

Одним из ключевых вопросов, которые в XIX веке поставил и попытался дать ответ Н. Я. Данилевский, является вопрос о том, является ли Россия частью Европы, или же представляет самобытную цивилизацию. Тем не менее, данный вопрос не был новым – ни для России, ни для Западной Европы, хотя и не достиг такого драматизма, как в веке XX-м. Происхождение слова «Европа», хотя и восходит к Древней Греции (где под ней подразумевали эллинский, цивилизованный мир – в противоположность варварскому), имеет восточное (финикийское) происхождение – «место, где заходит солнце». Современная социология под термином «цивилизация» в эволюционно-стадиальном плане понимает уровень развития общества, в котором созданы и функционируют система письменности, законы, городская инфраструктура (этап,

следующий за дикостью и варварством). Однако эти достижения существовали и в Финикии, которой себя противопоставляли афиняне. Стержень и фундамент Европы – это не степень технического развития, это, в первую очередь, духовные ценности. Ключевой среди них остаётся идея подвига Прометея, чьё самопожертвование помогло обществу обрести свет истины. Афины и укреплявшийся Рим представляли Европу – но в её восточном и западном варианте. Продолжением дискуссии между ними был раздел Римской империи на Восточную и Западную, вылившийся в вопрос о правопреемственности Рима в Средние века. Римской империей называла себя и Ромейская империя, и Священная Римская империя германской нации, и Австро-Венгрия, и Османская империя (султаны заявили о своих правах на титул законных римских императоров), и даже появившаяся в 1859 году Румыния. Но в наибольшей мере геополитический код Рима унаследовала ставшая центром русского государства Москва (в том числе, благодаря женитьбе Ивана III на византийской принцессе Софье (Зое) Палеолог) [3, с. 363]. Новый статус и роль России как вселенского христианского центра были очерчены в послании монаха Филофея (Москва – Третий Рим). Из Константинополя был заимствован даже герб – двуглавый орёл, используемый Россией и поныне.

Принадлежность к европейской цивилизации и статус Рима (в метафизическом смысле) – не просто фигура речи. Это право быть первым среди равных, право устанавливать международные законы. Это право быть столицей мира, в которой находится престол императора, назначающего наместников во все регионы Европы. Не в последнюю очередь, престиж Рима, – право на сбор налогов.

Та степень напряжения, с которой развернулась борьба между ставшей империей Россией и Западом (в разные времена представленным наполеоновской Францией, кайзеровской и гитлеровской Германией, США и их сателлитами) – это борьба за первородство, за право называть себя Римом, быть центром европейского мира. Именно по этой причине, Восточная и Западная Европа не могут сосуществовать (империя Петра Великого сделала невозможной империю Карла Великого; рождение новой Римской Империи – Европейского Союза – стало возможно только после распада СССР).

До определённого времени западная окончечность Евразии (называющая себя Европейским Союзом) имела право претендовать на принадлежность к европейской цивилизации. Но с внедрением (сначала робким, а затем все более агрессивным) идеологии толерантности, предполагавшей дегуманизацию, подрыв духовных, а затем и биологических оснований общества, европейская конфедерация Европой быть перестала. Так называемые «европейские ценности», под знаменами которых свою борьбу ведут ВСУ – это тоталитарная антихристианская и антиевропейская идеология (лучшая иллюстрация которой – остров Эпштейна с человеческими жертвоприношениями и каннибализмом). В этом свете, единственным носителем европейскости во второй четверти XXI века остается Российская Федерация. Поэтому, отказываться от принадлежности к Европе нам не только бессмысленно, но и опасно.

В наши дни, начиная с 2000-х гг., в России ведется дискуссия о сути (и самой необходимости) государственной идеологии. При анализе данного вопроса учёные, публицисты и политики в большинстве случаев обращаются к цивилизационной теории (одним из вариантов которой была концепция С. Хантингтона, предложившего термин «Православно-славянская цивилизация») [9]. Однако Русский мир шире, чем ареал православия и шире, чем славянский пан-регион. Русский мир – синоним Европейской цивилизации, гораздо более широкой, чем географическая Европа. С учётом того, что нынешний кризис является глобальным, выход из него также может быть только глобальным. Россия обладает конструктивным опытом развязывания противоречий

такого уровня, поскольку реализовала ряд наднациональных проектов и развязала широкий круг вопросов, ранее считавшихся неразрешимыми.

Европейскость России (обретшей форму СССР) признавали и европейские политики, один из которых – Шарль де Голль – в ноябре 1959 года выступил со знаменитой речью о «Европе от Атлантики до Урала». Тезис о необходимости создания Европы «от Лиссабона до Владивостока» французский генерал повторял весьма часто. И этот лозунг превратился «едва ли не в крылатое выражение, своего рода кредо французской политики в Европе и даже шире, поскольку де Голль делал акцент на нем и во время пребывания в США» [6]. Но в Москве на эту идею обратили внимание только в сентябре 1962 года, когда Шарль де Голль вновь озвучил ее во время визита в ФРГ: «Европа от Атлантики до Урала – это вся Европа, которая решает судьбы мира». Примечательно, что Генеральный секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущёв словами де Голля был возмущен. И даже дал указание выяснить у французов, что имеет в виду их президент и не помышляет ли он расчленивать Советский Союз. В ответ на официальный запрос Шарль де Голль в беседе с советским послом С. А. Виноградовым сказал: «Придет время, когда мы будем строить Европу вместе» [4].

Подводя итог, отметим, что Н. Я. Данилевский поддерживал взгляд на уникальность и самобытность культурного развития России. В своём учении он исследовал круг проблем. Во-первых, он рассматривал проблему вестернизации культуры российского народа, появившуюся со времён Петра I, как угрожающую самобытности российской культуры и ведущую к утрате национальных корней. Во-вторых, он считал, что развитие мировой культуры не однонаправлено, а многовекторно и состоит из культур всех народов, являющихся частью мировой культуры и развивающихся по своим уникальным законам. В-третьих, философ выдвигал гипотезу о возможности возникновения Всеславянской федерации, исходя из общности культурно-исторического типа славянских народов, их славянской религиозности, особого отношения к свободе, особенности развития наук и искусств на Руси. Теория Н. Я. Данилевского о культурно-исторических типах развития имеет большое значение, поскольку она доказывает важность уникального пути развития русского народа для всей мировой цивилизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилевский Н. Я. Горе победителям! Сборник политических и экономических статей / Н. Я. Данилевский. – СПб.: Н. Страхов, 1890. – 678 с. – URL: <https://danilevsky.rhga.ru/upload/iblock/abb/4kmlviri3a16e6k6rmo7h54nfgosa76a/Горе%20победителям%20145-225.pdf>.
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н. Я. Данилевский. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 816 с.
3. Дугин А. Г. Ноомахия: войны ума. Русский логос II. Русский историал. Народ и государство в поисках субъекта. – М.: Академический проект, 2019. – 959 с.
4. Ильин Е. Ю. Концепция «Большой Европы» от Лиссабона до Владивостока: проблемы и перспективы / Е. Ю. Ильин // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – № 2 (41). – С. 84–92.
5. Корнеев И. В. «Постижение истории» А. Дж. Тойнби и «Россия и Европа» Н. Я. Данилевского: к вопросу о методах сравнительно-исторического исследования / И. В. Корнеев // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. – М., 1996. – С. 399–401.
6. Оганесян А. Европа: от Лиссабона до Владивостока / А. Оганесян // Геополитика. – 2012. – 11 декабря. – URL: <http://www.geopolitics.ru/2012/12/evropa-ot-lissabona-do-vladivostoka-2>.
7. Султанов К. В. Концепция «культурно-исторических типов» Н. Данилевского и современная западная философия истории / К. В. Султанов // Учёные записки кафедр общественных наук вузов города Ленинграда. Философские и социологические исследования. – Л., 1972. – Вып. Ж. – 193 с.

8. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории; Мир и Запад / А. Дж. Тойнби. – М.: АСТ; Владимир: Астрель, 2011. – 318 с.
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2025. – 640 с.
10. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность / О. Шпенглер. – М.: Мысль, 1993. – 663 с.
11. Sorokin P. A. Mutual Convergence of the United States and the USSR to Mixed Socio-cultural Type // P. A. Sorokin // International Journal of Comparative Sociology. – 1960. – № 1. – P. 143–176.

REFERENCES

1. Danilevskij N. Ya. (1890) Gore pobeditelyam! Sbornik politicheskikh i ekonomicheskikh statej[Woe to the Vinnners! A Collection of Political and Economic Articles]. – SPb.: N. Straxov. – 678 s. URL: <https://danilevsky.rhga.ru/upload/iblock/abb/4kmlvir3a16e6k6rmo7h54nfgosa76a/Gore%20pobeditelyam%20145-225.pdf>. (In Russian).
2. Danilevskij N. Ya. (2008) Rossiya i Evropa. Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu [Russia and Europe. A View of the Cultural and Political Relations of the Slavic World to the Germanic-Roman World]. – М.: Institut russkoj civilizacii. – 816 s. (In Russian).
3. Dugin A. G. (2019) Noomaxiya: vojny` uma. Russkij logos II. Russkij istorial. Narod igosudarstvo v poiskax sub`ekta [Noomakhia: Wars of the Mind. Russian Logos II. Russian Historical. People and State in Search of a Subject]. – М.: Akademicheskij projekt. – 959 s. (In Russian).
4. Il'in E. Yu. (2015) koncepciya «Bol'shoj Evropy» ot Lissabona do Vladivostoka: problemy iperspektivy [The Concept of «Greater Europe» from Lisbon to Vladivostok: Problems and Prospects] // Vestnik MGIMO-Universiteta. – № 2 (41). – S. 84–92. (In Russian).
5. Korneev I. V. (1996) «Postizhenie istorii» A. Dzh. Tojnbi i «Rossiya i Evropa» N. Ya. Danilevskogo: k voprosu o metodah sravnitel'no-istoricheskogo issledovaniya [«Understanding History» by A. J. Toynbee and «Russia and Europe» by N. Ya. Danilevsky: On the Methods of Comparative Historical Research] // Istochnikovedenie i komparativnyj metod v humanitarnom znanii. – М. – S. 399–401. (In Russian).
6. Oganessian A. (2012) Evropa: ot Lissabona do Vladivostoka [Europe: from Lisbon to Vladivostok] // Geopolitika. – 11 dekabrya. – URL: <http://www.geopolitics.ru/2012/12/evropa-ot-lissabona-do-vladivostoka-2>. (In Russian).
7. Sultanov K. V. (1972) koncepciya «kul'turno-istoricheskikh tipov» N. Danilevskogo i sovremennaya zapadnaya filosofiya istorii [Danilevsky's Concept of «Cultural-Historical Types» and Modern Western Philosophy of History] // Uchyonye zapiski kafedr obshhestvennyh nauk vuzov g. Leningrada. Filosofskie i sociologicheskie issledovaniya. – L. – Vyp. Zh. – 193 s. (In Russian).
8. Tojnbi A. Dzh. (2011) Civilizaciya pered sudom istorii; Mir i Zapad[Civilization on Trial by History; The World and the West]. – М.: АСТ; Владимир: Астрель. – 318 s. (In Russian).
9. Xantington S. (2025) Stolknovenie civilizacij [Clash of Civilizations] / S. Hantington. – М.: АСТ. – 640 s. (In Russian).
10. Shpengler O. (1993) Zakat Evropy. Ocherki morfologi imirovoj istorii. T. 1. Geshtal't i dejstvitel'nost' [The Decline of the West. Essays on the Morphology of World History. Vol. 1. Gestalt and Reality]. – М.: Mysl'. – 663 s. (In Russian).
11. Sorokin P. A. (1960) Mutual Convergence of the United States and the USSR to Mixed Socio-cultural Type // P. A. Sorokin // International Journal of Comparative Sociology. – № 1. – R. 143–176. (In English)

BASIC PROVISIONS OF THE CONCEPT OF N.Y. DANILEVSKY

D.S. Krysenko, O.Y. Lyubchik

This article examines the philosophical aspects of N. Ya. Danilevsky's views on the development of modern civilization and Russia's role in its evolution. The concept of Slavic civilization in Danilevsky's works is analyzed. Russia is contrasted with Western European civilization as a cultural and historical type. Particular attention is paid to the analysis of the main characteristics and features of the Slavic peoples, as well as the factors that contributed to their possible unification into a Slavic Union. A comparative analysis of proponents of pluralism in the global development of civilization is also provided.

Key words: people, cultural type, civilization, multicultural model of civilizational development.

Поступила в редакцию 27.03.2026 г.

Крысенко Дмитрий Сергеевич

Доктор исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
аграрный университет им. К.Е. Ворошилова»,
г. Луганск, ЛНР, РФ.
E-mail: gumilev.l@inbox.ru

Krysenko Dmitry Sergeevich

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
FSBEI HE «Lugansk State Agrarian University named
after K.E. Voroshilov»,
Lugansk, LPR, RF.
E-mail: gumilev.l@inbox.ru

Любчик Оксана Юрьевна

Аспирант кафедры философии, истории педагогики,
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
аграрный университет им. К.Е. Ворошилова»,
г. Луганск, ЛНР, РФ.
E-mail: pso-lgau@yandex.com

Lyubchik Oksana Yuryevna

Postgraduate Student, Department of Philosophy,
FSBEI HE «Lugansk State Agrarian University named
after K.E. Voroshilov»,
Lugansk, LPR, RF.
E-mail: pso-lgau@yandex.com

СОЦИАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В ТРАНСФОРМАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЕ ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА

© 2026 Ю.М. Лустин

ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Туган-Барановского»

В статье раскрывается сущность диалектического взаимодействия социального идеала и деятельности человека в трансформационных условиях современности. С позиций социальной методологии анализируется содержание социального характера идеала в качестве базисной ценности мировоззрения, системно-функционального интегратора духовно-нравственных и интеллектуальных свойств человека, ориентированных на практическую деятельность. С помощью диалектико-типологического метода сравнения выявляется основополагающая особенность идеала, состоящая в консолидации созидательных сил человеческого интеллекта на организованное действие. Обосновывается диалектический механизм взаимодействия социального идеала и деятельности, определяющий степень должествующей активности сознательной личности на благо общества.

Ключевые слова: человек, социальный идеал, общество, трансформация.

*Идеалом является, ... всякая действительность
в своей наивысшей истине.*

Г. В. Ф. Гегель

Введение. Духовно-нравственное развитие личности, несомненно, зависит от ценностных основ ее мировоззрения и идейной направленности профессионально ориентированной деятельности во всех сферах общественной жизни. Социальный идеал, одухотворенные стремления к цели, базирующиеся на истинных ценностях гуманизма, прогресса, профессиональной подготовки, объективно определяют цивилизационный вектор самосовершенствования индивида. Говоря о практико-ориентированных идеалах личности, Г. П. Ковалева подчеркивает: «Социальный идеал содержит в себе огромный потенциал, который закреплен в социальных, морально-нравственных нормах и традиционных духовных ценностях, значимый для идентификации личности уже в процессе обучения, а в дальнейшем – в социуме и для будущих достижений» [1, с. 41].

Однако в средствах массовой информации теоретиками западного либерализма и сегодня продолжается навязывание мировой цивилизации идеала человека как суперпрофессионала обновленного информационно-технократического общества, который является активным потребителем ценностей глобализации и научно-технического прогресса. Их деструктивный подход к понятию «идеал профессии» и его абстрактная формализация в коммуникативном пространстве знания позволяет этим «схоластам от идеологии» предлагать спекулятивные рассуждения о «так называемом «трансфессионале», для которого не только нет политических и географических границ, но и нет понятия родины» [2, с. 372].

Вопреки этой аморальной идеологии западных умозрителей, идейно-духовные ценности российской государственности, коллективистские идеалы самосознания россиян, высоконравственные религиозно-национальные устои российской цивилизации и традиции православного братства являются базовыми факторами безопасности многополярного мира. В этой связи, актуализируя проблему

экзистенциального выбора Донбасса в контексте ценностно-смыслового универсума Русского мира, профессор Н.Н. Емельянова авторитетно подчеркивает: «Ценности русского мира, являясь составной частью мировой аксиологической сферы, имеют свои особенности, обусловленные длительной историей формирования и развития наций и народностей, входящих в состав России. В отличие от западного мышления, преимущественно ориентированного на рационально-индивидуалистическое мировосприятие, русское сознание изначально отдавало приоритет духовно-коллективистским идеалам» [3, с. 44].

Разрешение различного рода противоречий в смыслоформирующей парадигме «идея – идеал – цель – практика» объективировано диалектикой объективного и субъективного, материального и нематериального, сущего и должного, актуального и потенциального, видимого и невидимого, регулируемого и статичного. Приоритетность содержания понятия «социальный идеал» в сопряжении с сущностными определениями этих и других научно-теоретических дефиниций парадигмы зависит от логики их философско-концептуального построения в избранном методологическом подходе и определенной системе применяемых средств диалектико-материалистического или метафизического познания.

Механизм перехода содержания идеала в конкретные результаты деятельности человека – это диалектический процесс регулятивно-трансформационного воссоздания различных модификаций (комбинаций) познавательных связей и отношений в системе «природа – человек – общество – культура – интеллект – практика». В данном формате идеал, как правило, служит проективной моделью должного, которая через ценностную мотивацию человека трансформирует его знания, интеллектуальные навыки и профессиональные умения в достижимые цели, планы, намерения. В свою очередь, конкретные результаты индивидуальной или общественной практики человека постоянно корректируют смысловую образность идеала до тех пор, пока будет достигнуто или не достигнуто желаемое. В итоге идеал социализированной личности становится не просто абстрактным элементом познания, а живым ориентиром, который помогает ей развиваться, совершенствоваться, находить смысл жизни.

Цель исследования – в контексте социально-философского подхода выявить механизм влияния социального идеала на содержание и направленность деятельности человека в трансформационных условиях современности.

Основная часть. Осознанный идеал – мощный мотивационный тренд человеческой жизнедеятельности. Он имеет одухотворенный характер и представляет для индивида определенный эталон, образец для подражания. По мере выполнения задач практики личность оценивает достигнутые результаты, осмысливая при этом, насколько удалось реализовать свои возвышенные устремления в направлении движения к цели. При этом закономерно возникает вопрос, связанный с соответствием предмета мысли и мысли о предмете, рационально-одухотворенных действий индивида в направлении необходимых изменений реальности как объективного, так и субъективного характера. Предсказуемо появляются вопросы о том, что достигнуто на пути к цели, а что требует видоизменения, совершенствования, доработки, корректировки.

В настоящее время проблема социального идеала и его всесторонней взаимосвязи с деятельностью человека отражена в некоторых исследованиях отечественных авторов (Д.А. Блануца, Т.И. Власова, Л.Р. Дернова, Э.В. Ильенков, З.Г. Искандарова, А.А. Завгородный [4], Е.С. Маслова, А.В. Миронов, Е.Н. Моцелкова, Н.С. Мудрагей, Н.М. Полетаева, Т.Э. Рагозина [5], И.И. Ремезова [6], Л.А. Степнова, М.В. Тарасова, А.В. Токранов, Р.М. Усманов, Е.В. Ушаков, В.А. Чаликова, Е.Д. Шетулова и др.). В

работах этих и других авторов социальный идеал рассматривается: а) в контексте социально-философской доктринальности – как *фактор* взаимосвязи глубоко осмысленных индивидом всеобщих форм человеческой деятельности, *причина* оптимизации сущностных сил созидательной личности организующей характерности; б) с позиций психологического подхода – в качестве *средства* восприятия коллективных символов, антропо-культурных стереотипов, прототипических образцов безупречного поведения индивида, *источника* рефлексии идей, образов и мыслей внутреннего мира человека; в) в аспекте социологической проблематики – в виде *сомножителя* убеждений личности в различных типах социальности, *модели* совершенного состояния общества, *представлений* об образцовых общественных отношениях; г) в парадигме этико-культурных основоположений – как *детерминанта* долженствования, в явленности которой наличествует некое сущее.

Общим для этих подходов служит антропо-онтологическое, психолого-аксиологическое, логико-гносеологическое понимание того обстоятельства, что социальный идеал не является самостоятельной субстанцией, независимой от деятельности человека. Он имеет обуславливающую сущность в жизнедеятельности личности, представляя духовно возвышенный способ выражения ее индивидуальности, меру долженствующей ответственности за судьбу государства и общества. Более того, если рассматривать социальный идеал в качестве общественно одобряемого образа мыслей человека, логико-смысловой порядок которых определяет достижимый характер созидательной деятельности индивида, то можно говорить о социетальном множестве его значений.

В работах отдельных авторов социальный идеал выступает в роли духовно-нравственного критерия, который ориентирует человека на определенный вид деятельности по его достижению (В.Е. Давыдович, Н.А. Новиков, Е.В. Осичнюк, Н.М. Полетаева, А.Г. Теслинов и др.). Особого внимания заслуживают диссертационные исследования А.В. Иванова [7], А.В. Карташова, Н.С. Оботуровой, А.В. Токранова, С.Н. Шумилова, в которых проблема идеала актуализируется в значении смыслоопределяющего средства целеполагания, оптимизирующего фактора социального действия, ведущего структурного компонента модели человеческой деятельности. Как правило, в снятой форме аксиология идеала олицетворяет осмысленную идею движения к цели, типопределенный образец для подражания, интеллектуальное стремление к которому вдохновляет индивида на самосовершенствование и самоактуализацию.

В парадигме социальной реальности аксиологический контекст социального идеала человека представляет собой субъективно-ценностную модель его когнитивной активности. В системе объективно-субъективных отношений, в практико-ориентированной культуре диалектико-типологического познания реальности антропо-психолого-культурный характер идеала конструктивно фокусирует мировоззренческие, интеллектуальные, чувственно-волевые намерения индивида на постижение идей о социальных основах своего бытия, реализацию целей своего существования. Так, активно развивая философскую концепцию В.С. Степина о базисных ценностях культуры как «мировоззренческих универсалиях», М.В. Тарасова и В.И. Кудашов уделяют пристальное внимание духовной устремленности человека, подчеркивая что социальный идеал – это «синтетическая идеалообразующая конструкция, которая включает в себя чувственный эталон, рожденный в культурной системе, схему действия как специфическое социальное отношение и программу экстраполяции на область взаимодействия мира и человека» [8, с. 70].

Объективным основанием формирования социального идеала является проявление диалектики общественного бытия и общественного сознания. Концептуализируя онтологический статус потенциального бытия цивилизации, социальный идеал содержит в себе систему ценностных представлений человека о мире, чем определяет его отношение к действительности. В своей мировоззренческой сущности и определенных духовных форматах морально-нравственного отношения к действительности феномен социального идеала является основополагающим фактором объективной и субъективной практики человека. В свою очередь, идеал способствует формированию объективных оснований целедостижения, которые должны быть сообразны с необходимыми средствами для его реализации человеком.

Коренная особенность идеала – многофакторное наличие консолидирующих возможностей созидательных сил человеческого интеллекта для организованного действия, исходя из имеющихся у индивида целей и средств. Применяя диалектико-типологический метод сравнения к анализу процесса идеалообразования, можно сделать такое заключение: логически обоснованное сопоставление качественной определенности различных видов (типов) идеала позволяет выявить общее для них основание существенной явленности – свойство консолидации организационного характера. Иначе говоря, лежащая в основе идеала идея имеет интегративную существенность редуцировать переход потенциала своих возможностей в реальное свойство консолидации всех структурных элементов, уровней идеала в их организованной направленности на практическую деятельность человека. По мнению Ю.М. Лустина, «Организационная сторона идеала является специфически важной формой самоосуществления человеческих замыслов. В этом отношении идеал выступает в роли интегратора, олицетворяющего единство целей, средств и результатов деятельности личности» [9, с. 60]. По этой причине в социокультурной практике человеческой жизнедеятельности социальный идеал основоположен диалектическим форматом созидательных целеустремлений индивида в плане *субъективно предполагаемого и объективно достигаемого*.

В формосодержательном контексте существования человека социальный идеал – это базисная ценность его мировоззрения, системно-функциональный интегратор различных интеллектуальных сил в их становлении и направленности на практическую деятельность. Концептуальное наличие смыслового содержания идеала в формате «предположение – достижение» можно гносеологически специфицировать и аксиологически интерпретировать в конструктивном плане верных представлений индивида о желаемом будущем и когнитивных путях его достижения. Культурно-онтологическая характерность этого представления рефлексивно видоизменяется с помощью различных форм мыслительной активности и результатов практической деятельности человека. Анализируя рефлексивно-смысловую сторону организации субъективного мира на основе познавательных компетенций человека, Ю.М. Лустин обоснованно утверждает: «Мыслительная деятельность личности представляет собой неисчерпаемый потенциал гносеологической содержательности рефлексивного знания в виде различных познавательных образов информационной реальности, смысловых идей виртуально-креативного характера, прообразов схем и алгоритмов действий, фреймов персональных намерений, оригинальных умственных комбинаций субъективного мира актора социализированной практики» [10, с. 114].

В своей онтологической и гносеологической существенности социальный идеал представляет собой смыслоопределенную образность понимающего мышления деятельной личности, способной к благородным поступкам, самосовершенствованию,

инновациям, активному участию в жизни общества. Идеал социальной характерности придает долженствующий смысл системе ценностных ориентаций человека, определяя тем самым сущностные ориентиры его жизненной позиции, роль и место в обществе. Универсальность образной семантики идеала соотносима с уникальными обобщениями действительности, в которых смысловая идея оптимизирующего значения имеет реальность существования, к примеру, в ассоциации такого вида: «Идеалы подобны звездам на небе: мы никогда не можем их достичь, но ориентируемся по ним в жизни».

В интерактивном значении идеал человека является мощным стимулом поддержания коммуникации, влияя на содержание и форму общения, эффективную передачу смысла между участниками взаимодействия. Общие ценности создают пространство доверия и взаимопонимания, что обеспечивает обмен идеями и способствует конструктивному диалогу. Репрезентативность коммуникативно-деятельной составляющей идеала знаменует собой потребности и интересы индивида в его благородных целеустремлениях к познанию истин бытия, интеллектуальной, деловой, креативно-инновационной самореализации. Без цели нет деятельности, без интересов нет цели, а без деятельности нет жизни, говорил В.Г. Белинский.

В контексте социального-методологического познания обнаруживает свою диалектико-типологическую конструктивность единство типа реального идеала, существующего в форме своей онтологической и гносеологической определенности, и типологии деятельности человека, содержательно направленной на его праксеологическое осуществление. Видоопределенная трансформационность этого диалектико-типологического взаимодействия отражает механизм непрерывного воспроизводства, развития, трансформации различных способов социальных связей и отношений в общественной среде.

Когнитивно-практическую направленность диалектической взаимосвязи социального идеала и деятельности человека в значительной мере отражает философский принцип восхождения от абстрактного к конкретному. В своей генезисной направленности социальный идеал проективно выражает некое целевое начало человеческой активности, результативность которой находится в проекции своей осуществимости и зависит от многих объективных и субъективных факторов. Как выявило исследование, онтогносеологический механизм становящейся и воссоздающейся образности идеала в сознании (мышлении) человека имеет характер закономерного восхождения от идеальной сущности мысли индивида о предмете своего интереса к реальному осуществлению предметности его созидательных намерений.

Можно привести лишь некоторые доказательства, подтверждающие эту закономерность. Так, в процессе деятельности становление идеала имеет место тогда, когда целью намерения индивида является то, что становится, что образуется, что многовидовым образом перевоплощается. Как следствие, диалектический характер восхождения идеала к истинам бытия цивилизации имеет реальность рефлексивного становления через социальную деятельность человека в парадигме «природа – человек – идеал – понимание – преобразование – культура – общественная практика». Констатируя методологические аспекты такого подхода и отмечая рефлексивную особенность идеалообразования, Д.В. Козлюк подчеркивает: «Социальный идеал является основополагающей формой взаимосвязи человека и общества, в практической реализации которого раскрывается подлинный смысл их существования. Динамика реализации социального идеала имеет рефлексивный характер. Стремление к идеалу побуждает человека к рефлексии над собой. Рефлексия помогает человеку концептуально разрабатывать жизненные стратегии и планы целерациональных

действий для креативного достижения желаемого. Это включает в себя анализ возможных направлений деятельности, оценку рисков, выбор наиболее эффективных методов и способов общественно признанной активности» [11, с. 60].

Человек есть знающая себя социально-субъективная реальность. Если это так, то социальный идеал человека обладает характерностью социально-когнитивной реальности идеи (мысли) в противопоставлении данности бытия природы, общества, культуры, иного, Другого. В этом смысле можно резюмировать: человек есть то, что он о себе знает, а его идеалы носят познающий и утверждающий характер реальных возможностей социального бытия, культуры наглядно-действенного мышления [12].

Особенно важно учитывать это при сохранении и передаче исторической памяти из поколения в поколение. Политика памяти является важным средством порождения высокоморальных идеалов человека, надежным инструментом формирования национальной идентичности и обеспечения национальной безопасности. Говоря об идейных основах политики памяти, влияющих на формирование социального идеала человека-патриота, Д.И. Измайлова отмечает: «Без сохранения исторической памяти разрушаются культурные традиции, исчезает связь между поколениями, что ведет к утрате моральных ориентиров и духовных ценностей» [13, с. 60].

Субъективная сущность социального идеала потенциальна и в определенной мере своей субстанциальности конкретизирует объективные результаты актуальной деятельности актора общественной практики. В философском векторе диалектики «потенциального» и «актуального» концептуальность социально-онтологической связи идеала и деятельности человека становится реальной, если рассматривать ее в качестве противоречивого процесса общественного развития и личностного самосовершенствования. Потенциальность социальной реальности заключается именно в том, что модус ее существования зависит от темпоральности социально-культурных трансформаций, динамики актуальных изменений, происходящих в обществе, ресурсности человеческого капитала и иных факторов, влияющих на социальную природу идеала и деятельные основы человеческого бытия.

Именно в этом философском контексте взаимодействие идеала и деятельности может определяться, во-первых, через соотнесенность их содержания с разными сферами социальной действительности. В тесном взаимодействии всех сфер общественной жизни создается социальный капитал общества как бытийная основа социальной реальности, формируются все условия для реализации мировоззренческих ценностей и нравственных интересов человека. Во-вторых, из качественной множественности наличных свойств человека данное взаимодействие обнаруживает наиболее требуемые для реализации идеала. В-третьих, диалектическая концептуальность динамического синтеза идеала и деятельности человека является результатом постоянного видоизменения и обновления различных моментов общественного бытия и общественного сознания, индивидуального существования и индивидуальной практики. В-четвертых, образ идеала дает человеку смысл и направление приложения своих духовных и физических сил, а деятельность предоставляет возможность целеопределенным образом воплотить этот смысл в делах общепризнанной значимости.

Исходя из данных установлений идеал понимается индивидом не как образ идеи, ментальный концепт цели, существующие сами по себе и формализованные в виде запредельных форм абстракции, а в русле диалектико-материалистического подхода этот эталон абсолютного совершенства обнаруживает свою явленность в онтологии практического смысла социальной действительности, то есть в смысловом образе сущности конкретного действия. Идеал – наглядно созерцаемый образ цели, говорил

еще Г.В. Гегель. В постигающем и понимающем мышлении человека эта образность его деятельности может быть представлена в таких видах, как: адекватная форма субъективного образа деятельности; концепт-схема конкретного действия; ведущий алгоритм деятельности; осмысленная процедура индивидуальной активности; предопределенная последовательность заданного функционального сотрудничества.

В диалектике социального идеала (потенциальное) и деятельности человека (актуальное) потенциальное становится актуальным в практике бытия человека и общества, а актуальное, в свою очередь, порождает их новые потенциальные возможности. Этот процесс бесконечен и отражает сущность цивилизационного развития. Идеал, будучи незримым активатором духовно-нравственных сил индивида, стимулирует его активность, а деятельность человека, реализуя смысловую содержательность идеала, преобразует действительность и совершенствует его самого. В этом смысле идеал и деятельность – это две стороны единого процесса духовно-нравственного развития и практической самореализации личности. Трансформационный механизм функционально-прагматических отношений идеала и деятельности способен переопределять границы в достижении возможного через рефлексивные акты сознательного преобразования социальной реальности [14].

Заключение.

1. Конструктивное понимание социализированной личностью содержания социальной реальности объективировано осмыслением бытия цивилизации. Предметность диалектического единства социального идеала и деятельности человека имеет онтогносеологическую природу своего существования.

Онтологический базис деятельного существования человека – это фундаментальная основа, которая определяет природу существования человека и целенаправленный смысл индивидуальной деятельности в обществе. Гносеологический генезис идеала человека отражает процесс формирования и развития представлений о высоконравственном человеке, его наилучших качествах, благородных целях, основанных на научном потенциале знаний, позитивных результатах деятельности, предшествующем когнитивном опыте.

2. Социальный идеал и деятельность человека органически взаимосвязаны. Существование социализированной личности возможно в процессе деятельности, в контекстуальной интеграции форм ее природно-социальной активности. Витальное существование человека реализуется через деятельное самоосуществление его осознанных идеалов и планов. В структуре бытия методологическое взаимодействие социального идеала и деятельности человека во многом определено проявлением принципа восхождения от абстрактного к конкретному, единством множественности качеств духовно-нравственного и практико-определенного характера в дихотомии «актуальное – потенциальное».

Субъективная сущность социального идеала в определенной мере конкретизирует объективные результаты реальной деятельности. Духовно-нравственный потенциал социального идеала неиссякаем, он непосредственно соотносится с актуальными результатами практических достижений индивида.

3. Исходя из объективного значения диалектики общественного бытия и общественного сознания онтогносеологический механизм взаимодействия социального идеала и деятельности носит диалектический характер и определяет степень должествующей активности сознательного индивида в обществе.

Социальные идеалы человека выступают побудительными мотивами деятельности, которая служит основой его духовно-нравственных устремлений.

Креативно-инновационное понимание этой диалектики позволяет раскрыть истинную сущность социального идеала и его ведущую роль в жизнедеятельности человека, а также степень социальной ответственности за поступки и последствия практических действий.

Феномен социального идеала – неперенное условие достижения цели деятельности, благородный императив высоконравственных поступков индивида, возвышающих его авторитет и статус в общественной среде. Благородная цель облагораживает деятельность во имя этой цели, говорил французский философ эпохи Возрождения Мишель де Монтень. Быть обладателем высоконравственных идей, иметь достижимые идеалы, ставить реальные цели, благопристойным образом их осуществлять – это высокая степень душевного благородства человека-созидателя, истинного патриота своей Отчизны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковалева Г.П. Формирование социального идеала как актуальная проблема в российском обществе и образовании // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2024. – № 2 (54). – С. 35-42.
2. Артамонова Т.А., Каланчина И. Н. Идеал будущего человека сквозь призму русской философии // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 4 (41). – С. 372-374.
3. Емельянова Н.Н. Аксиологическая релевантность экзистенциального выбора Донбасса // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки. – 2023. – № 3. – С. 43-49.
4. Завгородний А.А. Социокультурные детерминации социального идеала // Известия Саратовского ун-та. Нов. Сер. Сер. Социология. Политология. – 2015. – Т. 15. Вып. 3. – С. 59-61. DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-59-61
5. Рагозина Т.Э. Культурные нормы как формы развития истории: норма versus стереотип // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. – 2015. – № 4 (8). – С. 127-136.
6. Ремезова И.И. Социальный идеал и культура как факторы социализации (аналитический обзор) // Культурология. – 2018. – № 2 (85). – С. 10-28.
7. Иванов, А. В. Социальный идеал в контексте трансформаций современного общества: философско-методологический анализ: дис. ... докт. филос. наук. – М., 2019. – 345 с.
8. Тарасова М.В., Кудашов В.И. Диалектика взаимодействия культурных и социальных идеалов // Идеи и идеалы. – 2015. – Т. 2. – № 2 (24). – С. 70-77.
9. Лустин Ю.М. Личность, типология, общество: диалектика социальной рациональности: монография. – Донецк: Изд-во ДОННУЭТ, 2023. – 340 с.
10. Лустин Ю.М. Типологическая рефлексия личности: концептуальность социально-философского осмысления // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2022. – № 3. – С. 111–122. – EDN: ICYYZY. – DOI: 10.18384/2310-7227-2022-3-111-122
11. Козлюк Д.В. Социальный идеал как средство диалектического единства человека и общества // Донецкие чтения – 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы X Международной научной конференции, посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра (Донецк, 5–7 ноября 2025 г.). – Том 9: Философские и психологические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2025. – С. 58-61.
12. Феномен социального идеала и судьбы России : [монография] / Р. Е. Селеверстов, Г. А. Селеверстова; [науч. ред. М. П. Арутюнян]. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеанского государственного университета, 2019. – 184 с.
13. Измайлова Д.И. Политика памяти в России и за рубежом: сравнительный анализ подходов / Подготовка российского учителя в парадигме гражданственности, патриотизма, победной преемственности поколений // материалы XIX Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 30 мая 2025 года), 2025. – С. 56-62.
14. Лустин Ю.М. Теория диалектико-типологического развития реальности: концептуальность предметной объективности / Ю.М.Лустин // KANT. – 2025. – № 3 (56). – С. 229-236. – EDN: NYZRNS. DOI: 10.24923/2222-243X.2025-56.35

REFERENCES

1. Kovaleva G.P. (2024) Formirovanie social'nogo ideala kak aktual'naya problema v rossijskom obshchestve i obrazovanii [The Formation of a Social Ideal as an Actual Problem in Russian Society and Education] Professional Education in Russia and Abroad. No. 2 (54). pp. 35-42 (In Russian).
2. Artamonova T.A., Kalanchina I. N. (2013) Ideal budushchego cheloveka skvoz' prizmu russkoj filosofii [The Ideal of the Future Man through the Prism of Russian Philosophy] World of Science, Culture, and Education. No. 4 (41). pp. 372-374 (In Russian).
3. Emel'yanova N.N. (2023) Aksiologicheskaya relevantnost' ekzistencial'nogo vybora Donbassa [The Axiological Relevance of the Existential Choice of Donbas] Bulletin of Donetsk National University. Series B. Humanities. No. 3. pp. 43-49 (In Russian).
4. Zavgorodnyj A.A. (2015) Sociokul'turnye determinacii social'nogo ideala [Sociocultural Determinations of the Social Ideal] Izvestiya of Saratov University. New Series. Sociology. Political Science, Vol. 15. No.3. pp. 59-61. DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-59-61 (In Russian).
5. Ragozina T.E. (2015) Kul'turnye normy kak formy razvitiya istorii: norma versus stereotip [Cultural Norms as Forms of Historical Development: Norm versus Stereotype] Modern Problems of the Humanities and Social Sciences. No. 4 (8). pp. 127-136 (In Russian).
6. Remezova I.I. (2018) Social'nyj ideal i kul'tura kak faktory socializacii (analiticheskij obzor) [Social Ideal and Culture as Factors of Socialization (Analytical Review)] Cultural Studies. No. 2 (85). pp. 10-28 (In Russian).
7. Ivanov, A. V. (2019) Social'nyj ideal v kontekste transformacij sovremennogo obshchestva: filosofsko-metodologicheskij analiz [The social ideal in the context of transformations of modern society: philosophical and methodological analysis]; dis. ... doct. Philos. Sciences. M. 345 p (In Russian).
8. Tarasova M.V., Kudashov V.I. (2015) Dialektika vzaimodejstviya kul'turnyh i social'nyh idealov [Dialectics of the Interaction of Cultural and Social Ideals] Ideas and Ideals. Vol. 2. No. 2 (24). pp. 70-77 (In Russian).
9. Lustin Yu.M. (2023) Lichnost', tipologiya, obshchestvo: dialektika social'noj racional'nosti: monografiya. [Personality, Typology, and Society: The Dialectics of Social Rationality: A Monograph] Donetsk: DONNUET Publishing House. 340 p (In Russian).
10. Lustin Yu.M. (2022) Tipologicheskaya refleksiya lichnosti: konceptual'nost' social'no-filosofskogo osmysleniya [Typological Reflection of Personality: Conceptuality of Socio-Philosophical Understanding // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences. 2022. No. 3. Pp. 111–122.. doi: 10.18384/2310-7227-2022-3-111-122 (In Russian).
11. Kozlyuk D.V.(2025) Social'nyj ideal kak sredstvo dialekticheskogo edinstva cheloveka i obshchestva // Doneckie chteniya – 2025: obrazovanie, nauka, innovacii, kul'tura i vyzovy sovremennosti: Materialy X Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 60-letiyu sozdaniya Doneckogo nauchnogo centra (Doneck, 5–7 noyabrya 2025 [The social ideal as a means of the dialectical unity of man and society // Donetsk Readings – 2025: Education, Science, Innovation, Culture, and Contemporary Challenges: Proceedings of the 10th International Scientific Conference dedicated to the 60th anniversary of the establishment of the Donetsk Scientific Center (Donetsk, November 5–7, 2025)] Vol. 9: Philosophical and Psychological Sciences / edited by Prof. S.V. Bepalova. – Donetsk: Donetsk State University. pp. 58-61(In Russian).
12. Fenomen social'nogo ideala i sud'by Rossii : [monografiya] / R. E. Seleverstov, G. A. Seleverstova; [nauch. red. M. P. Arutyunyan]. (2019) [The Phenomenon of the Social Ideal and the Fate of Russia : [monograph] / R. E. Seleverstov, G. A. Seleverstova; [scientific editor M. P. Arutyunyan]] . Khabarovsk : Publishing House of the Pacific State University.184 p (In Russian).
13. Izmajlova D.I. (2025) Politika pamyati v Rossii i za rubezhom: sravnitel'nyj analiz podhodov / Podgotovka rossijskogo uchitelya v paradigme grazhdanstvennosti, patriotizma, pobednoj preemstvennosti pokolenij // materialy XIX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Stavropol', 30 maya 2025). [Memory Politics in Russia and Abroad: A Comparative Analysis of Approaches / Training of Russian Teachers in the Paradigm of Citizenship, Patriotism, and Generational Succession // Proceedings of the 19th International Scientific and Practical Conference (Stavropol, May 30, 2025). pp. 56-62 (In Russian).
14. Lustin Yu.M.(2025) Teoriya dialektiko-tipologicheskogo razvitiya real'nosti: konceptual'nost' predmetnoj ob'ektivnosti / Yu.M.Lustin [The Theory of Dialectical and Typological Development of Reality: The Conceptuality of Subjective Objectivity / Yu.M. Lustin] KANT. No. 3 (56). pp. 229-236 . doi: 10.24923/2222-243X.2025-56.35 (In Russian).

**SOCIAL IDEAL AND HUMAN ACTIVITY IN THE TRANSFORMATIONAL PARADIGM OF
PHILOSOPHICAL DISCOURSE**

Yu. M. Lustin

The article reveals the essence of the dialectical interaction between the social ideal and human activity in the transformational conditions of modernity. From the perspective of social methodology, the article analyzes the content of the social character of the ideal as a fundamental value of the worldview and a systemic-functional integrator of the spiritual, moral, and intellectual qualities of a person focused on practical activity. Using the dialectical-typological method of comparison, the article identifies the fundamental feature of the ideal, which is the consolidation of the creative forces of human intelligence into organized action. The article substantiates the dialectical mechanism of interaction between the social ideal and activity, which determines the degree of a conscious individual's duty-bound activity for the benefit of society.

Key words: person, social ideal, society, transformation

Поступила в редакцию 12.01.2026 г

Лустин Юрий Михайлович

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и русской филологии,
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет
экономики и торговли им. Туган-Барановского»,
г. Донецк, ДНР, РФ
E-mail: lustin56@mail.ru

Lustin Yuriy Mikhailovich

Candidate of Philosophical Sciences, Associate
Professor, Associate Professor of Philosophy and
Russian Philology, Donetsk National University of
Economics and Trade named after Tugan-
Baranovsky", Donetsk, DPR, Russian Federation,
E-mail: lustin56@mail.ru

ОТ ЕВРАЗИЙСТВА К НЕОЕВРАЗИЙСТВУ: ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ ДИСКУРСА

© 2026 *Р.И. Шайдулин*

ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

В статье рассматривается вопрос эволюции идейного течения евразийства как попытка сформулировать модель социокультурной идентичности на территории постсоветского пространства. В качестве разработанного социально-философского подхода предлагается идея начала разработки евразийства и его дальнейшего перерождения в неоевразийство как диалектической оппозиции либеральной идее западной философской мысли. Классифицируются основные подходы (неевразийство А.Г. Дугина, левое течение, правоконсервативное, «региональное» и др.) современных исследователей, характеризующие дискурсивные течения (социальнополитическое, социокультурные, методологические и др.) внутри неоевразийства. Рассматривается вопрос трактовки неоевразийства в странах Ближнего зарубежья (Республика Казахстан, Республика Кыргызстан). Выделяются фундаментальные скрепы (неоконсерватизм, антиглобализм и др.), связывающие в единый смысловой поток многогранность неоевразийского дискурса.

Ключевые слова: евразийство, неоевразийство, цивилизационный подход, казахстанская модель неоевразийства, евразийский экономический союз.

Введение. Множественность социокультурных структур, охватывающих социальную ойкумену на планете, поставила задачу описания уникальной социальной онтологии и ее сущностных проявлений в пределах евразийского пространства. Уникальность и неоднородность географического ландшафта Евразии, широкий спектр культурной неоднородности, этническое многообразие, скрепленное общей исторической канвой, позволяют рассмотреть социальную и политическую онтологию постсоветского пространства через методологию евразийства.

Евразийство – это гуманитарно-социальная концепция первой половины XX в., предлагающая идею о культурном и историческом единстве народов, проживающих на территории евразийского пространства. Эволюция интеллектуальной мысли в гуманитарно-социальной области в течение XX века сформировала новые грани в конструкции евразийской мысли, развернутой в неоевразийстве. Принципы мультикультурализма и гетерогенность множества евразийского пространства как безусловность создания целого – это и многое другое характеризует неоевразийство. При этом само понятие неоевразийства как идеологической парадигмы является диалектической оппозицией понятию либеральной парадигмы, сформированной в рамках западной социокультурной модели.

Методологической основой работы являются цивилизационный и системный подходы, которые позволяют увидеть внутреннее самодвижение процессов на территории евразийского пространства в ходе исторической ретроспективы. Точкой опоры данной работы послужит изучение эволюции дискурса об общественно-философском направлении евразийства (неевразийства) в период с 1920-х по 2025 год. Это позволит реализовать цель работы: сформулировать базовые категории идеологического течения евразийства (неевразийства) и приблизиться к пониманию метафизических особенностей последнего, ведь «метафизика мыслит сущее в категориях», как отмечал М. Хайдеггер [1, с. 85].

Основная часть. Эпоха геополитических изменений первой половины XX века, нахлынувших на большую часть человечества, сформировала среди интеллектуалов новое понимание социокультурного разнообразия множества народов, населяющих планету. Самодостаточным дискурсом стала нарождаться идея общего исторического пути, единого семантического и смыслового поля пространства Евразии, что получило законченное социально-философское оформление в белоэмигрантских кругах в начале 1920-х годов. К первому поколению евразийцев, разработавших соответствующее социально-философское течение (евразийство), относятся Н.С. Трубецкой; П.П. Сувчинский; Г.В. Флоровский; П.Н. Савицкий и другие. Отправной точкой в зарождении евразийского движения является публикации работ Н.С. Трубецкого «Европа и человечество», «О туранском элементе и русской культуре», «Мы и другие». Базовым лейтмотивом этих работ выделяется феномен взаимопроникающего процесса инкорпорации туранского элемента в формирование русского самодержавия. В своих работах Н.С. Трубецкой рассматривал евразийское пространство как суперсистему, которая имела синтетический характер. Политическая конструкция средневековой Руси «в одном из своих истоков произошла из татарской» [2, с. 35], что есть синтез взаимодействия туранского и славянского элементов. При этом для Н.С. Трубецкого проблема аналогичности построения модели развития Евразии через синхронизацию вектора движения строго на платформе европейской культуры ставится под сомнение. Ведь качественное сравнение множества социокультурных моделей возможно вне императивно-доминантной позиции: «Европейская культура не есть культура человечества. Это продукт истории отдельной этнической группы» [2, с. 81].

Географический аспект пространственной субстанциальности евразийской культуры исследовал географ П.Н. Савицкий, выделивший «Евразию» как три равнины: восточно-европейскую («беломорско-кавказскую»), западносибирскую и туркестанскую [2, с. 100]. Проводя исследование особенностей физической географии Евразии, ученый строил концепцию, в которой физическая география влияет на социетальную систему Евразии, а «разум, жадно усваивающий факторы окружающей среды» [3, с. 11], как отмечал Х. Маккиндер, оказывается объектом воздействия физической географии. По сути, П.Н. Савицкий в своих работах исходил из методологической позиции географического детерминизма, когда физическое пространство как субъект воздействия предопределяет сущностные особенности социальной и политической онтологии объекта. Пространственный фактор или географическая предопределённость в интеллектуальном сообществе евразийцев первого поколения являются ключом к открытию понимания субстанционального начала, создающего социальную и политическую онтологию Евразии.

Крупнейшим представителем второго поколения евразийцев является исследователь Л.Н. Гумилёв, поэтично называвший себя «последним евразийцем». Сформулированная им оригинальная теория этногенеза стала ключом для открытия интеллектуального феномена идей евразийства с новых концептуальных позиций: через попытку демонстрации внутренних механизмов взаимодействия кочевых и оседлых народов евразийского пространства. Анализ переплетения судеб множества этносов в потоке исторических событий Евразии стал фундаментом рождения теории этногенеза, функциональной частью которой является гипотеза о пассионарности, преобразующая этнос в суперэтнос. Пассионарные процессы, определяющие рождение и смерть этносов, являются, согласно идеям Л.Н. Гумилёва, доминантой, формирующей социокультурный ландшафт евразийского пространства. Опираясь на тысячелетнюю историю Евразии, философ демонстрировал этнические волны,

накрывающие пространство Евразии от хунно-тюркского периода к монгольскому нашествию и до формирования Российской империи. История евразийского пространства как целого – это история пассионарных толчков, формирующих суперэтнос, который выступает императивом социокультурных изменений.

При этом сущностные качества этноса, согласно Л.Н. Гумилёву, определяются географическим ландшафтом: «родиной этноса является сочетание ландшафтов, где он впервые сложился в новую систему» [4, с. 239]. В своих выводах философ возвращается к оригинальной идее П.Н. Савицкого «о влиянии географического ландшафта на этнические сообщества» [4, с. 240]. «Месторазвитие» – это категория, создающая уникальную онтологию этносов, формирующая понятие о реальности, наполняющая внутреннее определение бытия, генерирующая нормы и ценности человека в сообществе.

Во второй половине XX века возрастает интерес европейских исследователей к нарративам евразийства; осуществляются первые попытки взглянуть на исторические процессы большой Евразии через линзу иной идеологической парадигмы. Одним из первых исследователей евразийства среди зарубежных учёных был немецкий исследователь Отто Босса, издавший в 1961 году монографию «Учение евразийцев» («Die Lehre der Eurasier») [5]. Изучение творческого наследия евразийцев проходит через персональную биографию выдающихся личностей: Чарльз Гальперин, исследовавший наследие Г.В. Вернадского; французский историк литературы Жорж Нива, занимавшийся интеллектуальным наследием Н.С. Трубецкого; Анатолий Либерман, изучавший личность Н.С. Трубецкого; М. Ларюэль, П. Серио и др.

В целом, важность исследований работ европейских учёных заключается в том, что, находясь перцептивно вне поля социально-философской модели Евразии, фокус взгляда зарубежного исследователя открывает внешние грани евразийства. Подтверждением данного феномена являются исследования современных немецких нарративных источников, где евразийство для части немецких интеллектуалов «является заимствованным концептом и представляет собой некоторую культурологическую проблему» [6, с. 560]. Ведь большая часть евразийского нарратива создается рекурсивно, то есть описание модели происходит в ситуации, когда субъект (исследователь) является частью модели описания.

Крупнейшим интеллектуалом современности, создавшим новый импульсивный поток для интеллектуальной эволюции неоевразийского дискурса, стал российский философ А.Г. Дугин. Множество его выступлений и публикаций с конца 1980-х годов внесли большой вклад в возрождение неоевразийской тематики.

Предметом публикаций А.Г. Дугина стали геополитические процессы на территории постсоветского пространства. Он акцентировал важность обсуждения евразийской тематики как перспективного учения социальной и политической философии для стран постсоветского пространства, в том числе и в свете истощения потенциала коммунистической идеологии, дошедшей до состояния «дряхлости» [7, с. 14]. С другой стороны, А.Г. Дугин посредством своих работ, раскрывающих сущность социально-философской стороны евразийства, критикует дискуссионную концепцию Ф. Фукуямы о тотальной победе либеральной идеологии и «конце истории» других идеологических течений [8]. По поводу этого А.В. Иванов отметил, что данный труд Ф. Фукуямы «стал пророческим реквиемом именно по Западу с его рыночно-либеральной мифологией и претензией на мировое господство» [9, с. 67].

При этом А.Г. Дугин, выступая с критических позиций в адрес эпистемологических сообществ, рассматривающих либеральный и неолиберальный

путь развития для стран постсоветского пространства и России, в частности, говорит о том, что именно рождение новой «Четвёртой политической теории» [7], откроет возможность создания новой социально-философской модели. По мнению философа, сформировавшийся идеологический вакуум в евразийском пространстве должен быть наполнен «Четвёртой политической теорией», задача которой – структурировать смыслы постсоветского социального пространства, выделяя в политической поэме «Евразийство» базовые философские категории, наполняющие резервуар смыслов в духе идей неоевразийства. Здесь А.Г. Дугин формулирует три философские интенции, создающие неоевразийство как феномен: «народ» как высшая ценность – «эротический патриотизм» [7, с. 245]; физическое пространство как живая реальность («Дух земли»), где он продолжает идеи П.Н. Савицкого, Л.Н. Гумилева о понятии «месторазвитие» [4, с. 253]; вопрос цикличности времени, где вечность есть бесконечность, воспроизводящая себя через Традицию – «Вечность в твоих ладонях» [7, с. 257].

В целом А.Г. Дугин в своих работах раскрывает мысль о том, что с геополитических позиций неоевразийство – это, прежде всего, форма противостояния глобализму, который в своем стремлении направлен на унификацию разнообразного культурного ареала Евразии. С позиции социальной и политической философии неоевразийство есть симфоническая модель коллективной идентификации, диалектически противостоящая модели неолиберальных ценностей, достигших ситуации «освобождения индивида от всего остального, кроме индивида» [10, с. 247]. Альтернативой неолиберального (трансгуманистического) идеологического движения народов евразийского пространства, в представлении русского философа, является движение в сторону традиционализма. Истоки традиционализма – это философское наследие Юлиуса Эволы, Рене Генона и другие традиционалистские идеи, которые получили новый импульс в концепте неоконсерватизма как единого вектора движения для народов евразийского пространства. В данном случае представляет интерес современное диссертационное исследование М.В. Рендл, которое оценило нарративы А.Г. Дугина об «особой миссии России по возрождению традиционной культуры европейской части земного шара» как дискурс, который «уже не кажется, впрочем, чем-то крайним утопичным» [11, с. 303].

Пережив столетний период развития, евразийство продолжило своё существование, трансформировавшись в новый концептуальный подход – неоевразийство. В связи с этим отмечается повышенный интерес к тематике евразийства среди современных российских исследователей: Р.Р. Вахитов [12], А.Б. Панченко [13], У.Н. Хазыр [14], Л.С. Кочарский [15], Т.М. Гришина [16], М.В. Волков [17], Копылов М.В. [18], А. Г. Дружинин [19] и многие другие. Одним из примеров, свидетельствующих об актуальности неоевразийской тематики на современном этапе, стала вышедшая в 2023 году монография башкирского исследователя Р.Р. Вахитова «Евразийство: Логос. Эйдос. Символ. Миф». Здесь автор на платформе идей классиков евразийства попытался создать макет «конструирования евразийской философии» [12, с. 11], развернутый как возможный вектор в поиске коллективной идентичности на территории постсоветского пространства. В 2025 году в г. Барнауле была издана коллективная монография «Россия в средокрестии пространств и времен (опыт синтетического цивилизационного подхода)». Авторы монографии (А.В. Иванов, Ю.В. Попков, И.В. Фотиева) определили положение России как центра «средокрестия меридиональных и широтных евразийских цивилизационных коридоров» [9], где Арктический пояс философы формулируют «как территорию будущего» [9, с. 184] для евразийского вектора движения.

На сегодняшний день структура классификации современных подходов к неоевразийству различна. К примеру, исследователи А.И. Гарлик, [20], А. В. Самохин, [21], Р.Р. Вахитов [12] выделяют пять интеллектуальных векторов внутри неоевразийства:

- 1) неоевразийство А.Г. Дугина;
- 2) этнологический подход Л.Н. Гумилёва;
- 3) правоконсервативное неоевразийство (В.В. Кожин);
- 4) левое течение неоевразийства (С.Г. Кара-Мурза, Р.Р. Вахитов и др.);
- 5) «академическая школа» неоевразийства (А.С. Панарин, Н.Н. Моисеев, Ф.И. Гиренок и др.).

В свою очередь, А.Т. Бердин в общую топологию идейных векторов неоевразийства добавляет новый взгляд со стороны «региональной идеологии некоторых национальных республик Российской Федерации и государств СНГ» [22, с. 58]. Предлагается система координат, в которой изменения дискурса происходят не только в диапазоне от крайне правых до крайне левых взглядов, но и добавляется дополнительное измерение в виде географической локации интерпретации евразийской идеи. По сути, формируется функциональная зависимость между содержанием идеи о неоевразийстве и локацией становления соответствующего дискурса.

На современном этапе локация академических школ, занимающихся евразийской проблематикой, представлена широкой географией на территории евразийского пространства:

- 1) исследователи г. Москвы (А.Г. Дугин, А.В. Иванов, М.Г. Вандаловская, В.Я. Пашенко и др.);
- 2) Поволжский центр, представляющий тематику о роли тюркского фактора в евразийстве (Р.Р. Вахитов, М.Б. Ямалов, Р.Б. Тагиров, Р.Ф. Гатаулин и др.);
- 3) Уральский центр, занимающийся анализом евразийских концептов (А.В. Головнев, К.И. Зубков, С.С. Беляков и др.);
- 4) Томский центр, занимающийся историографическими проблемами евразийства (А.Н. Полухин, Н.В. Ануфриев и др.);
- 5) исследователи г. Новосибирска и г. Барнаула, изучающие праксиологический характер евразийства для современной России (Ю.В. Попков, Е.В. Романова и др.);
- 6) исследователи Республики Казахстан (А.Н. Нысанбаев, С.Б. Селиверстов, К.Н. Бурханов [33], Р.К. Кадыржанов и др.);
- 7) исследователи Республики Кыргызстан (А.И. Какеев, М.А. Исмаилов, А.К. Илебаев, Н.М. Жумагазиева, Т.К. Койчуев, А.И. Нарынбаев и др.).

Одновременно в странах Ближнего зарубежья (Республика Казахстан) формулируется национальный вектор на идентичность, в том числе в рамках идейного течения неоевразийства, содержащего потенциал (по мнению академика Национальной академии наук РК А.Н. Насынбаева) «одной из перспективных идей, которая могла бы определить тип культурно-исторического развития Казахстана» [23, с. 19].

Крупнейшим представителем идейной школы неоевразийства, решившим практически реализовать неоевразийский дискурс, стал казахстанский политик Н.А. Назарбаев, деятельность которого А.Г. Дугин оценил как «Евразийскую миссию» [24], придав эпохальный оттенок деятельности Н.А. Назарбаева.

Первый этап реализации идеи произошёл в 1994 году во время лекции Н.А. Назарбаева в г. Москве (МГУ им. М. В. Ломоносова), где была озвучена тема практического использования идей неоевразийства. Осмысливая реальность постсоветского времени, Н.А. Назарбаев обозначил сущностные изменения, где «с

одной стороны, происходит становление национальной государственности, а с другой – укрепляется тенденция к интеграции стран СНГ» [25, с. 25].

Сформулированная казахстанская модель неоевразийства – это методология локальных цивилизаций: суперсистема, где культурные подсистемы (локальные цивилизации) взаимодействуют на принципах бесструктурного управления. Функционирование и управление суперсистемой возможно только при формулировании единого вектора целей (неоконсерватизм) для всех множеств каждого элемента (локальной цивилизации). Формулирование основных узловых пунктов неоевразийства Н.А. Назарбаев представил в работе «Стратегия независимости»: союз равноправных независимых государств; реализация национально-государственных интересов каждой страны-участницы проекта; признание границ и территориальной целостности страны-участницы; экономический базис взаимодействия стран-участниц евразийского проекта. Республика Казахстан как страна, находящаяся в «сердце Евразии», как оценил З. Бжезинский, имеет исключительное географическое положение: «из пяти новых независимых государств Средней Азии Казахстан и Узбекистан играют самую важную роль» [26, с. 225]. Географическое положение Казахстана как «сердца Евразии», которое связано с пересечением континентальных линий Евразийского континента, создало основу для развития многовекторности: геостратегические партнеры – Российская Федерация, Китайская Народная Республика и Соединённые Штаты Америки.

Евразийская (неоевразийская) модель интеграции постсоветских стран и, в целом, определение вектора последствий для стран Центральной Азии становятся весьма чувствительными с позиции национального суверенитета, в результате чего актуализируется вопрос реинкарнации имперской модели. Исследователь Э.К. Дуйшеев, анализируя потенциал интеграционного процесса на платформе евразийского дискурса для Кыргызстана, резонно ставит вопрос: «является ли этот проект рецидивом неоимперского мышления» [27, с. 3] или это поступательные шаги в новый обновлённый формат интеграции евразийского пространства. В целом, Э.К. Дуйшеев на примере интеграции Республики Кыргызстан в Евразийский экономический союз (ЕАЭС) приходит к выводу, что формат неоевразийской модели демонстрирует модальный пример формирования многополярного мира, где евразийский проект становится перспективным для Кыргызстана. Россия, по мнению Э.К. Дуйшеева, выступает «ядром евразийской интеграции» [27, с. 15]. При этом исследователи отмечают, что возможность формирования интеграции в рамках евразийских (неоевразийских) идей открывается, прежде всего, на основе коллективных усилий постсоветских стран, в процессе чего, как считает казахстанский исследователь С.В. Селиверстов, «ни одна страна не может быть монополистом в этой области» [28, с. 21].

Дискурс неоевразийства с позиции стран-участниц – это комплементарная конструкция будущей архитектуры взаимодействия, опирающаяся на тезис о том, что пройдена точка невозврата к Советскому союзу. По сути, данный дискурс провел границу между проявленными политическими сущностями социальной онтологии евразийства в виде классической империи и внутренним (диалектическим) преобразованием содержания неоевразийской модели, которая создает новую реальность (наличное бытие) взаимодействия стран-участниц.

Тенденция к тому, что онтологическая гетерогенность больших пространств (поликультурность) и возможность интеграции состоятельны только в духе постмодерна, была выделена Г. Киссинджером как часть современной мировой

тенденции: «Разделённость и многообразие стали отличительными признаками новой системы международного порядка – с собственным мировоззрением, собственной философией» [29, с. 9].

Казахстанский и кыргызский подход к неоевразийству представлен практическим отношением. Если идеи российских ученых носили историософский характер, то идея Н.А. Назарбаева, кыргызских интеллектуалов носит расширенный дискурсивный вектор, базирующийся на экономической составляющей интеграционного потенциала неоевразийства.

При этом феномен взаимодействия культур евразийского пространства, который происходит параллельно политическим процессам, представлен, в том числе, в исследованиях литературоведов Казахстана. Выявление всестороннего и развернутого характера русско-казахских литературных отношений в контексте идей евразийства показано в работах казахстанских интеллектуалов, изданных в начале 1990-х годов: Ш.С. Елеуканова «Евразийский талисман. О литературных истоках движения»; Н. Ровенского «Евразийская основа славяно-тюркского дуализма в русской литературе» [30] и др. По сути, данные работы продемонстрировали евразийство (неоевразийство) не только как социополитический, но и как социокультурный феномен.

В целом, из современных исследований об евразийской интеграции за последние пять лет стоит выделить работу С.В. Базавлука [31], посвященную анализу реализации евразийской идеи интеграции в формате ЕАЭС и использующую в своих материалах текущие аспекты геополитического кризиса современности. Факторами, приостанавливающими динамику интеграционных процессов, исследователь Я.В. Калиш [32] видит прежде всего протекционистские тенденции стран-участниц проекта, а также отсутствие четко сформулированной всецелой объединяющей идеологической концепции. При этом фактор внешнеполитических процессов, развернувшихся в ходе геополитического кризиса 2020-х годов на территории евразийского пространства, стал моментом, оказавшим влияние на ЕАЭС, который Т.М. Гришина в своем диссертационном исследовании оценивает как фактор «реальности становления Союза» [16, с. 16].

Заключение. Евразийство в классическом виде конструировало модель суперсистемы, исходя из проявленных онтических свойств эпохи первой половины XX века, где описываемый вектор движения имел Центр сборки пространства в целое вместе с соответствующей политической конструкцией. Неоевразийство исходит из широкого спектра дискурсов, растворяющих Центр как определенность в многообразие равновесных культур.

Анализ эволюции евразийского (неоевразийского) дискурса демонстрирует несколько существенных отличий между классическим евразийством и неоевразийством. В данном случае можно согласиться с исследовательницей В.Г. Ждановой [33], рассматривающей неоевразийство как учение, где на первый план выдвигается меридиональная схема развития связей по принципу «Север–Юг», в отличие от классического евразийства – «Восток–Запад». Православие как связующая ментальная нить в рамках классического евразийства перестает играть первостепенную роль консолидации евразийского пространства. Неоевразийская модель, в свою очередь, постулирует консолидацию через диалог культур, но при этом важным фактором, образующим единый канал смысла для евразийского пространства, является русский язык.

Ключевой вопрос развития социально-философского учения евразийства – это понимание методологии движения внутреннего содержания евразийской модели. Так, в

частности, классическое евразийство базировалось на позициях географического детерминизма, создавая онтологическую картину мира на платформе материализма. В свою очередь, неоевразийское учение отказывается от географического детерминизма в пользу POSSIBILIZMA. По сути, неоевразийская модель инкорпорирует в свою методологию элементы идеализма, то есть каузальность дополняется телеологичностью процессов. При этом, несмотря на большой объем публикаций по евразийской тематике, наблюдается дефицит исследований, посвященных вопросу методологии описания социальной онтологии евразийского учения.

Кратко рассмотрев историю развития евразийской мысли в социально-философском аспекте, можно резюмировать, что неоевразийство как философская мысль имеет широкий горизонт подходов, но существуют фундаментальные элементы, связывающие широкий спектр эволюционирующих дискурсов в единую целостность:

- 1) фундамент неоевразийства – цивилизационный подход как метафизическое выражение собственной коллективной идентичности;
- 2) метафизическое противостояние, выраженное в антиглобализме;
- 3) культурная уникальность как противоположность универсализму.

В целом, оригинальный дискурс евразийства и неоевразийства как социально-философской мысли характеризует уникальность социальной онтологии Евразии, выступающей как диалектическая оппозиция либеральной идеологии. Интеллектуальный потенциал евразийской идеи предоставляет возможность описать социально-философские процессы на территории постсоветского пространства с нового ракурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хайдеггер М. Время и бытие: ст. и выступ. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
2. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология / сост. Л. И. Новикова. – Москва: Наука, 1993. – 345 с.
3. Маккиндер Х. Географическая ось истории / Хэлфорд Маккиндер; [перевод с английского В. Желнинова]. – М.: АСТ, 2021. – 288 с.
4. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. – Москва: издательство АСТ, 2021. – 704 с.
5. Boss O. Die Lehre der Eurasier. Ein Beitrag zur russischen Ideengeschichte des 20 Jahrhunderts. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1961. – 130 s.
6. Степанова М.А. Концепт евразийства в немецком политическом дискурсе // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 3 (100). – С. 557-562.
7. Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. – СПб.: Амфора. 2009. – 351 с.
8. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 134-148.
9. Россия в средокрестии пространств и времен (опыт синтетического цивилизационного подхода): монография / А.В. Иванов, Ю.В. Попков, И.В. Фотиева [и др.]. – Барнаул: Новый формат, 2025. – 303 с.
10. Дугин А.Г. Логос и мифос. Социология глубин. – Москва: Трикта, Академический проект, 2010. – 363 с.
11. Рендл М.В. От модерна к постмодерну: социокультурные основания парадигмальных изменений: дис. ... доктора фил. наук: 09.00.13. / М.В. Рендл. – Ростов-на-Дону, 2017. – 359 с.
12. Вахитов Р.Р. Евразийство: Логос. Эйдос. Символ. Миф. – СПб.: Владимир Даль, 2023. – 239 с.
13. Панченко А.Б. Этническая проблематика в евразийском дискурсе: 1920-1990-е гг.: автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. / А.Б. Панченко. – Сургут, – 2011. – 25 с.
14. Хазыр У.Н. Паттерны современного антизападничества: неосманизм и неоевразийство во внешнеполитических дискурсах Турции и России: дис. ... канд. пол. наук: 5.5.2. / У.Н. Хазыр. – М., 2025. – 360 с.
15. Кочарский Л.С. Потенциал идеологии евразийства и неоевразийства в развитии культурной и политической сфер российского общества: автореферат дис. ... канд. фил. наук: 5.7.7. / Л.С. Кочарский. – Новочеркасск, 2024. – 23 с.

16. Гришина Т.М. Эволюция евразийской интеграции на постсоветском пространстве (1991-2022 гг.): автореферат дис. ... канд. ист. наук: 5.6.7. / Т.М. Гришина. – М., 2024. – 24 с.
17. Волков М.В. Евразийский вектор социокультурного развития России : дис. ... канд. фил. наук: 5.7.8. / В.М. Волков. – Ростов-на-Дону, 2025. – 168 с.
18. Копылов И.В. Философия государства и вопросы государственного строительства в учении классического евразийства: дис. ... канд. фил. наук: 5.7.2. / И.В. Копылов. – Мурманск: 2025. – 166 с.
19. Дружинин А.Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ: монография / А.Г. Дружинин. – Ростов-на-Дону: Южный Федеральный университет, 2021. – 270 с.
20. Гарлик А.И. Идеи евразийства в контексте современного развития России: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / А.И. Гарлик. – Чита, 2000. – 140 с.
21. Самохин А.В. Евразийство как идейно-политическое течение в России XX век: автореф...дис. канд. ист. наук: 23.00.01. / А.В. Самохин. – М., 2004. – 32 с.
22. Бердин А.Т., Буранчин А.М. Современные течения евразийства в политической жизни России // Панорама Евразии. – 2008. – № 1. – С. 58-64.
23. Евразийство в XXI веке: проблемы и перспективы / гл. ред. А.Н. Насынбаев.– Алматы: ИФП КН МОН РК, 2009. – 334 с.
24. Дугин А.Г. Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. – М.: РОФ «Евразия», 2004. – 285 с.
25. Назарбаев Н.А. Евразийский союз: идеи, практика, перспективы 1994-1997. – М.: Фонд содействия развитию соц. и полит. наук, 1997. – 479 с.
26. Бжезинский Зб. Великая Шахматная доска. – М.: АСТ, 2021. – 384 с.
27. Дуйшеев Э.К. Мировоззренческие основания и социальный потенциал евразийского проекта в условиях современных общественно-политических реалий: автореферат дис. ... канд. фил. наук: 5.7.8. / Э.К. Дуйшеев. – Новочеркасск, 2024. – 23 с.
28. Селиверстов С.В. Казахстан, Россия, Турция: по страницам евразийских идей XIX-XXI веков / С.В. Селиверстов. – Алматы: Баспалар уйі, 2009. – 328 с.
29. Киссинджер Г. Мировой порядок. – М.: АСТ, 2022. – 512 с.
30. Евразийский талисман: монография / М.Д. Симашко, Ш.Р. Елеуканов, Н.С. Ровенский. – Алматы: Білім, 1996. – 181 с.
31. Базавлук С.В. Евразийская идеология и евразийская интеграция: монография / А. Азизова, С.В. Базавлук, М.А. Баранник. – М.: Аспект Пресс, 2025. – 345 с.
32. Калиш Я.В. Евразийская интеграция: идейные основания, политический опыт, вызовы и перспективы : дис. ... канд. пол. наук: 23.00.04. / Я.В. Калиш. – М., 2018. – 208 с.
33. Жданова Г.В. Евразийство в современных исследованиях, философские аспекты: дис. ... канд. фил. наук: 09.00. 03. / Г.В. Жданова. – М., – 2002. – 145 с.

REFERENCES

1. Heidegger M. (1993). Vremya i bytie: st. i vystup [Time and Being: Art. and Protrusion]. Moscow: Respublika. (In Russian).
2. Novikova L.I. et al. (Eds.). (1993). Rossiya mezhdu Evropoj i Aziej: Evrazijskij soblazn: teksty [Russia between Europe and Asia: The Eurasian Temptation: texts]. Moscow: Nauka, 345 p. (In Russian).
3. Mackinder H. (2021). Geograficheskaya os' istorii [Geographical pivot of history]. Moscow: AST, 288 p. (In Russian).
4. Gumilyov L.N. (2021). Etnogenez i biosfera zemli [Ethnogenesis and biosphere of the earth]. Moscow: AST, 704 p. (In Russian).
5. Boss O. (1961). Die Lehre der Eurasier. Ein Beitrag zur russischen Ideengeschichte des 20 Jahrhunderts [The teachings of the Eurasians. A contribution to the Russian intellectual history of the 20th century]. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 130 p. (In German).
6. Stepanova M.A. (2023) Koncept evrazijskogo diskursa v nemeckom politicheskom diskurse [The concept of Eurasianism in German political discourse]. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [The world of science, culture, and education], 3, pp. 557-562 (In Russian).
7. Dugin A.G. (2009). SHevertaya politicheskaya teoriya. Rossiya i politicheskie idei HKHI veka [The Fourth Political Theory. Russia and the Political Ideas of the 21st Century]. Sankt-Peterburg: Amphora, 351 p. (In Russian).
8. Fukuyama F. (1990). Konec istorii? [End of story?]. Voprosy filosofii [Questions of philosophy], 3, pp. 134-138 (In Russian).

9. Ivanov A.V., Popkov Y.V., Fotieva I.V. (2025). Rossiya v sredokrestii prostranstv i vremen (opyt sinteticheskogo civilizatsionnogo podhoda) [Russia at the Crossroads of Spaces and Times (An Experiment with a Synthetic Civilizational Approach)]. Barnaul: New format, 303 p. (In Russian).
10. Dugin A.G. (2010). Logos i mifos. Sociologiya glubin [Logos and Mythos. Sociology of the Depths]. Moscow: Triksa, Academic Project, 363 p. (In Russian).
11. Randle M.V. (2017). Ot moderna k postmodernu: sociokul'turnye osnovaniya paradigmal'nyh izmenenij [From modernity to postmodernity: sociocultural foundations of paradigmatic changes]. Doctor's thesis. Rostov-on-don, 359 p. (In Russian).
12. Vahitov R.R. (2023). Eurasianism: Logos. Eidos. Symbol [Eurasianism: Logos. Eidos. Symbol]. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal, 239 p. (In Russian).
13. Panchenko A.B. (2011). Etnicheskaya problematika v evrazijskom diskurse: 1920-1990-e gg. [Ethnic issues in Eurasian discourse: 1920-1990s]. Extended abstract of candidate's thesis. Surgut, 25 p. (In Russian).
14. Khazyr U.N. (2025). Patterny sovremennogo antizapadnichestva: neosmanizm i neoevrazijstvo vo vneshnepoliticheskikh diskursah Turcii i Rossii [Patterns of Contemporary Anti-Westernism: Neo-Ottomanism and Neo-Eurasianism in the Foreign Policy Discourses of Turkey and Russia]. Candidate's thesis. Moscow, 360 p. (In Russian).
15. Kocharsky L.S. (2024). Potencial ideologii evrazijstva i neoevrazijstva v razvitii kul'turnoj i politicheskoy sfer rossijskogo obshchestva [The potential of Eurasianism and neo-Eurasianism ideology in the development of the cultural and political spheres of Russian society]. Extended abstract of candidate's thesis. Novocherkassk, 23 p. (In Russian).
16. Grishina T.M. (2024). Evolyuciya evrazijskoj integracii na postsovetском prostranstve (1991-2022 gg.) [Evolution of Eurasian integration in the post-Soviet space (1991-2022)]. Extended abstract of candidate's thesis. Moscow, 24 p. (In Russian).
17. Volkov M.V. (2025). Evrazijskij vektor sociokul'turnogo razvitiya Rossii [The Eurasian vector of socio-cultural development of Russia]. Candidate's thesis. Rostov-on-don, 168 p. (In Russian).
18. Kopylov I.V. (2025). Копылов И.В. Filosofiya gosudarstva i voprosy gosudarstvennogo stroitel'stva v uchenii klassicheskogo evrazijstva [Philosophy of the state and issues of state building in the teachings of classical Eurasianism]. Candidate's thesis. Murmansk, 166 p. (In Russian).
19. Druzhinin A.G. (2021). Дружинин А.Г. Idei klassicheskogo evrazijstva i sovremennost': obshchestvenno-geograficheskij analiz [The ideas of classical Eurasianism and modernity: a socio-geographical analysis]. Rostov-on-don: Southern Federal University, 270 p. (In Russian).
20. Garlik A.I. (2000). Idei evrazijstva v kontekste sovremennogo razvitiya Rossii [The ideas of Eurasianism in the context of Russia's modern development]. Candidate's thesis. Chita, 140 p. (In Russian).
21. Samokhin A.V. (2004). Evrazijstvo kak idejno-politicheskoe techenie v Rossii HKH veka [Eurasianism as an ideological and political movement in Russia in the 20th century]. Extended abstract of candidate's thesis. Moscow, 32 p. (In Russian).
22. Berdin A.T., Buranchin A.M. (2008). Sovremennye techeniya evrazijstva v politicheskoy zhizni Rossii [Modern trends of Eurasianism in the political life of Russia]. Panorama Evrazii [Panorama of Eurasia], 1, 58-64 pp. (In Russian).
23. Nasynbaev A.N. (2009). Evrazijstvo v HKHI veke: problemy i perspektivy [Eurasianism in the 21st Century: Problems and Prospects]. Almaty: IFP KN MES RK, 334 p. (in Kazakhstan).
24. Dugin A.G. (2010). Evrazijskaya missiya Nursultana Nazarbaya [Eurasian mission of Nursultan Nazarbayev]. Moscow: ROF Eurasia, 285 p. (In Russian).
25. Nazarbayev N.A. (1997). Evrazijskij soyuz: idei, praktika, perspektivy 1994-1997 [Eurasian Union: ideas, practice, prospects 1994-1997]. Moscow: Foundation for Assistance to Social and Political Sciences, 479 p. (In Russian).
26. Brzezinski Zb. (2021). Velikaya SHahmatnaya doska [The Great Chessboard]. Moscow: AST, 384 p. (In Russian).
27. Duishoev E.K. (2024). Mirovozzrencheskie osnovaniya i social'nyj potencial evrazijskogo proekta v usloviyakh sovremennykh obshchestvenno-politicheskikh realij [Ideological foundations and social potential of the Eurasian project in the context of modern socio-political realities]. Extended abstract of candidate's thesis. Novocherkassk, 23 p. (In Russian).
28. Seliverstov S.V. (2009). Kazakhstan, Rossiya, Turkiya: po stranicam evrazijskikh idej HIH-HKHI vekov [Kazakhstan, Russia, Türkiye: Through the Pages of Eurasian Ideas of the 19th and 21st Centuries]. Almaty: Publishing house, 328 p. (in Kazakhstan).
29. Kissinger H. (2022). Mirovoj poryadok [World order]. Moscow: AST, 512 p. (In Russian).
30. Simashko M.D., Eleukanov Sh. R., Rovensky N. S. (1996). Evrazijskij talisman: teksty [Eurasian mascot: texts]. Almaty: Knowledge, 181 p. (in Kazakhstan).

31. Bazavluk S.V. (2025). Evrazijskaya ideologiya i evrazijskaya integraciya: teksty [Eurasian ideology and Eurasian integration: texts]. Moscow: Aspect Press, 345 p. (In Russian).
32. Kalish Ya.V. (2018). Evrazijskaya integraciya: idejnye osnovaniya, politicheskij opyt, vyzovy i perspektivy [Eurasian Integration: Ideological Foundations, Political Experience, Challenges, and Prospects]. Candidate's thesis. Moscow, 208 p. (In Russian).
33. Zhdanova G.V. (2002). Evraziystvo v sovremennyh issledovaniyah, filosofskie aspekty [Eurasianism in modern research, philosophical aspects]. Candidate's thesis. Moscow, 145 p. (In Russian).

FROM EURASIANISM TO NEO-EURASIANISM: FEATURES OF THE EVOLUTION OF DISCOURSE

R. I. Shaidulin

The article examines the evolution of the ideological movement of Eurasianism as an attempt to formulate a model of socio-cultural identity in the post-Soviet space. As a developed socio-philosophical approach, the idea of the beginning of the development of Eurasianism and its further transformation into neo-Eurasianism as a dialectical opposition to the liberal idea of Western philosophical thought is proposed. The main approaches (neo-Eurasianism of A.G. Dugin, left-wing current, right-wing conservative, “regional”, etc.) of modern researchers are classified, characterizing discursive currents (socio-political, socio-cultural, methodological, etc.) within neo-Eurasianism. This article examines the interpretation of neo-Eurasianism in neighboring countries (the Republic of Kazakhstan and the Kyrgyz Republic). Fundamental tenets (neoconservatism, anti-globalism, etc.) that link the multifaceted neo-Eurasian discourse into a unified stream of meaning are highlighted.

Key words: Eurasianism; neo-Eurasianism; a civilizational approach; Kazakhstan's neo-Eurasianism model, Eurasian Economic Union.

Поступила в редакцию 18.02.2026 г.

Шайдулин Руслан Ильдосович

аспирант кафедры теологии, философии и культурологии,
ФГАОУ ВО «Омский государственный
университет им. Ф.М. Достоевского», г. Омск, РФ.
E-mail: Historic_28@mail.ru

Shaidulin Ruslan Ildosovich

Postgraduate student of the department of
Theology, Philosophy and cultural studies,
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, RF.
E-mail: Historic_28@mail.ru

ПЕДАГОГИКА

УДК378.18

DOI:10.5281/zenodo.21346708

EDN: UFOIPT

АЛГОРИТМ ВОВЛЕЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ВО ВНЕУЧЕБНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

© 2026 Г.А. Игнатенко, Р.А. Жилиев, В.В. Лемак, А.С. Шеменева

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный медицинский университет им. М. Горького»
Минздрава России

В данной статье составлен портрет студента-первокурсника медицинского университета 2025 г. на основе анализа данных социологического опроса; выявлены условия, способствующие и затрудняющие вовлечение студентов 1 курса медицинского университета в воспитательную деятельность вуза; представлена система организации воспитательной деятельности в ФГБОУ ВО ДонГМУ Минздрава России; представлен алгоритм действий по вовлечению студентов-первокурсников медицинского университета во внеучебную деятельность; представлены данные по развитию приоритетного направления внеучебной деятельности медицинского университета – добровольческой деятельности.

Ключевые слова: внеучебная деятельность, воспитательная деятельность, студент, медицинский университет.

Введение. С 2022 г. среди педагогов высших школ Российской Федерации активно ведется осмысление реализации воспитательной деятельности среди студентов. Независимо от сферы будущей профессии, российское государство поставило перед вузами цель – воспитать подлинно зрелую патриотически настроенную личность, гармонично сочетающую в себе глубокую профессиональную подготовку и духовно-нравственные ценности России. Основными нормативными документами организации и реализации воспитательной деятельности во внеучебное время являются: Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года, федеральные законы: «О молодежной политике в Российской Федерации», «Об образовании в Российской Федерации», «О российском движении детей и молодежи», Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)», Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», Стандарт работы с молодежью образовательных организаций, реализующих программы медицинского и фармацевтического образования, рабочая программа воспитания. По данному вопросу ведутся: дискуссии о необходимости более активного вовлечения профессорско-преподавательского состава в воспитательную деятельность, изучение процесса формирования новых ценностей у студенческой молодежи, осмысление роли куратора академической группы; осуществляется научный поиск терминологии в сфере духовно-нравственного воспитания. За последние 13 лет научное сообщество российских

университетов продемонстрировало неуклонный интерес к вопросам воспитательной деятельности. Многочисленные исследования были посвящены глубокому переосмыслению сущности этого процесса, в результате чего были предложены новые концепции и подходы к воспитанию студентов. Ученые, такие как Б.М. Борлакова, С.А. Герасимов, М.М. Мишина, И.З. Сковородкина, В.А. Сластенин и Г.И. Чижакова, внесли значительный вклад в понимание фундаментальных основ воспитания в высшей школе. Параллельно с этим, активно велась работа по систематизации и классификации педагогических средств, используемых в воспитательном процессе. Исследователи, например, Т.М. Назаренко-Матвеева, С.В. Павлова и Д.М. Черняев, стремились определить наиболее эффективные инструменты и методы, способствующие формированию личности студента. Это позволило учесть многообразие подходов и адаптировать их к конкретным условиям образовательных учреждений. Важным направлением стала разработка конкретных методик по созданию благоприятной воспитательной среды в вузах. П.Н. Демин и С.В. Попова представили свои наработки, ориентированные на формирование атмосферы, способствующей всестороннему развитию студентов. Это подразумевало не только академические, но и личностные, а также социальные аспекты их жизни в университете. Не осталась без внимания и готовность самих преподавателей к осуществлению воспитательной деятельности. С.К. Карабахян и Т.В. Михайлова провели анализ, выявив ключевые компетенции и навыки, необходимые педагогам высшей школы для эффективного взаимодействия со студентами в воспитательном контексте. Исследования М.Х. Далакова были направлены на разработку критериев оценки сформированности духовно-нравственных качеств у подрастающего поколения, что является неотъемлемой частью воспитательного процесса. А.Г. Дмитриев уделил внимание классификации направлений деятельности при реализации молодежной политики и воспитательной деятельности. Проведены исследования и по влиянию внеучебной деятельности на развитие личностных компетенций студентов – в т.ч. студентов-медиков (Н.В. Сидорова, И.Г. Цускман, Л.В. Степанова, Е.Д. Сергеева, А.Ю. Шоронова), выделены педагогические условия вовлечения студентов во внеучебную деятельность (Адылбек кызы Г., С.А. Конгайтиева), начато изучение возможностей проектной деятельности студентов во внеучебное время (А.М. Гатиева, С.Н. Бегидова). Авторами данной статьи выявлены описания методики вовлечения в научно-исследовательскую деятельность во внеучебное время (Л.Н. Орликов).

Ведется активная работа Минобрнауки России по обмену опытом организации воспитательной деятельности в вузах в виде Всероссийского конкурса лучших практик реализации молодежной политики и воспитательной деятельности образовательных организаций высшего образования России с последующим выпуском электронного сборника с описанием реализации некоторых воспитательных практик [1]. Однако конкурс и сборник предоставляет лишь сведения по некоторым направлениям работы, а не целостную систему вовлечения первокурсников в воспитательную систему.

В настоящий момент, исследования, представляющие высшим школам России систему с алгоритмом организации внеучебной деятельности студентов, методики вовлечения и удержания студентов во внеучебную деятельность малочисленны. Данные разрознены и нуждаются в их систематизации. Кроме того, исследования проводятся хаотично по различным направлениям.

В описанных условиях возникает потребность описания целостной системы молодежной политики и воспитательной деятельности и разработка алгоритма вовлечения первокурсников в нее и удержания.

Цель данного исследования заключается в разработке алгоритма вовлечения студентов первого курса во внеучебную работу.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

- составить портрет современного первокурсника;
- описать действующую систему воспитательной работы в ФГБОУ ВО ДонГМУ Минздрава России;
- систематизировать методику работы с первокурсниками во внеучебной деятельности;
- разработать собственный алгоритм вовлечения студентов первого курса во внеучебную работу.

Основная часть. Обучение в медицинском вузе характеризуется высоким темпом и напряженностью, значительным объемом и новизной изучаемого материала. Профессорско-преподавательский состав ДонГМУ утверждает, что для успешного обучения в медицинском вузе необходим довольно высокий уровень общего интеллектуального развития: восприятия, представлений, памяти, мышления, внимания, эрудированности, широты познавательных интересов, уровня владения определенным кругом логических операций и т.п. Именно в юношеском возрасте, по сравнению с другими периодами физиологического развития, отмечается наивысшая скорость оперативной памяти и переключения внимания, решения вербально-логических задач и т.д. Таким образом, студенческий возраст характеризуется достижением наивысших, «пиковых» результатов, базирующихся на всех предшествующих процессах биологического, психологического, социального развития. Кроме интеллектуального развития, в 18–20 лет продолжает формироваться личность человека [2, с. 93]. Указанный период развития требует продолжения развития духовно-нравственных ценностей гражданина России, активного развития нравственных и эстетических чувств, становления и стабилизации характера, овладения полным комплексом социальных ролей взрослого человека. Студенческие годы в медицинском университете связаны с началом трудовой биографии, созданием собственной семьи, выявлении лидерских качеств. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ предписывает российским высшим школам вести и активную воспитательную деятельность. Согласно определениям Б.М. Борлаковой, М.М.Мишиной, С.В. Поповой под «воспитанием» авторы исследования подразумевают многогранный процесс, нацеленный на выстраивание цельной личности студента в парадигме некоего эталона. Индивидуальные качества эталона прописаны в Указе Президента РФ от 09 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», а также в рабочей программе воспитания ФГБОУ ВО ДонГМУ Минздрава России (раздел 2 «Требования к формированию личностных результатов», 2.1. «Портрет выпускника ФГБОУ ВО ДонГМУ Минздрава России»).

В федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» воспитание определяется как деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства [3]. Смысл воспитания как профессиональной деятельности педагога состоит не в том, чтобы прямо и непосредственно воздействовать на студентов, а в том, чтобы обеспечить целенаправленную организацию их деятельности (жизнедеятельности в различных её сферах), тем самым предоставить каждому учащемуся проявить свои

ценные личностные качества и обогатить личный опыт социально значимым содержанием [4, с. 25]. Основной целью воспитательной деятельности в вузе должно стать максимальное вовлечение обучающихся в целенаправленно организованную деятельность, способствующую реализации их интеллектуального, морального, творческого и физического потенциала, содействие формированию комплексно развитой и гармоничной личности, способного к творчеству, обладающего научным мировоззрением, высокой культурой и гражданской ответственностью [5, с. 169].

Для ведения успешной воспитательной деятельности от всех участников воспитательного процесса (проректора по молодёжной политике и воспитательной деятельности, деканов факультетов, заместителей деканов по молодёжной политике и воспитательной деятельности факультетов, кураторов академических групп, специалистов отдела по молодёжной политике и воспитательной деятельности, профессорско-преподавательского состава, председателя профкома студентов, лидеров органов совета обучающихся) требуется понимание личности студентов первого курса. Данные исследовательско-коммуникационной платформы «Неравнодушный человек» позволили вывести следующее описание студента 1 курса Донецкого государственного медицинского университета им. М. Горького в 2025–2026 учебном году (дата проведения опроса: 15 сентября – 07 октября 2025 г.) Выборка: 350 студентов 6 факультетов вуза: лечебный факультет №1, лечебный факультет №2, медико-фармацевтический, медицинский, педиатрический, стоматологический. 81% опрошенных поступили в вуз сразу после окончания 11 класса общеобразовательной школы. 12% поступили в вуз после завершения обучения в колледже (рис.1). Среди испытанных эмоций после поступления, первокурсники выделили благодарность (51%), гордость (33%), любовь (33%).

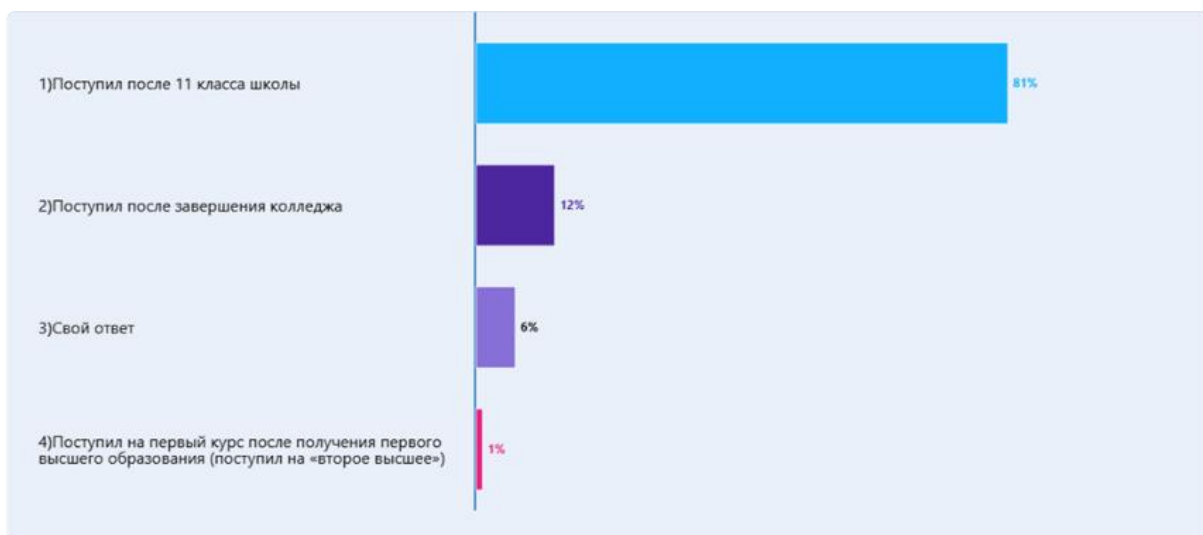

Рис. 1. Портрет первокурсника 2025

Направление подготовки, по которому начато осуществление образовательной деятельности 62% опрошенных выбрали из-за наличия явного интереса к профессии и медицине в целом; 56% – из-за желания работать в области здравоохранения и желания помогать людям; 38% – из-за хороших карьерных перспектив. Волонтерской деятельностью в школе занимался 28% опрошенных студентов, тогда как 63% – не занимались (рис. 2). 65% первокурсников выбрали ДонГМУ именно из-за наличия нужной специальности; 58% – из-за высокой репутации, престижа указанного вуза и

высокого уровня подготовки студентов; 40% вуз рекомендовали родственники и друзья. 17% опрошенных отметили наличие множества предложений для внеучебного развития.

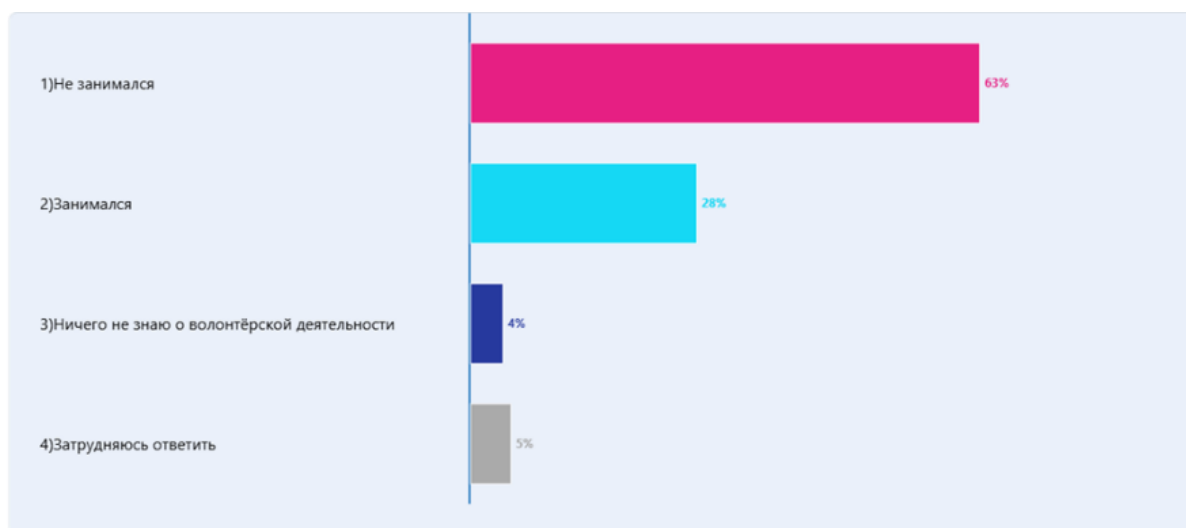

Рис. 2. О волонтерской деятельности в школьный период

Из внеучебных активностей 52% студентов-первокурсников выбрали путешествия в качестве наиболее интересного формата участия; культурные мероприятия – 28%, спортивные соревнования и марафоны – 23%, проектную деятельность – 15% (рис. 3). В общественной деятельности активное участие хотели бы принимать лишь 26%. 16% опрошенных находятся в состоянии неопределенности по данному опросу.

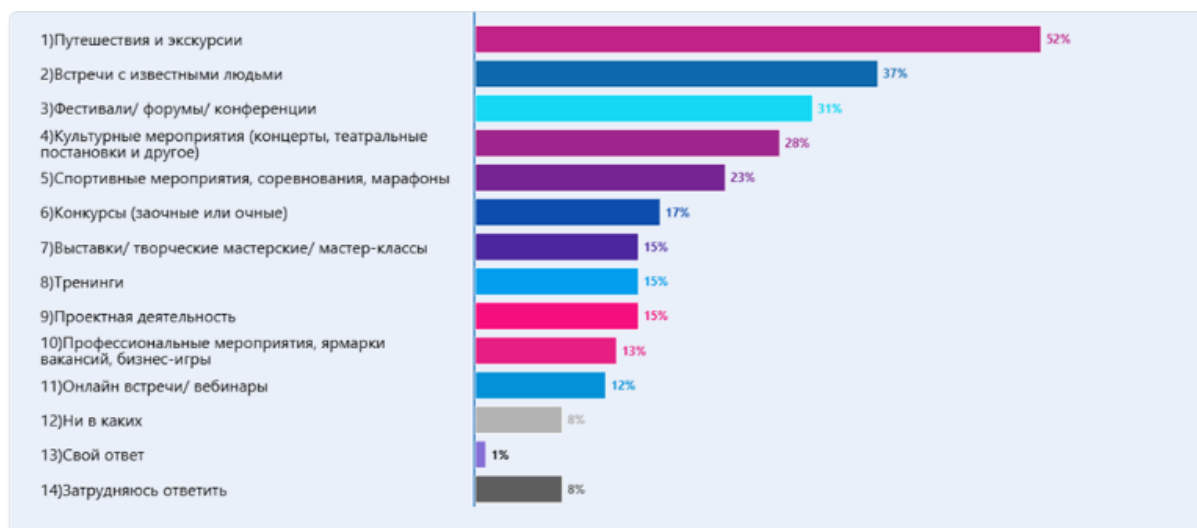

Рис. 3. Предпочтения студентов-первокурсников по внеучебным активностям

29% студентов-первокурсников в первую очередь считают себя гражданином Российской Федерации; 17% – представителем своего рода и семьи; 9% – представителем Донецкой Народной Республики или своего родного края.

Данный опрос изучал и другие параметры, однако для авторов исследования особый интерес представляют именно приведённые выше цифры. Таким образом, в ФГБОУ ВО ДонГМУ Минздрава России поступили студенты, стремящиеся к работе в здравоохранении Российской Федерации, к овладению фундаментальными знаниями в области медицины, к дальнейшему карьерному росту и в меньшей степени интересующиеся участием во внеучебной и общественной деятельности. Также большинство из студентов-первокурсников в школьные годы не участвовало в волонтерской деятельности. Кроме того, профессорско-преподавательский состав ДонГМУ в лице Р.А.Жиляева, Н.В.Антипова, Д.В.Сироида в 2017 г. отметили, что у студентов 1 курса не сформированы такие черты личности, как готовность к учению, способность учиться самостоятельно, контролировать и оценивать себя, владеть своими индивидуальными особенностями познавательной деятельности, умение правильно распределять свое рабочее время для самостоятельной подготовки. Приученные к ежедневной опеке и контролю в школе, некоторые первокурсники не умеют принимать элементарные решения. У них недостаточно воспитаны навыки самообразования [2, с. 94].

Для понимания масштабности задач по вовлечению студентов-первокурсников в 2025–2026 учебном году сравним полученный портрет первокурсника с действующей системой молодежной политики и воспитательной деятельности в ФГБОУ ВО ДонГМУ Минздрава России (рис.4). Согласно Стандарту работы с молодёжью образовательных организаций, реализующих программы медицинского и фармацевтического образования, ведущими направлениями деятельности медицинской высшей школы России являются: добровольческая (волонтерская) деятельность, патриотическое воспитание, трансляция ценностей норм и традиций через наставничество [6, с. 11]. Однако в ДонГМУ присутствуют и возможности по развитию науки (СНО), творческих компетенций (культурно-массовый сектор), спортивных достижений (студенческий спортивный клуб «Атланты Донбасса») и др.

Не стоит забывать и о длительном периоде адаптации студентов-первокурсников. Согласно наблюдениям педагогов ДонГМУ Р.А. Жиляева, Н.В.Антипова, Д.В. Сироида для первого года обучения характерны высокая интенсивность воздействия неблагоприятных психосоциальных факторов, что позволяет охарактеризовать этот период как «здоровье-затратный», а студентов-первокурсников – как группу риска по снижению уровня личностного адаптационного потенциала. [2, с. 95] Завершается данный период к началу второго курса.

Согласно описанным методикам вовлечения студентов во внеучебные мероприятия, весь процесс производится через организацию и проведение мероприятий по направлениям деятельности. Однако участие в мероприятии ещё не гарантирует систематическую активность студента в выбранном направлении.

Условия, необходимые для вовлечения студентов 1 курса медицинского университета в воспитательную деятельность вуза: наличие созданной в вузе и развитой системы внеучебной деятельности, ее презентация студентам первого курса; выявление интересов у студентов 1 курса к внеучебным направлениям, лидерских качеств, творческих компетенций; комфортный микро-психологический климат между студентами и представителями в вузе внеучебной деятельности.

Условия, затрудняющие вовлечение студентов 1 курса медицинского университета в воспитательную деятельность вуза: длительный период дистанционного обучения в школах в Донецкой Народной Республике (2020 г., 2022 – 2025 г.); высокая, по сравнению с вузами другой направленности, учебная нагрузка;

низкая мотивация у студентов 1 курса к участию во внеучебных активностях; адаптационный период студентов 1 курса; предпочтение студентами ведения опосредованной коммуникации, а не личной; низкий порог заинтересованности профессорско-педагогического состава к вовлечению студентов в систему внеучебной деятельности; раннее вовлечение студентов в осуществление профессиональной деятельности. Интересно наблюдение о том, что современные студенты демонстрируют «гиперпрагматичный подход», рассматривая лишь один из форматов участия (образование, внеучебная деятельность, общественная деятельность) как ключевую инвестицию в будущее, и сознательно отсекают все, что не работает на эту стратегическую цель в рамках выбранного формата [7, с. 122]. Кроме того, не стоит игнорировать онлайн-социализацию зумеров, которая, с одной стороны, удовлетворяет их потребностям в общении и сводит к минимуму психологическую нагрузку «тяжелых» офлайн-отношений, с другой стороны, ограничивает формирование следующих навыков: эмпатия, стрессоустойчивость в напряженных ситуациях с собеседником и коммуникативные навыки [8, с. 206].

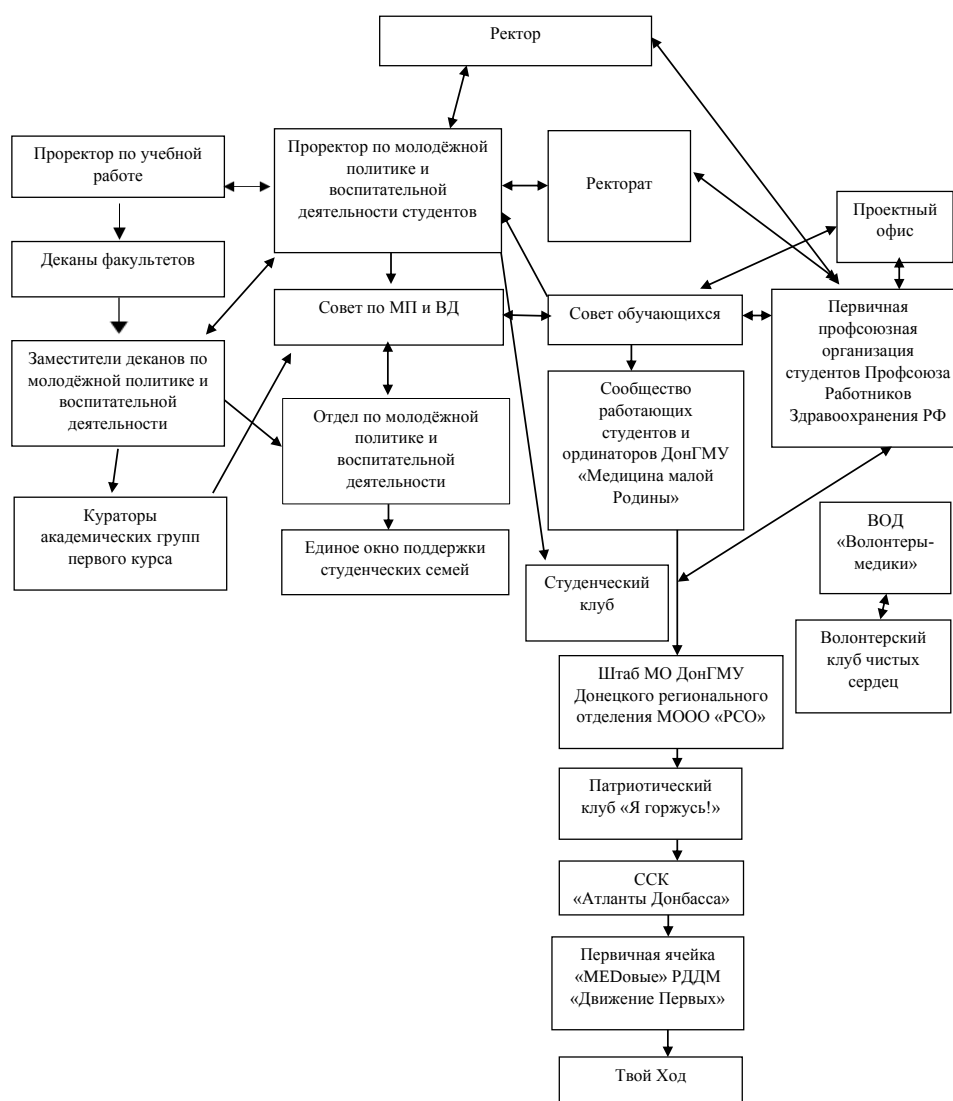

Рис. 4. Система организации внеучебной деятельности в ДонГМУ

Как видно, из рис. 4 в ФГБОУ ВО ДонГМУ Минздрава России существует обширная система внеучебной деятельности, вовлечение в которую начинается с сентября месяца. Необходимость системного подхода в воспитательной внеучебной деятельности студентов отмечают и исследователи из Гродненского государственного медицинского университета: Ситкевич С.А., Степанова Е.Ф. Реализация системного подхода создает условия для развития студента во многих направлениях, а также содействует максимальной коммуникации и социализации личности. Данный методологический подход носит целенаправленный, концептуальный, ценностно-ориентированный характер, позволяющий продуктивно реализовывать все направления воспитательной работы [9; с. 67-68].

Первым шагом во вовлечении студентов 1 курса медицинского университета во внеучебную деятельность является назначение приказом ректора кураторов академических групп первого курса. Куратор помогает студентам при подготовке к первой экзаменационной сессии, следит за посещаемостью занятий и успеваемостью, проводит тематические и культурные мероприятия с учётом интересов студентов, а также способствует их стремлению к саморазвитию и самосовершенствованию. Также через кураторов в сентябре – октябре проводится анкетирование студентов-первокурсников для мониторинга их интересов и склонности к проявлению девиантного поведения. Кроме того, через заместителей деканов по молодёжной политике и воспитательной деятельности, кураторов, старост академических групп приказом ректора организовывается участие студентов в опросе «Портрет первокурсника» на исследовательско-коммуникационной платформе «Неравнодушный человек».

Одна из ключевых ролей в вовлечении студентов первого курса к общественной деятельности отведена Первичной профсоюзной организации студентов ФГБОУ ВО ДонГМУ им. М. Горького Профсоюза Работников Здравоохранения Российской Федерации и Совету обучающихся ДонГМУ.

О деятельности этих организаций первокурсникам впервые рассказывают на организационных собраниях факультетов в первый учебный день, где происходит знакомство с председателем профбюро факультета и председателем совета студенческого самоуправления. Практически сразу после этого начинается процедура вступления в первичную профсоюзную организацию и постановка на профсоюзный учёт. Завершается она к концу октября. В каждой группе путем открытого голосования избирается профорг группы, основной задачей которого является оказание всесторонней помощи старосте группы, выявление социальных групп среди студентов, ознакомление всей группы с мероприятиями и событиями, происходящими в вузе, а также добровольное привлечение студентов в различные направления общественной и добровольческой деятельности. Основной технологией повышения уровня вовлеченности студентов в социальную жизнь является поддержка деятельности общественных молодежных объединений и органов молодежного самоуправления [10, с. 46].

Последующим шагом для вовлечения студентов 1 курса медицинского университета является проведение в середине октября «Школы профсоюзного актива» с целью презентации всех направлений внеучебной деятельности, их руководителей и места расположения. На данном этапе важно не просто организовать мероприятие, но и обеспечить непосредственное участие студентов. С этой целью активно работают профорги факультетов и групп, старосты академических групп. На данном этапе важно показать, что инициатива исходит от таких же студентов, путь которых начался ранее с такой же «Школы профактива». На данном мероприятии проводится не только официальная презентация того или иного направления, но и обмен опытом – студенты

старших курсов рассказывают свои истории и мотивацию вовлечения в общественную деятельность, делятся испытанными эмоциями, личными практиками. После проведения данного шага алгоритма ожидается массовое приобщение студентов ко многим направлениям внеучебной деятельности.

Стоит отметить, что описанный алгоритм в первую очередь привлекает активных студентов. После подведения итогов указанного мероприятия начинается период вовлечения пассивных студентов во внеучебную деятельность. Здесь ожидается проведение индивидуальной работы в соответствии с данными анкетирования студентов куратором академической группы, профорганами и старостами. При необходимости подключается заместитель декана по молодёжной политике и воспитательной деятельности и курирующий проректор. Проводятся индивидуальные беседы с целью выявления предпочтений по проведению внеучебного времени и подбору соответствующего направления, развитого в вузе.

После того, как все студенты-первокурсники распределены по направлениям внеучебной деятельности, большая роль отводится руководителям внеучебных активностей. По сути, они выполняют роль наставника. Студенты активно вовлекаются в посещение организационных собраний, приобщению в чаты в социальной сети в ВК и мессенджере МАХ, и, что еще более важно, в выполнение плана деятельности каждого направления. В ДонГМУ существует тесная взаимосвязь между направлениями деятельности внеучебной работы, поэтому студентам не запрещается быть участником нескольких направлений. Некоторые мероприятия проводятся также совместно, что способствует у участников формированию командного духа.

Одним из приоритетных и стремительно развивающихся направлений внеучебной деятельности в ФГБОУ ВО ДонГМУ Минздрава России является добровольческая деятельность. Согласно Концепции содействия развития добровольческой (волонтерской) деятельности в Российской Федерации до 2030 года – основной национальной целью является вовлечение не менее 45% молодежи в добровольческую и общественную деятельность к 2030 году. В ДонГМУ более 20 лет функционирует Клуб «Чистых сердец», а с июня 2022 года на базе ВУЗа было открыто Донецкое региональное отделение Всероссийского общественного движения ВОД «Волонтеры-медики». Данный вид общественной деятельности во многом отличается от других направлений. Милосердие и равнодушие – одни из важных качеств, которые присущи медицинским работникам. Особенно важно их проявление в тяжелые времена, что и было продемонстрировано в период начала СВО. Находясь на дистанционном обучении, более 250 студентов не смогли остаться в стороне и буквально, в считанные дни, были сформированы бригады оказания добровольческой помощи в Лечебно-профилактических учреждениях, оказывающих медицинскую помощь раненым военнослужащим и мирным жителям. Было сформировано 25 студенческих бригад, каждая из которых включала 8–12 человек. Для оптимизации работы, состав бригады был равномерно распределен по курсам – от 1-го до 6-го. Волонтеры выполняли работу младшего и среднего медицинского персонала, помогая штатным сотрудникам отделений и заменяя их, в случае необходимости. Часть бригад, которая ранее посещала отделения хирургии и знакома со спецификой работы, выполняла работу в операционных блоках. Так, волонтеры-медики, оказывали свою помощь в терапевтических (неврология, нефрология), хирургических, нейрохирургических, травматологических отделениях, отделениях интенсивной терапии (нейрореанимации и общей реанимации), а также в операционных блоках.

В условиях дистанционного обучения и отсутствия возможности отработки практических навыков, именно добровольческая деятельность выступила в качестве

проводника студентов в сферу практического здравоохранения и возможности тренировки и отработки многих умений. На сегодняшний день добровольчество также является одной из ступеней к дальнейшему трудоустройству студентов. Возможность посещения различных отделений, изучение специфики работы каждого и погружения в различные специальности позволяет будущему специалисту самоопределиваться и понять, какое направление ему ближе по духу. Немаловажную роль в этом самоопределении также играют старшие наставники – будь то студенты старших курсов, молодые специалисты или преподаватели-кураторы.

Заключение. В процессе данного исследования произведен анализ данных опроса «Портрет первокурсника» на исследовательско-коммуникационной платформе «Неравнодушный человек» (2025 г.), выявлены условия, путём метода наблюдения, способствующие и затрудняющие вовлечение студентов 1 курса медицинского университета в воспитательную деятельность вуза; произведен анализ проведённых исследований по вовлечению студентов высших школ Российской Федерации во внеучебную деятельность, независимо от направления образования, за предыдущие 11 лет, значительная часть которых была проведена в период с 2022 г.; и произведена попытка описания алгоритма действий по вовлечению студентов-первокурсников во внеучебную деятельность медицинского вуза. Согласно ему, активная фаза приходится на сентябрь – октябрь месяц для активных студентов, и в ноябре-декабре производится дополнительная работа по вовлечению пассивных студентов. Кроме того, в статье представлены данные о приоритетном направлении внеучебной деятельности студентов ФГБОУ ВО ДонГМУ Минздрава России) – добровольческой деятельности. Активное участие в добровольчестве позволяет студентам-медикам сформировать в себе такие качества, как милосердие и неравнодушие; погрузиться в сферу практического здравоохранения и отработать практические навыки, сформированные на занятиях в вузе.

Важная роль в исследуемом процессе отводится проректору по молодёжной политике и воспитательной деятельности, заместителям деканов по молодёжной политике и воспитательной деятельности, кураторам академических групп первого курса, председателю Первичной Профсоюзной Организации студентов ФГБОУ ВО ДонГМУ Минздрава России Профсоюза Работников Здравоохранения Российской Федерации, профоргам факультетов и групп, старостам академических групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сборник лучших практик реализации молодёжной политики и воспитательной деятельности образовательных организаций высшего образования Российской Федерации // Электронное издание сетевого распространения. – 2025. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/2026/02/Практики%202025.pdf> дата обращения (17.03.2025).
2. Антипов Н. В., Жилиев Р. А., Сириод Д. В. Проблемы адаптации студентов на первых курсах медицинского вуза к учебной деятельности // Проблемные вопросы педагогики и медицины: сборник научных трудов памяти профессора Е. М. Витебского. – Донецк, 2017. – Вып. 11. – С. 93-95.
3. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/ (дата обращения: 13.01.2025).
4. Борлакова, Б. М. Социально-воспитательная работа в высшей школе: проблемы и перспективы / Б. М. Борлакова // Известия Чеченского государственного педагогического института. – 2012. – № 1(6). – С. 18-30.
5. Якупова, Г. Х. Воспитательные аспекты преподавательской деятельности в вузе / Г. Х. Якупова, З. Р. Закиева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № 1-4(115). – С. 169-172. – DOI 10.23670/IRJ.2022.115.1.139. – EDN PCWWBF.
6. Стандарт работы с молодёжью образовательных организаций, реализующих программы медицинского и фармацевтического образования: утв. Ассоциацией «Совет ректоров медицинских

и фармацевтических высших учебных заведений». – 2025 г. – 115 с. – URL: <https://dnmu.ru/students/molpol/otdel-po-molodyezhnoy-politike-i-vospitatelnoy-devatelnosti/normativnaya-baza/> (дата обращения: 16.03.2025).

7. Соколов А.В., Бабаджанян П.А. Причины неучастия российских студентов в общественно-политической коммуникации // Высшее образование в России. 2026. Т. 35. №1. С. 116–128. DOI: 10.31992/0869-3617-2026-35-1-116-128.
8. Бихатова, Э.Т. Особенности студента-медика поколения Z как основа формирования готовности к работе с искусственным интеллектом в будущей профессиональной деятельности // Учёные записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2026. №2 (252). – С. 202 – 211. – С. 206 DOI: 10.5930/1994-4683-20262-202-211
9. Ситкевич С.А., Степанова Е.Ф. Основные подходы и принципы организации воспитательной работы в системе высшего образования // Актуальные проблемы воспитательной работы и молодежной политики в современном УВО: материалы III Международной научно-методической конференции, посвящённой 100-летию со дня образования Витебского ордена «Знак Почета» государственной академии ветеринарной медицины. Текстовое электронное издание сетевого распространения. – 2024. - С. 66 – 69. ISBN 978-985-591-213-3
10. Кузнецова, Е. В. Роль студенческого самоуправления в формировании патриотического самосознания студентов медицинского вуза / Е. В. Кузнецова // Совершенствование воспитательной работы в вузе: патриотическое воспитание: Сборник статей VI Межвузовской научно-практической конференции, Киров, 02–06 декабря 2019 года. – Киров: Вятский государственный университет, 2020. – С. 44-49. – EDN YKGOTQ.

REFERENCES

1. An electronic publication for online distribution (2025) Collection of best practices in the implementation of youth policy and educational activities of educational institutions of higher education in the Russian Federation. Retrieved from: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/2026/02/Практики%202025.pdf> (date of application: 17.03.2025) (In Russian).
2. Antipov N.V. & Zhilaev R.A., Syroid D.V. (2017) [Problems of adaptation of first-year medical students to academic activities] Problemye voprosy pedagogiki i mediciny: sbornik nauchnykh trudov pamyati professora E.M. Vitebskogo = Problematic Issues in Pedagogy and Medicine: A Collection of Scientific Papers in Memory of Professor E. M. Vitebsky. 11. 93-95. (In Russian).
3. Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 (as amended on July 02, 2021) "On Education in the Russian Federation" (as amended and supplemented, intro. effective from 09.01.2021) (date of application: 13.01.2025).
4. Borlakova B.M. (2012) [Social and Educational Work in Higher Education: Problems and Prospects] *Izvestiya Chechenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta = News of the Chechen State Pedagogical Institute*. 1 (6), 18–30 (In Russian).
5. Yakupova G.Kh. (2022) [Educational Aspects of Teaching at a University] *Mezhdunarodniy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal = International Scientific Research Journal*. 1-4 (115), 169–172. doi: 10.23670/IRJ.2022.115.1.139. (In Russian).
6. Standard for working with young people in educational organizations that implement medical and pharmaceutical education programs: approved by the Association "Council of Rectors of Medical and Pharmaceutical Higher Education Institutions" – URL: <https://dnmu.ru/students/molpol/otdel-po-molodyezhnoy-politike-i-vospitatelnoy-devatelnosti/normativnaya-baza/> (date of application: 16.03.2025).
7. Sokolov A.V. & Babadzhanian P.A. (2026) [Reasons for Russian students' non-participation in social and political communication] *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. Vol.35, 1, 116–128 doi: 10.31992/0869-3617-2026-35-1-116-128. (In Russian).
8. Bikhatova E. T. (2026) [Features of a Generation Z medical student as a basis for developing readiness to work with artificial intelligence in future professional activities] *Uchenyye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta = Scientific Notes of the Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health*. 2 (252), 202 – 211 doi: 10.5930/1994-4683-20262-202-211. (In Russian).
9. Sitkevich S.A. & Stepanova E. F. (2024) Basic approaches and principles of organizing educational work in the higher education system. *Actual Problems of Educational Work and Youth Policy in Modern Higher Education Institutions: Proceedings of the III International Scientific and Methodological Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Vitebsk State Academy of Veterinary Medicine*. 66–69. ISBN 978-985-591-213-3 (In Russian).

10. Kuznetsova E.V. (2020) Кузнецова, Е. В. The Role of Student Self-Government in Forming the Patriotic Identity of Medical University Students. *Improving Educational Work at a University: Patriotic Education: Collection of Articles from the VI Interuniversity Scientific and Practical Conference*. 02–06 December 2019. Kirov. Vyatka State University, pp. 44 – 49. (In Russian).

ALGORITHM FOR INVOLVING FIRST-YEAR MEDICAL UNIVERSITY STUDENTS IN EXTRACURRICULAR ACTIVITIES

G. A. Ignatenko, R.A. Zhilyaev, V.V. Lemak, A.S. Shemenева

In this article, a portrait of a first-year medical university student in 2025 is compiled based on the analysis of sociological survey data; the conditions that facilitate and hinder the involvement of first-year medical university students in the university's educational activities are identified; the system of organizing educational activities at the Don State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation is presented; an algorithm for involving first-year medical university students in extracurricular activities is presented; and data on the development of the priority area of extracurricular activities at the medical university, namely volunteer activities, is presented.

Key words: extracurricular activities, educational activities, student, medical university.

Поступила в редакцию 16.03.2026 г.

Игнатенко Григорий Анатольевич

Академик РАН, доктор медицинских наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный медицинский университет им. М. Горького»
Минздрава России,
г. Донецк. ДНР, Российская Федерация
E-mail: contact@dnmu.ru

Ignatenko Grigoriy Anatolievich

Academician of the RAS, Doctor of Medical Sciences, Professor, FSBEI HE «Donetsk State Medical University named after M. Gorky» Ministry of Health of Russia, Donetsk, DPR, Russian Federation
E-mail: contact@dnmu.ru

Жиляев Руслан Александрович

Кандидат медицинских наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный медицинский университет им. М. Горького»
Минздрава России,
г. Донецк. ДНР, Российская Федерация.
E-mail: ruslan_alex@mail.ru

Zhilyaev Ruslan Alexandrovich

Candidate of Medical Sciences, docent. FSBEI HE «Donetsk State Medical University named after M. Gorky» Ministry of Health of Russia, Donetsk, DPR, Russian Federation
E-mail: ruslan_alex@mail.ru

Лемак Виктория Валериевна

Ведущий специалист отдела по молодёжной политике и воспитательной деятельности,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный медицинский университет им. М. Горького»
Минздрава России,
г. Донецк. ДНР, Российская Федерация
E-mail: viktorina-lemak@mail.ru

Viktoria Valerievna Lemak,

Leading specialist of the department for Youth Policy and Educational Activities, FSBEI HE «Donetsk State Medical University named after M. Gorky» Ministry of Health of Russia, Donetsk, DPR, Russian Federation
E-mail: viktorina-lemak@mail.ru

Шеменева Анастасия Сергеевна

Председатель Первичной профсоюзной организации студентов ФГБОУ ВО ДонГМУ Минздрава России Профсоюза работников здравоохранения РФ,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный медицинский университет им. М. Горького»
Минздрава России,
г. Донецк. ДНР, Российская Федерация
E-mail: shemenева.anastasiya@mail.ru

Shemenева Anastasia Sergeevna

Chairman of the Primary Trade Union Organization of Students Donetsk State Medical University named after M. Gorky, FSBEI HE «Donetsk State Medical University named after M. Gorky» Ministry of Health of Russia, Donetsk, DPR, Russian Federation
E-mail: shemenева.anastasiya@mail.ru

**РЕГИОНАЛЬНЫЙ МЕТОДИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ
КАК РЕСУРС ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ
К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ)**

© 2026 *Н. В. Грицкова*

ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет»

Статья посвящена использованию регионального методического контекста Луганской Народной Республики в подготовке учителей иностранных языков. Определены задачи по включению регионального компонента в учебную дисциплину «Практика устной и письменной речи французского языка». Представлен методический потенциал лексической темы “Sur les faits peu connus de la vie de Vladimir Dahl” (на материале французского языка). Интеграция регионального компонента в образовательный процесс способствует воспитанию учителя иностранных языков – патриота своей страны и малой родины.

Ключевые слова: региональный компонент, ценностное отношение, лексическая тема, учитель иностранных языков, методика обучения.

Введение. Современная система высшего образования сталкивается с вызовами, требующими переосмысления подходов к подготовке педагогических кадров. В условиях снижения престижа профессии и ослабления профессиональной идентичности у молодых специалистов, становится критически важным усиление работы по формированию устойчивых ценностных ориентаций [1]. Особое значение приобретает подготовка учителей иностранных языков, чья роль выходит за рамки преподавания языка, охватывая межкультурный диалог и трансляцию культурных ценностей. Именно в этом контексте региональный методический подход, учитывающий специфику Луганской Народной Республики, выступает как перспективный ресурс.

Актуальность научной статьи обусловлена несколькими ключевыми факторами. Они связаны с текущими вызовами в области педагогического иноязычного образования и особенностями развития Луганской Народной Республики в настоящий момент. Современное общество демонстрирует тенденцию к снижению престижа педагогической профессии и ослаблению ценностного отношения к ней у молодых специалистов, что делает формирование устойчивых профессиональных ценностей, таких как патриотизм, гражданская ответственность, профессиональная гордость и преданность делу, приоритетной задачей. В условиях интеграции ЛНР в российское образовательное пространство и с учётом уникального историко-культурного и социально-политического контекста региона, существует насущная потребность в разработке и внедрении методических подходов, которые учитывают местные реалии. Региональный методический контекст, таким образом, может стать мощным ресурсом для формирования у будущих учителей иностранных языков не только профессиональных компетенций, но и глубокого ценностного отношения к своей деятельности, способствуя повышению качества иноязычного образования. Как считает Е. Н. Бакурова, для этого «...необходимо обращение к региональному компоненту, выражающемуся во включении в содержание обучения иностранному языку региональной специфики...» [2, с. 9]. Эффективное преподавание иностранных языков

невозможно без учителей, обладающих высокой мотивацией и пониманием миссии педагога, а учителя иностранных языков играют особую роль в условиях, когда регион сталкивается с необходимостью укрепления своей культурной и национальной идентичности. Следовательно, существует явная потребность в научно обоснованных методиках, позволяющих эффективно использовать региональный компонент для формирования ценностного отношения будущих учителей иностранных языков к своей деятельности, что особенно актуально для региона, переживающего период трансформации и интеграции. Кроме того, в условиях современных социально-экономических вызовов, ключевая роль учителя иностранных языков выходит за рамки сугубо лингвистического образования, приобретая значительный воспитательный и профориентационный вектор. Как отмечает Е. Г. Тарева, «Постигая своеобразие своих потенциальных партнеров по межкультурной коммуникации, обучающийся способен ос-мыслить собственное мировидение, понять особенности своей национальной ментальности, выявить сходства и различия между собой и носителем языка» [3, с. 152]. Осознавая ответственность за формирование мировоззрения подрастающего поколения, педагог призван активно использовать потенциал преподавания иностранных языков для создания и трансляции позитивного образа Российской Федерации и Луганской Народной Республики. По мнению Т. А. Гришиной, «в условиях интеграции новых регионов важно, чтобы образовательный процесс содействовал укреплению общенационального самосознания, сплочению многонационального народа России и воспитанию уважения к историческому у наследию страны» [4, с. 455]. Такая деятельность направлена на формирование у обучающихся устойчивых ценностных ориентаций, чувства причастности к своей малой родине и стране, а также на стимулирование их мотивации к профессиональной самореализации и дальнейшему трудоустройству в пределах ЛНР, тем самым способствуя решению задачи удержания квалифицированных кадров и развитию региона.

Цель: обосновать региональный методический контекст как ресурс формирования ценностного отношения к деятельности учителя иностранных языков (на примере изучения лексической темы “*Sur les faits peu connus de la vie de Vladimir Dahl*” в рамках академической дисциплины «Практика устной и письменной речи французского языка»).

Материалы и методы исследований. Настоящее исследование опирается на теоретические методы, направленные на изучение и обоснование роли регионального методического контекста в формировании ценностного отношения к деятельности учителя иностранных языков в условиях Луганской Народной Республики. Мы применяли анализ, синтез, систематизацию. Метод анализа и синтеза применялся нами для изучения и обобщения научной литературы, нормативно-правовых актов, педагогического опыта. Метод систематизации понадобился нам структурирования материалов исследования по ключевым направлениям.

Результаты и обсуждение. Луганский государственный педагогический университет (ЛГПУ) является «кузницей» педагогических кадров ЛНР. Иноязычное педагогическое образование в университете представлено возможностями овладеть разными иностранными языками. Набирает образовательные обороты «восточный поворот», английский язык продолжает лидировать как язык глобальной доминации в сферах бизнеса, технологий и интернета. Мы наблюдаем некоторую тенденцию к снижению числа обучающихся, выбирающих французский язык в качестве первого иностранного. В то же время французский язык сохраняет своё значение в России, хотя и переживает определённые трансформации. Французский язык остаётся в премиум-

сегменте, является одним из рабочих языков международной дипломатии и востребован в определённых кругах, связанных с культурой, искусством, модой, туризмом. Кроме того, знание французского языка является потенциалом для «мягкой силы» и культурного обмена в рамках сотрудничества России со странами БРИКС. Изучение именно этого иностранного языка «...способствует русско-французскому билингвизму, важному для Африки и международных связей России» [5, с. 86].

Между Луганской Народной Республикой и франкоязычными странами Африки заключены соглашения об академической мобильности, которые предусматривают взаимный обмен обучающимися. В рамках данных договоренностей на территорию Луганской Народной Республики прибывают представители, в частности из Республики Конго, с целью изучения русского языка как иностранного. В 2025–2026 учебном году такое обучение осуществляют Донбасский государственный технический университет (г. Алчевск, ЛНР) [6] и Луганский государственный педагогический университет (г. Луганск, ЛНР) [7].

Особенностью организации образовательного процесса для данной категории иностранных обучающихся является использование французского языка в качестве опорного посреднического языка. Французский язык выступает здесь не только как средство базовой коммуникации, но и как инструмент метаязыкового пояснения, позволяющий осуществлять точную семантизацию русскоязычного материала, объяснять грамматические категории, а также проводить сопоставительный анализ языковых и культурных феноменов [8].

Таким образом, владение французским языком в условиях Луганской Народной Республики приобретает особую значимость. Во-первых, оно выступает ключевым ресурсом для успешной реализации программ академической мобильности с франкоязычными африканскими странами и интеграции иностранных обучающихся в русскоязычное образовательное пространство. Во-вторых, французский язык становится важным элементом профессиональной компетентности преподавателя русского как иностранного, работающего с франкофонами. От уровня владения французским языком зависит качество дидактических объяснений, точность межкультурной интерпретации и эффективность усвоения русского языка.

Следовательно, в региональном образовательном и методическом контексте ЛНР французский язык выполняет стратегическую функцию. Он служит связующим звеном между локальной русскоязычной академической средой и франкоязычным африканским пространством, способствуя развитию международного сотрудничества, повышению академической привлекательности региона и формированию у обучающихся устойчивой мотивации к изучению русского языка как иностранного.

Одной из значимых проблем в методике обучения иностранным языкам в Луганской Народной Республике, французскому языку в том числе, является отсутствие системной корреляции между изучаемым лингвокультурным материалом и социокультурной спецификой региона [5]. Такая деконтекстуализация обуславливает снижение учебной мотивации у обучающихся, формируя восприятие инокультурного контента как отчужденного от локальных реалий и нерелевантного их личностному и гражданскому становлению. В результате, аксиологические компоненты, такие как национальная и региональная идентичность, патриотическое сознание и этнокультурное наследие, остаются недостаточно имплементированными в современное учебно-методическое обеспечение, что препятствует формированию глубокого ценностного отношения к предмету и его связи с собственным жизненным миром. Как справедливо отмечает В. Г. Малахова, «Необходим поворот в сторону

такого подхода, который восстановит доминанту осознания личностного смысла в образовании, идеи необходимости самореализации и самоактуализации личности, объединяющего приоритета общечеловеческих ценностей через возрождение аксиологических (ценностных) ориентиров» [3, с. 32].

Традиционные подходы обучения, акцентирующие внимание преимущественно на лингводидактических аспектах, часто оставляют без должного внимания аксиологическую составляющую, что может приводить к снижению мотивации, профессиональному выгоранию и оттоку квалифицированных кадров из регионов [1]. В этом смысле региональный методический контекст выступает как системообразующий ресурс, способный существенно обогатить процесс профессионального становления и повысить ценностную значимость педагогической деятельности. Ценностное отношение к профессиональной деятельности в целом, и к деятельности учителя иностранных языков в частности, представляет собой сложный интегративный конструкт, включающий когнитивные, эмоционально-оценочные и поведенческие компоненты. Оно выражается в глубоком осознании социальной значимости своей профессии, принятии её целей и задач как лично значимых, в стремлении к самосовершенствованию и высокой степени ответственности. Для учителя иностранных языков это означает не только владение предметными знаниями и методическими компетенциями, но и понимание социокультурной миссии языка, его роли в формировании личности обучающегося, развитии межкультурной коммуникации и гражданской идентичности. В этой связи становится очевидным, что «Иноязычное образование...является целостной системой, которое способно сформировать личность студента, и которая формирует у студента широкий гуманистический взгляд на мир, основанный на общечеловеческих ценностях» [9, с. 13]. Такое комплексное отношение к профессии формируется на основе интериоризации профессионально-педагогических ценностей, среди которых ключевыми являются гуманизм, патриотизм, креативность, саморазвитие и служение обществу.

Региональный компонент содержания образования с точки зрения историко-системного анализа рассмотрел в своём исследовании А. А. Штец [10]. В случае Луганской Народной Республики региональный методический контекст, как ресурс, предоставляет собой ценностно-смысловой материал для формирования региональной и гражданской идентичности, патриотизма, уважения к традициям и культуре своего края через призму иностранного языка. Интеграция регионального методического контекста в профессиональную подготовку и деятельность учителя иностранных языков запускает несколько ключевых механизмов формирования ценностного отношения к деятельности учителя.

В связи с тем, что наша профессиональная деятельность осуществляется среди обучающихся кафедры романо-германской филологии ЛГПУ, региональный методический контекст как ресурс формирования ценностного отношения к деятельности учителя мы разработаем на примере академической дисциплины «Практика устной и письменной речи французского языка». В процессе изучения региональных тем по этой дисциплине у студентов формируется положительный образ ЛНР, осознанная ценность своей малой родины и перспективы профессионального роста именно в своём регионе [5].

Необходимо отметить тот факт, что при изучении рабочих программ учебных дисциплин кафедры, нами было выявлено незначительное количество тем для изучения, содержащих региональный компонент. Между тем, как подчёркивает

А. В. Понасенко, «современный образовательный процесс все чаще акцентирует внимание на интеграции регионального компонента, что позволяет обучающимся не только углубить знания о культурных, исторических и природных особенностях родного края, но и сформировать осознание его уникальности» [11, с. 11]. Данное положение в полной мере соотносится с задачами подготовки будущих учителей иностранных языков в условиях Луганской Народной Республики, поскольку именно они призваны выступать посредниками между родной культурой и иноязычным миром. Поэтому мы решили добавить лексическую тему “*Sur les faits peu connus de la vie de Vladimir Dahl*” («О малоизвестных фактах жизни Владимира Даля») в содержание учебной дисциплины «Практика устной и письменной речи французского языка». Такой шаг представляется методически значимым в контексте заявленной проблематики формирования ценностного отношения к деятельности учителя иностранных языков в условиях Луганской Народной Республики. Обращение к личности В. И. Даля позволяет выстроить содержательную связь между региональным историко-культурным контекстом и профессиональной подготовкой будущего учителя. Владимир Даль – не только составитель фундаментального толкового словаря, но и воплощение идеала исследователя языка, педагога-просветителя, собирателя живой народной речи. Его биография и научная деятельность формируют у обучающихся ценностное представление о языке как о культурном феномене и о профессии филолога и учителя как о социально значимой миссии. Представим методические аспекты работы над лексической темой “*Sur les faits peu connus de la vie de Vladimir Dahl*” в виде таблицы.

Таблица 1

Анализ биографических фактов В. И. Даля в контексте формирования ценностного отношения к педагогической деятельности учителя иностранного языка

№	Малоизвестный факт из жизни В. Даля	Ценностное отношение к России и её культуре	Методический потенциал для формирования ценностного отношения к деятельности учителя иностранного языка	Примеры на французском языке
1	Отец В. И. Даля неоднократно напоминал семье, что они русские, и дал клятвенное обещание верности России. Имя отца – Иоганн, затем он сменил имя на русское – Иван.	Осознанная культурная и национальная идентичность; верность стране и её духовно-культурной традиции не как формальный признак, а как внутренний выбор.	Обсуждение на иностранном языке понятий «идентичность», «верность», «принадлежность»; формирование у будущих учителей понимания их роли как хранителей и посредников родной культуры в условиях межкультурной коммуникации; развитие ответственности за репрезентацию России и региона перед франкоязычной аудиторией.	Le père de Dahl ne se lasse pas de rappeler à sa famille qu'ils sont russes. Dans la maison où se trouve maintenant le musée, Johann a pris le nom russe Ivan et a fait une promesse d'allégeance à la Russie, dont une copie a d'ailleurs été conservée.

2	Даль вырос в многоязычной и мультикультурной среде, но осознанно позиционировал себя как представитель русской культуры.	Способность сохранять и укреплять свою культурную принадлежность при контакте с иными культурными и языковыми средами.	Моделирование ситуации межкультурного диалога. Обсуждение на французском языке того, как учитель иностранного языка должен сочетать открытость к другой культуре с уважением к собственной. Развитие рефлексии о профессиональной идентичности педагога-лингвиста.	Si ce n'était pas le maître Gascoigne, qui est venu à l'invitation de Catherine II pour construire une fonderie, les habitants de Lougansk ne serait pas fier de son illustre compatriote. Le père de l'écrivain, le Danois Johann Dahl, Gascoigne a été appelé à travailler comme médecin à l'usine. Il a accepté l'invitation et est venu avec son épouse dans le village de Lougansk Zavod, où il a commencé à traiter les éleveurs. Ici, Ivan Dahl a un fils, Vladimir.
3	Семья обитала в посёлке Луганский завод непродолжительный период. Когда Владимиру Далю исполнилось три года, его отца перевели в Николаев. Там он стал главным врачом Черноморского флота. Тем не менее, Владимир Даль всегда использовал псевдоним в своих трудах – Казак Луганский или Владимир Луганский. Он помнил и уважал всю жизнь место рождения.	Региональная связь В. Даля с территорией, относящейся к современному Донбассу. Укоренённость в конкретном культурно-историческом и региональном контексте; осознание значимости малой родины в общенациональной культурной панораме.	Использование регионального материала на французском языке для формирования у студентов навыков представления родного региона иностранной аудитории; осмысление роли учителя иностранного языка как представителя и «голоса» своей территории в межкультурном пространстве.	Et bien que Vladimir Dahl ne vienne plus jamais à Lougansk, l'écrivain a signé ses écrits, ses collections et ses contes de fées avec un pseudonyme – Cosaque Lougansk ou Vladimir Lougansk. Se souvenir et respecter toute sa vie le lieu où il est né.
4	Принятие В. И. Далем православия перед смертью при том, что всю жизнь он был лютеранином. Жизнь В. И. Даля на пересечении культур и конфессий (лютеранский бэкграунд, русская культурная идентичность, православие в конце жизни).	Осмысление религиозной и культурной принадлежности как глубоко личного, экзистенциального выбора; сближение с традиционной для России духовной культурой. Сопричастность к	Модель для осмысления роли учителя иностранного языка как медиатора между культурами; развитие навыков интеркультурной рефлексии: обсуждение на французском языке, как совмещать	L'écrivain a été marié deux fois, du premier mariage, il a eu deux enfants – un garçon et une fille, et du second – trois filles. Presque jusqu'à la fin de ses jours, Vladimir Dahl est

		общему духовному пространству.	уважение к другим культурам с верностью своей; формирование взаимоуважения и диалогичности как профессионально значимых качеств.	resté luthérien – ses parents et lui-même étaient une telle foi. Avant de mourir, il a décidé d’adopter l’orthodoxie pour se rapprocher encore plus du peuple russe et être enterré aux côtés de sa femme orthodoxe russe.
5	Титанический труд над толковым словарём как делом всей жизни В. И. Даля	Трудолюбие, настойчивость, служение русскому языку и культуре как высшей ценности; понимание знания как результата длительного и систематического усилия.	Формирование уважения к интеллектуальному и педагогическому труду; обсуждение со студентами на французском языке понятия «призвание» и «миссия учителя»; стимулирование профессиональной мотивации и установки на непрерывное самообразование.	Cosaque de Lougansk Dahl a même travaillé au ministère de l’intérieur. Et pendant tout ce temps, il n’a pas cessé de recueillir partout des contes de fées et des mots, des dictons et des proverbes du peuple russe. Il a travaillé sur eux et a publié un dictionnaire Explicatif, de nombreux contes de fées et histoires, dont la base était des motifs folkloriques, ainsi qu’un “Recueil de proverbes du peuple russe”.

Анализ представленных в таблице биографических эпизодов позволяет сделать вывод о том, что регионально окрашенный материал, связанный с личностью В. И. Даля, обладает значительным потенциалом для интеграции ценностного, когнитивного и профессионально-ориентированного компонентов в подготовке будущих учителей иностранных языков. Важно подчеркнуть, что в данном случае биографический текст выступает не только как источник фактологической информации, но и как средство ценностной медиации, позволяющее актуализировать у студентов мировоззренческие и профессионально значимые смыслы.

Обращение к биографическому тексту о В. И. Дале в курсе практики устной и письменной речи на французском языке позволяет целенаправленно формировать у студентов способность обсуждать ценностно нагруженные темы на иностранном языке. Как показывают наблюдения, подобные темы (вера, выбор, верность, семья, служение, культурная принадлежность) традиционно вызывают у обучающихся определённые коммуникативные затруднения, поскольку требуют не только языковой компетентности, но и высокой степени рефлексии и личностной включённости. Работа

с биографическим материалом и с региональным контекстом, создаёт для студентов безопасное «поле» опосредованного обсуждения, поскольку «в условиях ЛНР, где происходит активное переосмысление исторического прошлого и становление нового гражданского самосознания, региональный компонент в содержании иноязычного образования играет критически важную роль» [12, с. 65]. Они говорят не о себе, а о культурном герое региона, однако неизбежно соотносят его опыт с собственными представлениями о мире и о профессиональной деятельности. С методической точки зрения использование описанного материала предполагает переход от традиционной информационно-репродуктивной модели работы с текстом к проблемно-ценностной. Это достигается при «...реализации ценностно-ориентированного подхода в методике преподавания иностранных языков» [13, с. 548].

Ориентация на фигуру В. И. Даля, значимую для ЛНР, позволяет обеспечить содержательную преемственность между общекультурным (российским) и локальным (региональным) уровнями идентичности, что особенно актуально в условиях современных социокультурных вызовов, затрагивающих Донбасс. Для будущего учителя иностранного языка такая преемственность проявляется в способности одновременно говорить от имени «большой» культуры (России) и от имени «малой родины» (Луганского региона), используя инструментарий французского языка.

Заключение. Регионализация содержания педагогического иноязычного образования в ЛНР – стратегически важное направление. Оно призвано формировать у будущих учителей иностранных языков в ЛНР не только профессиональные компетенции, но и ценностные ориентации, основанные на российском патриотизме, уважении к истории и культуре, а также на желании развивать свой регион. Для достижения этих целей необходима методическая работа, основанная на аксиологическом [14, с. 12–13] и герменевтическом подходах [15]. Это позволит эффективно интегрировать региональный компонент в учебный процесс, воспитывая учителей – патриотов своей страны и региона. Таким образом, обеспечивается устойчивое развитие образовательного пространства ЛНР и его связь с общероссийским культурным и ценностным пространством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gritskova N. V. Shortage of highly qualified staff in teaching foreign languages: the role of the value attitude towards the profession / N. V. Gritskova // Society, science, practice: Материалы VII Международной научно-практической конференции, Москва, 08 июля 2025 года. – Р. 91–98. – DOI 10.26118/8543.2025.77.31.033. – EDN JINFDZ.
2. Бакурова Е. Н. Региональный компонент содержания обучения иностранному языку / Е. Н. Бакурова // Научные известия. – 2021. – № 22. – С. 7–15. – DOI 10.34905/PC.2021.97.98.007. – EDN OLVILN.
3. Постмодернизм как доминанта развития системы образования в США и России / Т. Н. Бокова, В. Г. Малахова, Е. Г. Тарева [и др.]. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Языки Народов Мира», 2020. – 224 с. – ISBN 978-5-89191-098-0. – EDN UQFOYQ.
4. Гришина Т. А. Роль иноязычного образования в формировании духовно-нравственных ценностей обучающихся педагогических вузов исторических регионов Российской Федерации / Т. А. Гришина // Проблемы иноязычного образования: традиции, инновации и перспективы : Материалы I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Воронеж, 04–05 декабря 2024 года. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2025. – С. 454–457. – EDN DRWDAT.
5. Грицкова Н. В. Лингворегиональный подход к обучению французскому языку (на материале ЛНР): аксиологическая составляющая / Н. В. Грицкова // Казанская наука. – 2025. – № 11. – С. 86–88.
6. Новогоднее настроение в ДонГТУ! // URL: <https://dontu.ru/news.php?id=4790>
7. С 1 сентября в ЛГПУ стартуют курсы русского языка для студентов из Африки // URL: https://vk.com/wall-139199969_168703

8. Монакова С. И. Личностное развитие учащихся через иноязычное образование: культура через язык, язык через культуру / С. И. Монакова, И. А. Бобыкина // Новые результаты образования как основа проектирования субъектно-развивающего обучения: Научное издание. Сборник научных статей. – Челябинск: ООО «Печатный двор», 2025. – С. 61–65. – EDN VGMYYCC.
9. Парникова Г. М. Регионально-этнический подход к иноязычному образованию / Г. М. Парникова. – Якутск: ИП Стручков В. Г. Издательство «Сахаада», 2018. – 49 с. – ISBN 978-5-905228-31-5. – EDN YOSZ XV.
10. Штец А. А. Региональный компонент в современном Российском образовании / А. А. Штец // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – № 67–2. – С. 291–295. – EDN SABMPF.
11. Понасенко А. В. Литературные экскурсии как инструмент интеграции регионального компонента в образовательный процесс: методические аспекты и педагогический потенциал / А. В. Понасенко // Образование Луганщины: теория и практика. – 2025. – № 1(42). – С. 11–15. – EDN QXOYSN.
12. Грицкова Н. В. Регионализация содержания педагогического иноязычного образования в ЛНР как фактор консолидации общества в новом субъекте Российской Федерации / Н. В. Грицкова // Донецкие чтения – 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы X Международной научной конференции, посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра, Донецк, 5–7 ноября 2025 года. – Том 6: Педагогические науки. Часть 3 / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2025. – С. 64–67.
13. Грицкова Н. В. Наставничество как инструмент реализации ценностно-ориентированного подхода в методике преподавания иностранных языков / Н. В. Грицкова // Проблемы общества, науки и образования в условиях геополитической турбулентности: материалы международной научно-практической конференции, Казань, 5–8 июля 2025 года. / отв. ред. А. В. Фахрутдинова. – Казань: Издательство Казанского университета, 2025. – С. 545–549.
14. Перспективы комплексного развития новых территорий России в контексте социально-экономического роста: / Л. А. Грицай, Н. В. Грицкова, Ю. Ю. Мельничук [и др.]. – Санкт-Петербург: Научные технологии, 2025. – 90 с. – ISBN 978-5-907946-93-4. – EDN TRKKOH.
15. Gritskova N. V. The hermeneutic approach in foreign language teacher training: forming of the value position / N. V. Gritskova // Education and practice in the context of modern science: Proceedings of the International Science Conference, Delhi, 16 июля 2025 года. – Delhi: Scientific publishing house Infinity, 2025. – P. 95–100. – DOI 10.34660/INF.2025.98.66.124. – EDN ZOBLAC.

REFERENCES

1. Gritskova N. V. (2025) Shortage of highly qualified staff in teaching foreign languages: the role of the value attitude towards the profession / *Society, science, practice: VII International Scientific and Practical Conference*, Moscow, July 08, 2025. – P. 91–98. – doi: 10.26118/8543.2025.77.31.033. – EDN JINFDZ. (In English)
2. Bakurova E. N. (2021) [Regional component of the content of teaching a foreign language]. *Nauchnye izvestiya = Scientific News*. 22, 7–15. – doi: 10.34905/PC.2021.97.98.007. – EDN OLWILN. (In Russian)
3. Postmodernism as the dominant factor in the development of the education system in the USA and Russia (2020) T. N. Bokova, V. G. Malakhova, E. G. Tareva [et al.]. Moscow: Languages of the Peoples of the World LLC. 224 p. ISBN 978-5-89191-098-0. EDN UQFOYQ. (In Russian)
4. Grishina T. A. (2025) The role of foreign language education in the formation of spiritual and moral values of students of pedagogical universities in the historical regions of the Russian Federation / *Problems of foreign language education: traditions, innovations and prospects: Proceedings of the I All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation*, Voronezh, December 04–05, 2024. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University. P. 454–457. – EDN DRWDAT. (In Russian)
5. Gritskova N. V. (2025) [Linguo-regional approach to teaching French (based on the materials of the LPR): axiological component]. *Kazanskaya Nauka = Kazan Science*. 11, 86–88. – EDN CQVOOP. (In Russian)
6. New Year mood at DonSTU! (2025). Retrieved from: <https://dontu.ru/news.php?id=4790> (date of application: 29.12.2025). (In Russian)
7. V Kontakte (2025). *Russian language courses for students from Africa to start at LSPU on September 1*. Retrieved from: https://vk.com/wall-139199969_168703 (date of application: 29.12.2025). (In Russian)
8. Moniakova S. I., Bobykina I. A. (2025) Personal development of students through foreign language education: culture through language, language through culture. In: *New results of education as a basis for designing subject-developing learning: Scientific publication. Collection of scientific articles*. Chelyabinsk: Pechatny Dvor LLC. P. 61–65. – EDN VGMYYCC. (In Russian)

9. Parnikova G. M. (2018) *Regional-ethnic approach to foreign language education*. Yakutsk: Individual Entrepreneur V. G. Struchkov, Sakhaada Publishing House. 49 p. ISBN 978-5-905228-31-5. – EDN YOSZXV. (In Russian)
10. Shtets A. A. (2020) [Regional component in modern Russian education]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia = Problems of Modern Pedagogical Education*. 67–2, 291–295. – EDN SABMPF. (In Russian)
11. Ponasenko A. V. (2025) [Literary excursions as a tool for integrating the regional component into the educational process: methodological aspects and pedagogical potential]. *Obrazovanie Luganshchiny: teoriia i praktika = Education of Lugansk Region: Theory and Practice*. 1(42), 11–15. – EDN QXOYSN. (In Russian)
12. Gritskova N. V. (2025) Regionalization of the content of pedagogical foreign language education in the LPR as a factor of consolidation of society in the new subject of the Russian Federation In: *Donetsk Readings – 2025: education, science, innovations, culture and challenges of modernity*: Proceedings of the X International Scientific Conference dedicated to the 60th anniversary of the Donetsk Scientific Center, Donetsk, November 5–7, 2025. Vol. 6: Pedagogical Sciences. Part 3 / general ed. Prof. S. V. Bupalova. Donetsk: Donetsk State University Publishing House. P. 64–67. – EDN RZJGZG. (In Russian)
13. Gritskova N. V. (2025) Mentoring as a tool for implementing a value-oriented approach in the methodology of teaching foreign languages In: *Problems of society, science and education in the context of geopolitical turbulence*: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Kazan, July 5–8, 2025 / ed. A. V. Fakhrudinova. Kazan: Kazan University Publishing House. P. 545–549. – EDN NEXIVJ. (In Russian)
14. Prospects for the integrated development of the new territories of Russia in the context of socio-economic growth (2025) / L. A. Gritsai, N. V. Gritskova, Yu. Yu. Melnichuk [et al.]. Saint Petersburg: Science-intensive Technologies. 90 p. ISBN 978-5-907946-93-4. – EDN TRKKOH. (In Russian)
15. Gritskova N. V. (2025) The hermeneutic approach in foreign language teacher training: forming of the value position / *Education and practice in the context of modern science*: Proceedings of the International Science Conference, Delhi, July 16, 2025. – P. 95–100. – doi 10.34660/INF.2025.98.66.124. – EDN ZOBLAC. (In English)

REGIONAL METHODOLOGICAL CONTEXT AS A RESOURCE FOR FORMING A VALUE-BASED ATTITUDE TOWARDS THE FOREIGN LANGUAGE TEACHERS' ACTIVITY (BASED ON THE MATERIAL OF THE LUGANSK PEOPLE'S REPUBLIC)

N. V. Gritskova

The article is devoted to the use of the regional methodological context of the Lugansk People's Republic in the training of foreign language teachers. The tasks of integrating the regional component into the academic discipline "Practice of Oral and Written French" are defined. The methodological potential of the lexical topic "Sur les faits peu connus de la vie de Vladimir Dahl" (based on the French language) is presented. The integration of the regional component into the educational process contributes to educating a foreign language teacher as a patriot of his or her country and home region.

Key words: regional component, value-based attitude, lexical topic, foreign language teacher, teaching methodology.

Поступила в редакцию 27.03.2026 г.

Грицкова Наталья Викторовна

Кандидат педагогических наук, доцент,
Доцент кафедры романо-германской филологии,
ФГБОУ ВО «Луганский государственный
педагогический университет», г. Луганск, ЛНР, РФ.
E-mail: interpreter912@mail.ru

Gritskova Nataliia Viktorovna

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate
Professor,
FSBEI HE "Lugansk State Pedagogical University",
Lugansk, LPR, RF.
E-mail: interpreter912@mail.ru

ВЫЯВЛЕНИЕ РОЛЕВЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ИНЖЕНЕРНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ПРОЕКТАХ

© 2026 *Е.И. Гумерова¹, Ю.В. Вайнштейн²*

¹ *ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет»*

² *ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»*

Статья посвящена проблеме организации инженерно-ориентированной проектной деятельности в обучении математике. Целью исследования является обоснование выявления ролевых предпочтений обучающихся как этапа организации инженерно-ориентированных математических проектов. Показано, что результаты опросника могут использоваться в качестве методического основания для распределения профессионально-деятельностных ролей и планирования их последующей ротации. Приведены примеры интерпретации диагностических результатов и их методического использования при организации инженерно-ориентированных проектов по математике.

Ключевые слова: инженерно-ориентированный математический проект; проектная деятельность; ролевые предпочтения обучающихся; диагностика; обучение математике.

Введение. В условиях цифровой трансформации общего образования и усиления ориентации школы на практико-ориентированные результаты особую значимость приобретает проектная деятельность обучающихся, представляющая собой средство интеграции предметных знаний, метапредметных умений и профессиональных проб. В системе обучения математике проектная деятельность все чаще используется как форма организации учебного процесса, позволяющая связать математическое содержание с решением прикладных задач, моделированием и анализом реальных ситуаций [1, 2]. В этом контексте особое внимание исследователей привлекают инженерно-ориентированные проекты, в которых математика выступает инструментом обоснования и оптимизации проектных решений [3, 4].

Современные исследования свидетельствуют о росте интереса к проблематике STEM-образования и междисциплинарной интеграции, в рамках которых подчеркивается роль математики как базового компонента инженерной подготовки школьников [3–5]. Зарубежные авторы отмечают, что включение обучающихся в проектную деятельность инженерной направленности способствует развитию инженерного мышления, формированию навыков анализа, моделирования и аргументации, а также повышает осознанность образовательного выбора [3, 4]. В российских исследованиях проектная деятельность рассматривается как важный механизм обновления содержания образования и средство формирования функциональной и математической грамотности обучающихся [6–8].

В то же время анализ научных публикаций показывает, что при организации проектной деятельности в школьной практике недостаточное внимание уделяется этапу распределения ролей между обучающимися. Как правило, распределение ролей осуществляется педагогом или учащимися, без опоры на диагностические данные, что может приводить к неравномерной включенности обучающихся в деятельность и снижению образовательного эффекта проекта [2, 9]. Особенно остро данная проблема проявляется в инженерно-ориентированных математических проектах, где успешность выполнения задач во многом зависит от степени соответствия выполняемой роли индивидуальным предпочтениям и возможностям обучающихся.

В работах [10, 11] рассматриваются методические аспекты реализации инженерно-ориентированной проектной деятельности по математике, а также ее потенциал в контексте ранней профессионализации школьников. Показано, что включение обучающихся в проекты инженерной направленности способствует формированию устойчивого интереса к инженерным профессиям и осмыслению роли математики в будущей профессиональной деятельности. Вместе с тем проблема выявления ролевых предпочтений обучающихся как самостоятельного этапа организации инженерно-ориентированного математического проекта до настоящего времени специально не анализировалась.

Таким образом, возникает противоречие между необходимостью педагогически обоснованного распределения ролей в инженерно-ориентированном математическом проекте и отсутствием методически обоснованных диагностических процедур, интегрированных в структуру инженерно-ориентированного математического проекта. Разрешение данного противоречия предполагает рассмотрение диагностики не как внешнего по отношению к проекту элемента, а как значимого этапа его организации.

Целью статьи является обоснование выявления ролевых предпочтений обучающихся как необходимого этапа организации инженерно-ориентированных математических проектов.

Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи: анализируются современные подходы к организации проектной деятельности в обучении математике; определяется место этапа выявления ролевых предпочтений в структуре инженерно-ориентированного проекта; характеризуются основные требования к этапу выявления ролевых предпочтений и возможности использования его результатов в образовательной практике.

Основная часть. Проектная деятельность в обучении математике в последние годы рассматривается как эффективное средство реализации практико-ориентированного и деятельностного подходов, обеспечивающее связь учебного содержания с решением реальных и приближенных к профессиональной практике задач [1, 2]. В рамках инженерно-ориентированных проектов математика выполняет функцию инструмента анализа, моделирования и обоснования проектных решений, что позволяет обучающимся осмыслить ее прикладное значение и место в инженерной деятельности [3, 4]. При этом успешность проектной деятельности во многом определяется не только содержанием задач, но и особенностями организации совместной работы обучающихся.

Коллективный характер инженерно-ориентированных математических проектов предполагает распределение между участниками различных профессионально-деятельностных ролей, отражающих специфику инженерной практики. В научных исследованиях подчеркивается, что осознанная организация совместной проектной деятельности обучающихся, включающая распределение функций и ответственности, способствует повышению ответственности обучающихся за результат совместной деятельности, развитию коммуникативных и организационных умений, а также формированию метапредметных компетенций [9, 12]. Вместе с тем в школьной практике распределение ролей нередко осуществляется формально, без учета индивидуальных склонностей и образовательных потребностей обучающихся, что снижает потенциал проектной деятельности как средства обучения и профессиональной ориентации.

В контексте ранней профессионализации школьников особую значимость приобретает соответствие выполняемой роли интересам и возможностям

обучающегося. Как показывают исследования, включение обучающихся в профессионально ориентированные виды деятельности на ранних этапах обучения способствует формированию устойчивых профессиональных намерений и осмысленного отношения к выбору образовательной траектории [10, 11]. Однако для реализации данного потенциала требуется создание педагогических условий, обеспечивающих осознанное участие обучающихся в проекте, одним из которых является выявление их ролевых предпочтений.

Выявление ролевых предпочтений обучающихся целесообразно рассматривать как самостоятельный этап организации инженерно-ориентированного математического проекта, предшествующий распределению ролей и началу основной проектной деятельности. Данный этап направлен на получение информации о склонностях обучающихся к выполнению различных видов проектных действий, включая аналитические, конструкторские, организационные и коммуникативные. В отличие от традиционных профориентационных методик, диагностика ролевых предпочтений в рамках математического проекта ориентирована не на выявление профессиональных намерений в целом, а на определение готовности и интереса обучающихся к выполнению конкретных функций в проектной деятельности.

Методически обоснованная диагностика ролевых предпочтений позволяет решить ряд задач, значимых для организации инженерно-ориентированного проекта: способствовать равномерному распределению проектных функций между участниками и снижению риска перегрузки отдельных обучающихся; результаты диагностики могут использоваться для повышения осознанности выбора роли, что положительно отражается на мотивации и включенности обучающихся в деятельность [9, 6]. Этап выявления ролевых предпочтений создает условия для последующей ротации ролей и расширения проектного опыта обучающихся.

Требования к диагностическому инструменту, используемому на данном этапе, определяются спецификой инженерно-ориентированного математического проекта. Такой инструмент должен учитывать, с одной стороны, особенности математической подготовки обучающихся и их готовность к выполнению аналитических и моделирующих действий, а с другой – интерес к различным видам проектной деятельности, включая организацию работы, взаимодействие в группе и презентацию результатов. В этом смысле диагностика ролевых предпочтений может опираться на принципы, используемые при разработке диагностических материалов и оценке образовательных результатов и критерии, связанные с функциональной и математической грамотностью обучающихся [6–8].

Предлагаемый в работе диагностический инструмент применялся в рамках реализации инженерно-ориентированного математического проекта с обучающимися 9–10 классов ($N=30$) МАОУ СОШ №211 им. Л.И. Сидоренко города Новосибирска в условиях внеурочной деятельности. Проект реализовывался в групповой форме и предполагал распределение профессионально-деятельностных ролей между участниками.

Анализ результатов диагностики позволил выделить преобладающие типы ролевых предпочтений обучающихся, связанные с различными способами включения в проектную деятельность. На основе полученных данных осуществлялось первичное распределение профессионально-деятельностных ролей в проектных группах с учетом необходимости их функциональной сбалансированности. В частности, при формировании групп обеспечивалось присутствие обучающихся, ориентированных на аналитическую работу, визуально-конструкторские действия, организацию

взаимодействия и представление результатов, что позволило избежать одностороннего распределения функций внутри группы.

Опыт реализации инженерно-ориентированных математических проектов показывает, что включение этапа выявления ролевых предпочтений в структуру проекта позволяет повысить его образовательную эффективность и создать условия индивидуализации участия обучающихся. В частности, результаты диагностики могут использоваться не только для первичного распределения ролей, но и для анализа ролевых траекторий обучающихся в ходе проекта, а также для рефлексии полученного опыта. Таким образом, выявление ролевых предпочтений выступает важным методическим элементом организации инженерно-ориентированного математического проекта, обеспечивающим согласование целей обучения, содержания проектной деятельности и индивидуальных особенностей обучающихся.

В рамках настоящего исследования этап выявления ролевых предпочтений рассматривался как составная часть организации инженерно-ориентированного математического проекта, предшествующая распределению ролей и началу основной проектной деятельности. При разработке диагностического инструмента в качестве методологической базы выступали положения деятельностного и проектного подходов, согласно которым образовательный результат определяется характером выполняемой деятельности и степенью осознанного включения обучающихся в ее реализацию. В связи с этим опросник был разработан как инструмент, позволяющий соотнести индивидуальные особенности обучающихся с профессионально-деятельностными ролями, востребованными в проекте.

Содержательно опросник строился как система тематических блоков, отражающих различные аспекты проектной деятельности: способы вхождения в математическую задачу, отношение к неопределенности и поиску решения, предпочтительный тип ответственности, характер взаимодействия с математическим материалом, а также готовность к смене функций в ходе проекта. Такой подход позволил связать диагностируемые характеристики с профессионально-деятельностными ролями, востребованными в инженерно-ориентированном математическом проекте, и обеспечить методическую интерпретацию полученных данных. Примеры интерпретации диагностических результатов и их использование при организации проектной деятельности представлены в таблице 1.

Таблица 1

Интерпретация диагностических результатов выявления ролевых предпочтений обучающихся в инженерно-ориентированном математическом проекте

Блок диагностических утверждений	Пример формулировок (фрагмент опросника)	Логика интерпретации результатов	Методический эффект
Способ вхождения в математическую задачу	Приступая к проектной задаче, мне важно: а) понять математическую модель; б) увидеть будущий объект; в) обсудить решение с другими; г) спланировать этапы работы	Доминирующий вариант отражает предпочтительный способ включения в деятельность (аналитический, визуально-конструкторский, коммуникативный, организационный)	Основание для первичного распределения профессионально-деятельностных ролей
Отношение к неопределенности и поиску решения	Мне комфортнее работать, когда: а) есть четкий алгоритм;	Фиксируется готовность к работе в условиях проектной	Подбор уровня сложности проектных задач и

	б) можно искать разные варианты; в) решение вырабатывается в группе	неопределенности, характерной для инженерных задач	степени самостоятельности
Предпочтительный тип ответственности	В проекте мне важнее отвечать за: а) расчеты и обоснования; б) целостность решения; в) координацию действий; г) представление результата	Ответы позволяют соотнести обучающихся с функциональными ролями проекта без жесткого закрепления	Формирование функционально сбалансированных проектных групп
Характер взаимодействия с математическим материалом	Математика в проекте для меня – это: а) инструмент доказательства; б) средство проверки идеи; в) способ объяснить решение другим	Выявляется характер использования математических знаний в проектной деятельности	Определение роли математики в индивидуальной проектной траектории
Готовность к смене функций	Мне интересно попробовать себя в разных ролях в ходе проекта	Фиксируется установка на ролевую ротацию и расширение опыта	Планирование смены ролей на последующих этапах проекта

Разработанный опросник используется для методически обоснованного распределения проектных функций и планирования ролевой ротации обучающихся в ходе реализации инженерно-ориентированного математического проекта. Вопросы формулировались в деятельностной логике и предполагали выбор вариантов, отражающих различные типы проектных действий. Полученные результаты не интерпретировались как основания для жесткого закрепления ролей, а рассматривались как методический ориентир для первичного распределения функций в проекте и последующей ролевой ротации.

Интерпретация результатов осуществлялась на основе доминирования определенных типов ответов по каждому блоку, что позволило выявить индивидуальные ролевые предпочтения обучающихся без использования балльной оценки и тестовой нормировки результатов. Сбор и первичная обработка диагностических данных осуществлялись в цифровом формате с использованием электронных таблиц, что обеспечило наглядность представления результатов, возможность их сопоставления и принятие методических решений при распределении и последующей ротации ролей. Такой подход согласуется с положениями деятельностного и проектного подходов в образовании и не противоречит существующим представлениям о профессиональных пробах и ранней профессионализации, при этом адаптируя их к задачам обучения математике в инженерном контексте.

Заключение. Проведенное исследование позволило обосновать выявление ролевых предпочтений обучающихся как значимого этапа организации инженерно-ориентированных математических проектов. Показано, что включение предлагаемого этапа в структуру проектной деятельности создает условия для обоснованного распределения профессионально-деятельностных ролей, повышения мотивации обучающихся и равномерного включения участников в совместную работу. Кроме того, учет ролевых предпочтений обучающихся способствует более осознанному применению математических знаний в проектной деятельности, что отражается в характере выполняемых расчетных, аналитических и моделирующих действий.

Разработанный в исследовании диагностический инструмент ориентирован на выявление предпочтительных способов включения обучающихся в инженерно-ориентированную математическую деятельность и принципиально отличается от традиционных профориентационных и психологических методик. Его содержание и логика интерпретации результатов основаны на деятельностном и проектном подходах и направлены на получение педагогически значимой информации, необходимой для организации учебного проекта, а не на типологизацию личности обучающихся. Это обеспечивает методическую корректность использования опросника в условиях обучения математике.

Анализ педагогических наблюдений и результатов организации проектной деятельности свидетельствует о том, что учет ролевых предпочтений обучающихся способствует формированию функционально сбалансированных проектных групп и повышает эффективность проектной деятельности. Использование данных диагностики не только на этапе первичного распределения ролей, но и при планировании их последующей ротации позволяет расширить проектный опыт обучающихся и создать условия для индивидуализации образовательных траекторий.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования предложенного этапа выявления ролевых предпочтений в системе урочной и внеурочной деятельности по математике при организации инженерно-ориентированных проектов различной тематики. Представленный подход может быть адаптирован к условиям основной и старшей школы, а также использован при разработке методических материалов для учителей математики.

Перспективы дальнейших исследований связаны с развитием диагностического инструментария, цифровых процедур анализа диагностических данных, включая обработку средствами электронных таблиц и автоматизацию интерпретации результатов, а также изучением ролевых траекторий обучающихся в процессе реализации инженерно-ориентированных математических проектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Евстифеева, Т.В. Организация проектно-исследовательской деятельности в процессе обучения математике / Т.В. Евстифеева, А.И. Стаценко // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2025. – Т. 9, № 2(34). – С. 265-274.
2. Коптева, М.В. Организация проектной деятельности в условиях цифровой информационно-образовательной среды // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2022. – № 4(297). – С. 57-61.
3. Goos M., Carreira S., Namukasa I. K. Mathematics and interdisciplinary STEM education: recent developments and future directions // ZDM Mathematics Education. – 2023. – Vol. 55. – P. 1199–1217. – DOI: 10.1007/s11858-023-01533-z.
4. English L. D. Ways of thinking in STEM-based problem solving // ZDM Mathematics Education. – 2023. – Vol. 55. – P. 1219–1230. – DOI: 10.1007/s11858-023-01474-7.
5. Just J., Siller H.-S. The role of mathematics in STEM secondary classrooms: a systematic literature review // Education Sciences. – 2022. – Vol. 12. – Art. 629. – DOI: 10.3390/educsci12090629.
6. Ковалева, Г.С. Функциональность проекта «Мониторинг формирования функциональной грамотности обучающихся» / Г.С. Ковалева, Н.И. Колачев // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2023. – Т. 2, № S1(90). – С. 9-32.
7. Рутковская, Е.Л. Критериально-уровневый подход к разработке учебно-диагностических материалов для формирования финансовой грамотности / Е.Л. Рутковская, А.А. Козлова, Н.И. Колачев // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2023. – Т. 2, № S1(90). – С. 65-87.
8. Рослова, Л.О. Критерии для разработки заданий, предназначенных для формирования и оценки математической грамотности / Л.О. Рослова, Е.С. Квитко, И.И. Карамова // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2023. – Т. 2, № S1(90). – С. 51-64.

9. Обухов, А.С. Исследовательская и проектная деятельность учащихся в современной России: перспективная рефлексия // Исследователь/Researcher. – 2023. – № 1-2(41-42). – С. 18-34.
10. Гумерова Е.И., Вайнштейн Ю.В. Проектная деятельность по математике как средство ранней профессионализации школьников в инженерной сфере // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. – 2025. – № 3(73). – С. 5–17.
11. Гумерова Е.И., Вайнштейн Ю.В. Первые шаги в инженерии: ранняя профессионализация школьников через проектную деятельность при обучении математике // Новые образовательные стратегии в открытом цифровом пространстве: материалы науч.-практ. конф. – СПб.: РГПУ, 2025. – С. 195–202.
12. Данилаев, Д.П. Эволюция инженерной педагогики: основания и три измерения / Д.П. Данилаев, Н.Н. Маливанов // Высшее образование в России. – 2021. – Т. 30, № 11. – С. 125-138.

REFERENCES

1. Evstafieva T.V. & Statsenko A.I. (2025) [Organization of design and research activities in the process of teaching mathematics] *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Gumanitanyie I obschestvennyye nauki = Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences.* 2(34), 265-274. (In Russian)
2. Kopteva, M.V. (2022) [Organization of project activities in the digital information and educational environment]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Proceedings of Voronezh State Pedagogical University.* 4(297), 57–61. (In Russian).
3. Goos, M., Carreira, S. & Namukasa, I.K. (2023) Mathematics and interdisciplinary STEM education: recent developments and future directions. *ZDM Mathematics Education* 55, 1199–1217, doi: 10.1007/s11858-023-01533-z.
4. English, L.D. (2023) Ways of thinking in STEM-based problem solving. *ZDM Mathematics Education* 55, 1219–1230, doi: 10.1007/s11858-023-01474-7.
5. Just, J. & Siller, H.-S. (2022) The role of mathematics in STEM secondary classrooms: a systematic literature review. *Education Sciences* 12, article 629, doi: 10.3390/educsci12090629.
6. Kovaleva, G.S. & Kolachev, N.I. (2023) [Functionality of the project “Monitoring the formation of students’ functional literacy”]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika = Domestic and Foreign Pedagogy.* 2 (S1(90)), 9–32. (In Russian).
7. Rutkovskaya, E.L., Kozlova, A.A. & Kolachev, N.I. (2023) [Criterion-level approach to developing educational diagnostic materials for the formation of financial literacy]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika = Domestic and Foreign Pedagogy.* 2 (S1(90)), 65–87. (In Russian).
8. Roslova, L.O., Kvitko, E.S. & Karamova, I.I. (2023) [Criteria for developing tasks designed to form and assess mathematical literacy]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika = Domestic and Foreign Pedagogy.* 2 (S1(90)), 51–64. (In Russian).
9. Obukhov, A.S. (2023) [Research and project activities of students in contemporary Russia: a prospective reflection]. *Issledovatel'/Researcher = Researcher.* 1–2(41–42), 18–34. (In Russian).
10. Gumerova, E.I. & Vainshtein, Yu.V. (2025) [Project activity in mathematics as a means of early professionalization of school students in the engineering sphere]. *Vestnik KGPU im. V.P. Astaf'eva = Bulletin of KSPU named after V.P. Astafiev.* 3(73), 5–17. (In Russian).
11. Gumerova, E.I. & Vainshtein, Yu.V. (2025) [First steps in engineering: early professionalization of school students through project-based activity in mathematics education]. In: *Novye obrazovatel'nye strategii v otkrytom tsifrovom prostranstve* [New educational strategies in an open digital space: Proceedings of the scientific and practical conference]. Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia, pp. 195–202. (In Russian).
12. Danilaev, D.P. & Malivanov, N.N. (2021) [Evolution of engineering pedagogy: foundations and three dimensions]. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia.* 30(11), 125–138. (In Russian).

IDENTIFYING STUDENTS' ROLE PREFERENCES IN ENGINEERING-ORIENTED MATHEMATICAL PROJECTS

E.I. Gumerova, Yu.V. Vainshtein

The article is devoted to the problem of organizing engineering-oriented project-based activities in mathematics education. The aim of the study is to substantiate the identification of students' role preferences as a stage in organizing an engineering-oriented mathematical project. It is shown that the results of the questionnaire

can be used as a methodological basis for assigning professional and activity-based roles and for planning their subsequent rotation during the project. Examples of interpreting diagnostic results and their methodological application in the organization of engineering-oriented mathematics projects are presented.

Key words: engineering-oriented mathematics project; project activity; students' role preferences; diagnostics; mathematics education

Поступила в редакцию 17.03.2026 г.

Гумерова Елена Игоревна

Ассистент кафедры инженерной математики,
ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный
технический университет», Новосибирск, РФ.
E-mail: elena.gumerova30@gmail.com

Gumerova Elena Igorevna

Assistant of Department of Engineering
Mathematics, Novosibirsk State Technical
University, Russia, Novosibirsk.
E-mail: elena.gumerova30@gmail.com

Вайнштейн Юлия Владимировна

Доктор педагогических наук, профессор, профессор
кафедры прикладной математики и анализа данных,
ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»,
Красноярск, РФ.
E-mail: yweinstein@sfu-kras.ru

Vainshtein Yulia Vladimirovna

Doctor of Pedagogical Sciences, professor
Professor of Department of Applied Mathematics
and Data Analysis,
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.
E-mail: yweinstein@sfu-kras.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ УЧИТЕЛЕЙ ХИМИИ В ОБЛАСТИ РАЗВИТИЯ УЧЕБНО- ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ УМЕНИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ

© 2026 Н. Н. Коваль, Ю. А. Романенко

ГБОУ ДПО «Донецкий республиканский институт развития образования»

Статья посвящена проблеме совершенствования профессиональных компетенций учителей химии в области организации учебно-исследовательской деятельности обучающихся в контексте требований ФГОС основного и среднего общего образования. Цель исследования – рассмотреть аспекты подготовки педагогов в системе дополнительного профессионального образования. На основе анализа нормативной базы и научных подходов (деятельностного, развивающего, дидактического) обоснована необходимость интеграции учебно-исследовательской деятельности в урочную и внеурочную деятельность. Представлена разработанная дополнительная профессиональная программа повышения квалификации, направленная на формирование у учителей знаний и умений по конструированию исследовательских задач, использованию лабораторного эксперимента и проектированию «дорожных карт» учебно-исследовательской деятельности. Результатом реализации программы является готовность педагогов выступать в роли наставника и тьютора, способного эффективно развивать исследовательские умения школьников, что является ключевым фактором повышения качества естественно-научного образования и достижения технологического суверенитета России.

Ключевые слова: дополнительная профессиональная программа, курсы повышения квалификации, система дополнительного профессионального образования, учителя химии, учебно-исследовательская деятельность.

Введение. Актуальность данного исследования обусловлена системными требованиями Федеральных государственных образовательных стандартов основного общего и среднего общего образования (ФГОС ООО и ФГОС СОО), которые определяют учебно-исследовательскую деятельность (далее – УИД) как обязательный и стратегически значимый компонент современного образовательного процесса [1; 2].

На уровне основного общего образования (ФГОС ООО) УИД является обязательным инструментом для формирования основ исследовательской культуры обучающихся. ФГОС ООО определяет необходимость включения навыков участия в различных формах УИД в программу формирования универсальных учебных действий (далее – УУД), а также создания условий для накопления обучающимися опыта исследовательской деятельности как в рамках урочной, так и внеурочной деятельности [3]. Особое внимание уделяется формированию базовых исследовательских действий как части метапредметных результатов [4].

На уровне среднего общего образования (ФГОС СОО) требования к УИД углубляются и приобретают персонифицированный характер. Исследовательская и проектная деятельность становится ключевым элементом профилизации и самоопределения обучающихся, а индивидуальный проект вводится как обязательный компонент учебного плана и форма итоговой аттестации. Это требует от выпускников не простого следования алгоритму исследования, но и способности к самостоятельному, глубокому и методологически выверенному поиску методов решения практических задач [5].

УИД не является надстройкой к учебному процессу, это его системообразующий элемент, который комплексно формирует все группы образовательных результатов (личностные, метапредметные и предметные).

Таким образом, нормативные документы задают четкий вектор: учебно-исследовательская деятельность должна стать неотъемлемой частью образовательного процесса для каждого ученика.

Следовательно, актуальной становится проблема совершенствования профессиональных компетенций учителей естественно-научных предметов и, в частности, химии в области организации и методического сопровождения УИД. Учитель перестает быть лишь транслятором предметных знаний, трансформируясь в наставника и тьютора, способного эффективно интегрировать исследовательские задачи в изучение химии как на уроках, так и во внеурочной деятельности. Только высокий уровень владения современными методиками организации УИД позволит педагогу обеспечить достижение тех метапредметных результатов (критическое мышление, самостоятельность, готовность к познавательной деятельности), которые заложены в портрете выпускника ФГОС [1; 2].

Цель статьи – анализ сущности учебно-исследовательской деятельности и рассмотрение некоторых аспектов подготовки учителей химии в системе дополнительного профессионального образования к развитию учебно-исследовательских умений обучающихся в рамках образовательного процесса.

Основная часть. Учебно-исследовательская деятельность представляет собой многогранное понятие, трактовка которого варьируется в зависимости от акцентов, выдвигаемых в рамках различных научных подходов. Для целей совершенствования профессиональных компетенций учителей химии и обеспечения соответствия требованиям ФГОС ООО и ФГОС СОО, рассмотрим УИД через призму деятельностного, развивающего и дидактического подходов.

1. Деятельностный подход или учебно-исследовательская деятельность как модель научного поиска.

С позиции деятельностного подхода (опирающегося на идеи А.В. Леонтовича), УИД – это особая форма организации образовательного процесса, подчиненная логике научного исследования [6-8].

Ключевые характеристики УИД с точки зрения деятельностного подхода:

- УИД строго следует этапам научного поиска: от постановки вопроса и выдвижения гипотезы до анализа данных и представления результатов.

- В процессе УИД происходит активное применение методов научного познания (наблюдение, эксперимент, моделирование), что особенно актуально для предмета химии.

- Главным продуктом УИД является получение знания, нового лично для обучающегося, что обеспечивает глубокое осмысление предметного материала.

На уровне ФГОС ООО это напрямую связано с требованием освоения алгоритма исследования: от постановки вопроса до представления результата.

2. Развивающий подход или учебно-исследовательская деятельность как средство формирования метапредметных результатов.

Развивающий подход фокусируется на УИД как на целенаправленной, рефлексивной познавательной деятельности, ориентированной на формирование исследовательской компетентности и комплекса метапредметных умений (УУД) (позиции А.С. Обухова, И.А. Зимней) [9-12].

Ключевые характеристики УИД с точки зрения развивающего подхода:

- Ценность УИД заключается в приобретении навыков самоконтроля, критического мышления и работы с информацией, а не только в получении готового результата, то есть акцент делается на процессе.

- В ходе УИД происходит формирование у обучающихся исследовательской позиции, стимулирование любознательности, инициативности и способности к самостоятельному поиску.

- УИД обеспечивает достижение метапредметных результатов, включая базовые исследовательские действия, закрепленные ФГОС.

На уровне ФГОС СОО это критически важно для выполнения требования владения навыками познавательной, учебно-исследовательской и проектной деятельности в рамках индивидуального проекта.

3. Дидактический подход или учебно-исследовательская деятельность как решение проблемной задачи.

С дидактической точки зрения (связанной с теорией проблемного обучения), УИД – это интеллектуально-творческая деятельность, основанная на поиске, направленном на познание закономерностей через решение учебно-познавательных задач проблемного характера.

Ключевые характеристики УИД с точки зрения дидактического подхода:

- УИД инициируется проблемной ситуацией, которую невозможно разрешить прямым применением имеющихся знаний.

- Познавательный интерес выступает главным двигателем образовательного процесса.

- Результатом УИД является не только знание, но и приобретение способа самостоятельного получения этого знания.

На практике реализация требований ФГОС требует от учителя синтезирующего подхода. Учебно-исследовательская деятельность в преподавании химии – это специально организованный процесс, который:

- Осваивает логику научного познания (деятельностный аспект).

- Решает проблемные задачи на основе внутреннего познавательного интереса (дидактический аспект).

- Приводит к формированию устойчивых метапредметных умений и исследовательской позиции (развивающий аспект).

Современная профессиональная компетенция учителя химии в области УИД должна носить комплексный характер. Она формируется на стыке:

- понимания общих образовательных парадигм (компетентностный подход) [10];

- владения методологией исследовательской деятельности [7; 8; 11; 12];

- глубокого знания предметных возможностей химии для реализации УИД [13; 14];

- умения выстраивать педагогическое взаимодействие и создавать условия для исследования [15-17];

- готовности использовать цифровые инструменты и учитывать межпредметный контекст [18-21].

Таким образом, совершенствование компетенций учителя химии должно быть направлено на овладение методиками, позволяющими интегрировать все три аспекта УИД (деятельностный, развивающий и дидактический подходы), обеспечивая переход от простого следования алгоритму (уровень ООО) к самостоятельному, методологически выверенному исследованию (уровень СОО).

Дополнительная профессиональная программа повышения квалификации (далее – ДПП ПК) «Развитие учебно-исследовательских умений обучающихся при изучении

химии в рамках урочной и внеурочной деятельности» разработана авторским коллективом с целью совершенствования профессиональных компетенций учителей химии. Основные компоненты программы включают два ключевых направления: организацию учебно-исследовательской деятельности на уроках химии и реализацию аналогичных процессов во внеурочное время.

Срок освоения ДПП ПК – 44 часа, форма реализации – очно-заочная, категория слушателей: учителя химии общеобразовательных организаций, реализующих программы основного и среднего общего образования.

Исследование было организовано на базе Государственного бюджетного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования «Донецкий республиканский институт развития образования» (ГБОУ ДПО «ДОНРИО»). В педагогическом эксперименте приняли участие 25 учителей химии, что обеспечило репрезентативность полученных данных. В конце обучения педагоги приняли участие в анкетировании для оценки курса повышения квалификации.

Остановимся более подробно на описании содержания ДПП ПК «Развитие учебно-исследовательских умений обучающихся при изучении химии в рамках урочной и внеурочной деятельности».

По завершении освоения ДПП ПК учителя химии смогут продемонстрировать следующие профессиональные компетенции:

- Владение нормативно-правовой базой, регламентирующей организацию учебно-исследовательской деятельности (УИД) обучающихся.
- Применение методических основ организации УИД в рамках уроков химии.
- Учет специфики организации УИД во внеурочной деятельности по предмету.
- Навык конструирования учебно-исследовательских задач различных типов.
- Способность к организации УИД с использованием лабораторного эксперимента и теоретических методов исследования.
- Умение проектировать «дорожную карту» (поэтапный план) организации учебно-исследовательской деятельности обучающихся.

ДПП ПК учителей химии включает три основных содержательных модуля: «Развитие умений учебно-исследовательской деятельности обучающихся как одна из приоритетных задач Федеральных государственных образовательных стандартов основного и среднего общего образования», «Специфика организации учебно-исследовательской деятельности обучающихся на уроках химии», «Специфика организации учебно-исследовательской деятельности обучающихся на внеурочных занятиях».

ДПП ПК основана на современных нормативных документах российского образования, таких как Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС), приказы Минпросвещения России и профессиональный стандарт педагога. Особое внимание уделяется роли учебно-исследовательской деятельности в достижении предметных, метапредметных и личностных образовательных результатов обучающихся.

Кроме нормативной составляющей, педагоги в ходе обучения получали представление о методологических аспектах организации учебно-исследовательской деятельности, включая специфику постановки целей, задач и принципов планирования исследовательских проектов.

Особое значение было уделено разнообразию форм и методов организации учебно-исследовательской деятельности. Это позволит учителям гибко адаптироваться к различным условиям образовательного процесса и особенностям класса. Программа рассматривает применение лабораторных экспериментов, теоретических исследований,

разработку инфографики и цифровых образовательных ресурсов, а также проектирование дорожных карт организации учебно-исследовательской деятельности.

Отдельное внимание уделялось методологии организации исследовательских задач разного типа: экспериментального и теоретического. Педагоги осваивали техники конструирования таких задач, включая формулировку объекта, предмета, цели и гипотезы исследования.

В рамках реализации ДПП ПК педагоги знакомились с технологиями развивающего, личностно ориентированного и проблемного обучения, которые помогают создать благоприятные условия для раскрытия творческого потенциала ученика. Эти технологии способствуют формированию компетенции учителя в качестве наставника, способствующего успешному продвижению обучающихся в учебно-исследовательском проекте.

Итоговая аттестация проводилась в форме зачета и представляла собой комплексный подход к оценке достижений участников программы. Она была направлена на проверку приобретенных знаний и умений в организации учебно-исследовательской деятельности. Оценивались как общие педагогические компетенции, так и способность разрабатывать конкретные планы уроков и мероприятий, направленные на повышение мотивации и способности учеников к самостоятельной исследовательской работе. Результаты выходной диагностики зафиксировали значительное повышение профессиональной компетентности педагогов – средний показатель образовательного прироста составил 12%, что подтверждает эффективность разработанной программы.

Проанализировав обратную связь участников курса повышения квалификации, полученную через анкетирование, были выявлены следующие тенденции.

Абсолютное большинство слушателей (86,7%) подтвердили полное соответствие тематики курса их профессиональным запросам, подчеркнув практическую ценность полученных знаний для повседневной педагогической деятельности. Оставшиеся 13,3% также отметили соответствие курса их интересам, однако указали на возможность усиления актуальности отдельных его аспектов.

Что касается ясности и полноты представленных материалов, 73,3% респондентов охарактеризовали информацию как исчерпывающую, четкую и хорошо иллюстрированную примерами. Еще 26,7% оценили материалы как понятные и достаточные, содержащие все необходимые детали.

Все без исключения педагоги (100%) отметили непосредственную применимость содержания курса в своей профессиональной деятельности.

В оценке общего качества курса подавляющее большинство – 93,3% – дали ему наивысшую оценку, описав его как исключительно качественный и значимый для профессионального развития. Оставшиеся 6,7% также дали высокую оценку, допустив при этом, что отдельные элементы программы могут быть усовершенствованы.

Реализованная в 2025 году ДПП ПК «Развитие учебно-исследовательских умений обучающихся при изучении химии в рамках урочной и внеурочной деятельности» получила высокую оценку педагогов. На основе анализа выполненных слушателями практических заданий и результатов итогового тестирования можно констатировать успешное освоение курса.

Полученные результаты анализа сущности УИД и реализации ДПП ПК открывают ряд направлений для дальнейшего изучения и практической апробации:

– Реализация новой дополнительной профессиональной программы повышения квалификации по теме «Развитие учебно-исследовательских умений обучающихся при

изучении предметов естественно-научного цикла в рамках урочной и внеурочной деятельности» с последующим изучением ее эффективности.

– Реализация новой дополнительной профессиональной программы повышения квалификации по теме «Современные подходы к развитию учебно-исследовательских компетенций обучающихся в условиях профильного обучения» с целью совершенствования профессиональных компетенций педагогов в области организации учебно-исследовательской деятельности обучающихся в старших классах профильного обучения.

– Мониторинг профессиональных дефицитов учителей естественно-научного цикла в контексте организации УИД и реализация корректирующих ДПП повышения квалификации.

– Оптимизация соотношения урочной и внеурочной деятельности. Перспективным является исследование, направленное на поиск оптимального баланса и механизмов интеграции исследовательской деятельности между обязательным учебным планом (уроками химии, биологии, физики) и внеурочными формами (кружки, факультативы, элективные курсы, предметные недели), с целью обеспечения максимального охвата обучающихся и глубины погружения в исследование.

– Изучение влияния ИКТ-инструментов. Важным направлением является анализ того, как использование современных информационно-коммуникационных технологий (виртуальные лаборатории, базы данных, инструменты визуализации) влияет на уровень самостоятельности и методологической зрелости учебно-исследовательских работ, выполняемых школьниками при изучении предметов естественно-научного цикла.

Заключение. Требования ФГОС ООО и ФГОС СОО устанавливают учебно-исследовательскую деятельность как обязательный и последовательно усложняющийся элемент образовательного процесса. Если на уровне основной школы акцент делается на освоении базового алгоритма исследования, то на уровне средней школы УИД трансформируется в инструмент индивидуализации, профилизации и обязательную форму итоговой аттестации (индивидуальный проект).

Эффективное развитие учебно-исследовательских умений обучающихся требует от учителя химии владения синтезирующей моделью компетенций, включающей знание логики научного поиска (деятельностный аспект), владение методиками проблемного обучения (дидактический аспект) и понимание механизмов формирования метапредметных результатов (развивающий аспект).

Для успешной организации УИД учитель должен перейти от роли транслятора знаний к роли наставника, тьютора и эксперта, способного направлять самостоятельный познавательный путь ученика, особенно в контексте естественно-научных дисциплин, где возможна реализация реальных экспериментов и исследований.

Предмет химия обладает уникальными возможностями для реализации УИД через лабораторные работы, практические исследования и проектную деятельность, что делает совершенствование компетенций педагога в этой области критически важным для формирования системного научного мышления у обучающихся.

Дополнительная профессиональная программа «Развитие учебно-исследовательских умений обучающихся при изучении химии в рамках урочной и внеурочной деятельности» обеспечивает учителей необходимыми инструментами и методами для эффективного внедрения учебно-исследовательской деятельности в образовательный процесс. Обучение повышает готовность преподавателей к созданию

условий для формирования исследовательских навыков у обучающихся, что положительно влияет на качество химического образования в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования : утв. приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021 № 287 (ред. от 18.06.2025). – Москва, 2025.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования : утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 17.05.2012 № 413 (ред. от 12.08.2022). – Москва, 2022.
3. Асмолов, А.Г. Формирование универсальных учебных действий в основной школе: от действия к мысли. Система заданий : Пособие для учителя. Серия: Стандарты второго поколения / А.Г. Асмолов, Г.В. Бурменская, И.А. Володарская [и др.]. – 6-е издание. – Москва : Просвещение, 2017. – 156 с.
4. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 18.05.2023 № 370 «Об утверждении федеральной образовательной программы основного общего образования» (ред. от 10.11.2025 ; Зарегистрирован 12.07.2023 № 74223). – Москва, 2025.
5. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 18.05.2023 № 371 «Об утверждении федеральной образовательной программы среднего общего образования» (ред. от 10.11.2025 ; Зарегистрирован 12.07.2023 № 74228). – Москва, 2025.
6. Леонтович, А.В. Метод становления субъектности учащихся при решении учебной исследовательской задачи / А.В. Леонтович // Исследователь/Researcher. – 2023. – № 1-2(41-42). – С. 35-43.
7. Леонтович, А.В. Модель становления субъекта собственной деятельности учащихся в общеобразовательной школе / А.В. Леонтович // Мир психологии. – 2024. – № 1(116). – С. 38-56.
8. Леонтович, А.В. Формирование универсальных учебных действий в научно-практическом образовании на основе модели субъекта собственной деятельности / А.В. Леонтович // Мир психологии. – 2024. – № 3(118). – С. 56-70.
9. Зимняя, И.А. Учебная деятельность как специфический вид деятельности / И.А. Зимняя // Инновационные проекты и программы в образовании. – 2014. – № 1. – С. 3-14.
10. Зимняя, И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования / И.А. Зимняя // Высшее образование сегодня. – 2003. – № 5. – С. 34-42.
11. Обухов, А.С. Исследовательская и проектная деятельность учащихся в современной России: перспективная рефлексия / А.С. Обухов // Исследователь/Researcher. – 2023. – № 1-2(41-42). – С. 18-34. – EDN GFKVUV.
12. Обухов, А.С. Исследовательская деятельность учащихся в новой нормальности: реальное, виртуальное, дистанционное / А.С. Обухов // Исследователь/Researcher. – 2023. – № 1-2(41-42). – С. 10-16. – EDN YPCBMO.
13. Дробышев, Е.Ю. Модель взаимодействия педагога-наставника и обучающегося в ходе учебно-исследовательской деятельности / Е.Ю. Дробышев // Педагогика. – 2023. – Т. 87, № 9. – С. 68-77.
14. Дробышев, Е.Ю. Подходы к оцениванию уровня исследовательских умений учащихся по результатам реализации ими учебно-исследовательской деятельности / Е.Ю. Дробышев // Школьные технологии. – 2024. – № 6. – С. 94-101.
15. Волкова, А.Н. Условия формирования готовности будущих педагогов профессионального обучения к организации проектно-исследовательской деятельности / А.Н. Волкова // Международный научный журнал. – 2024. – № 4(97). – С. 64-71.
16. Зарубина, В.В. Особенности тьюторского сопровождения проектной и учебно-исследовательской деятельности учащихся: что необходимо знать учителю / В.В. Зарубина, Л.П. Токмакова, Л.Г. Ладаева // Поволжский педагогический поиск. – 2022. – № 4(42). – С. 40-45.
17. Лютц, А.А. Профессиональная подготовленность учителя общеобразовательной школы к проектно-исследовательской деятельности: проблематика и пути решения / А.А. Лютц // Глобальный научный потенциал. – 2023. – № 4(145). – С. 194-198.
18. Круподерова, Е.П. Цифровые инструменты для организация учебно-исследовательской деятельности обучающихся / Е.П. Круподерова, К.Р. Круподерова, Н.С. Амосова // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 81-4. – С. 278-280.

19. Минжулина, А.В. Цифровые инструменты для организации и сопровождения исследовательской и проектной деятельности учащихся в старшей школе / А.В. Минжулина, А.С. Обухов // Исследователь/Researcher. – 2022. – № 3-4(39-40). – С. 25-46.
20. Шерматов, Ш. М. Особенности процесса организации исследовательской деятельности учащихся общеобразовательных учреждений в процессе обучения физике / Ш.М. Шерматов // Вестник Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава. Серия гуманитарных и экономических наук. – 2024. – № 1-2(122). – С. 261-265.
21. Шорина, А.А. Формирование естественно-научной грамотности посредством вовлечения обучающихся в учебно-исследовательскую деятельность при обучении биологии / А.А. Шорина // Научно-педагогический журнал «Учитель Алтая». – 2023. – № 2(15). – С. 50-57.

REFERENCES

1. Federal State Educational Standard of Basic General Education : approved by order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated 31.05.2021 № 287 (as amended on 18.06.2025). – Moscow, 2025. (In Russian).
2. Federal State Educational Standard of Secondary General Education : approved by order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated 17.05.2012 № 413 (as amended on 12.08.2022). – Moscow, 2022. (In Russian).
3. Asmolov, A.G., Burmenskaya, G.V., Volodarskaya, I.A. et al. (2017) Formation of universal educational actions in basic school: from action to thought. System of tasks : Teacher's manual. Series: Standards of the second generation. 6th ed. Moscow : Prosveshchenie. 156 p. (In Russian).
4. Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated 18.05.2023 № 370 "On Approval of the Federal Educational Program of Basic General Education" (as amended on 10.11.2025 ; Registered on 12.07.2023 № 74223). – Moscow, 2025. (In Russian).
5. Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated 18.05.2023 No. 371 "On Approval of the Federal Educational Program of Secondary General Education" (as amended on 10.11.2025 ; Registered on 12.07.2023 № 74228). – Moscow, 2025. (In Russian).
6. Leontovich, A.V. (2023) [Method of developing students' subjectivity in solving an educational research task]. Issledovatel/Researcher = Researcher. 1-2(41-42), 35-43. (In Russian).
7. Leontovich, A.V. (2024) [A model of the development of the subject of students' own activity in secondary school]. Mir psikhologii = World of Psychology. 1(116), 38-56. (In Russian).
8. Leontovich, A.V. (2024) [Formation of universal educational actions in scientific-practical education based on the model of the subject of one's own activity]. Mir psikhologii = World of Psychology. 3(118), 56-70. (In Russian).
9. Zimnyaya, I.A. (2014) [Educational activity as a specific type of activity]. Innovatsionnye proekty i programmy v obrazovanii = Innovative Projects and Programs in Education. 1, 3-14. (In Russian).
10. Zimnyaya, I.A. (2003) [Key competencies – a new paradigm of educational outcome]. Vyshee obrazovanie segodnya = Higher Education Today. 5, 34-42. (In Russian).
11. Obukhov, A.S. (2023) [Research and project activities of students in modern Russia: prospective reflection]. Issledovatel/Researcher = Researcher. 1-2(41-42), 18-34. EDN GFKVUV. (In Russian).
12. Obukhov, A.S. (2023) [Research activity of students in the new normality: real, virtual, distance]. Issledovatel/Researcher = Researcher. 1-2(41-42), 10-16. EDN YPCBMO. (In Russian).
13. Drobyshev, E.Yu. (2023) [Model of interaction between a teacher-mentor and a student in the course of educational research activities]. Pedagogika = Pedagogy. 87(9), 68-77. (In Russian).
14. Drobyshev, E.Yu. (2024) [Approaches to assessing the level of students' research skills based on the results of their educational research activities]. Shkolnye tekhnologii = School Technologies. 6, 94-101. (In Russian).
15. Volkova, A.N. (2024) [Conditions for forming the readiness of future vocational training teachers to organize project and research activities]. Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal = International Scientific Journal. 4(97), 64-71. (In Russian).
16. Zarubina, V.V., Tokmakova, L.P. & Ladaeva, L.G. (2022) [Features of tutor support for project and educational research activities of students: what a teacher needs to know]. Povolzhskii pedagogicheskii poisk = Volga Pedagogical Search. 4(42), 40-45. (In Russian).
17. Lyutz, A.A. (2023) [Professional readiness of a secondary school teacher for project and research activities: problems and solutions]. Globalnyi nauchnyi potentsial = Global Scientific Potential. 4(145), 194-198. (In Russian).

18. Krupoderova, E.P., Krupoderova, K.R. & Amosova, N.S. (2023) [Digital tools for organizing educational research activities of students]. Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education. 81-4, 278-280. (In Russian).
19. Minzhulina, A.V. & Obukhov, A.S. (2022) [Digital tools for organizing and supporting research and project activities of students in high school]. Issledovatel/Researcher = Researcher. 3-4(39-40), 25-46. (In Russian).
20. Shermatov, Sh.M. (2024) [Features of the process of organizing research activities of students in general education institutions in the process of teaching physics]. Vestnik Bokhtarskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Nosira Khusrava. Seriya gumanitarnykh i ekonomicheskikh nauk = Bulletin of Bokhtar State University named after Nosir Khusrav. Series of Humanities and Economic Sciences. 1-2(122), 261-265. (In Russian).
21. Shorina, A.A. (2023) [Formation of natural science literacy through involving students in educational research activities in biology teaching]. Nauchno-pedagogicheskii zhurnal "Uchitel Altaya" = Scientific and Pedagogical Journal "Teacher of Altai". 2(15), 50-57. (In Russian).

ENHANCEMENT OF THE PROFESSIONAL COMPETENCIES OF CHEMISTRY TEACHERS IN DEVELOPING STUDENTS' RESEARCH-BASED LEARNING SKILLS

N. N. Koval, U. A. Romanenko

The article addresses the issue of improving professional competencies of chemistry teachers in organizing students' educational research activities within the framework of requirements for primary and secondary education in Federal State Education Standards (FSES). The aim of the study is to examine the aspects of teacher training in additional professional education systems. Based on an analysis of regulatory documents and scientific approaches (activity-based, enriching, didactic), the necessity of integrating research based educational activity into both classroom and extracurricular work has been substantiated. An elaborated program of additional professional education aimed at forming teachers' knowledge and skills in constructing research tasks, using laboratory experiments, and designing "roadmaps" for research-based activities is presented. As a result of implementing this program, teachers are prepared to act as mentors and tutors capable of developing students' research abilities efficiently, which is a key factor in enhancing the quality of science education and achieving the technological sovereignty of Russia.

Key words: further professional program, advanced training courses, the system of further professional education, science teachers, research-based studying activity.

Поступила в редакцию 22.01.2026 г.

Коваль Наталья Николаевна

Кандидат педагогических наук,
заведующий кафедрой естественно-математического,
технологического образования и ИКТ,
ГБОУ ДПО «Донецкий республиканский институт
развития образования», г. Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: nata.koval.70@bk.ru

Koval Natalia Nikolaevna

Candidate of Pedagogical Sciences,
Head of the Department of Natural-Mathematical,
Technological Education and ICT,
Donetsk Republican Institute of Education
Development, Donetsk, DPR, Russian Federation.
E-mail: nata.koval.70@bk.ru

Романенко Юлия Анатольевна

Доктор педагогических наук, профессор,
Ректор, ГБОУ ДПО «Донецкий республиканский
институт развития образования», г. Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: ua.romanenko.6665@mail.ru

Romanenko Yuliya Anatolyevna

Doctor of Education Sciences, Professor,
Rector, Donetsk Republican Institute of Education
Development, Donetsk, DPR, Russian Federation.
E-mail: ua.romanenko.6665@mail.ru

РАЗВИТИЕ АССЕРТИВНОСТИ КАК НЕОБХОДИМОГО НАВЫКА ВЫПУСКНИКОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

© 2026 *Е.И. Приходченко*

ФГБОУ ВО «Донецкий национальный технический университет»

Статья поднимает весьма актуальную и важную проблему – формирование такого качества личности, как асертивность – умение аргументированно убеждать собеседника в правильности своих рассуждений, вести диалоговую беседу с соблюдением этических норм.

Ключевые слова: асертивность, будущий специалист, самодетерминация, развитие асертивности, асертивное поведение.

Постановка проблемы. В условиях современного общества, где успех все больше определяется не только академическими знаниями, но и личными качествами, асертивность становится важным элементом формирования полноценной личности. Выпускники высших учебных заведений сталкиваются с рядом вызовов, требующих от них уверенности в своих силах, способности отстаивать свою точку зрения и легко взаимодействовать с окружающими. Асертивность, как стиль общения, основывается на честном и открытом выражении своих мыслей и чувств, сочетая в себе уважение к себе и к другим. Это качество позволяет молодым специалистам не только эффективно преодолевать трудности, возникающие на пути к карьерным достижениям, но и налаживать продуктивные отношения в коллективе, что, в свою очередь, является залогом успешной работы.

Цель статьи. Дать определение понятию «асертивность»; описать процесс развития асертивности как обязательного качества будущих специалистов.

Научные исследования проблемы. Вопрос, касающийся асертивности, был в центре внимания многих исследователей. Поскольку проблема изучена недостаточно, идёт дискуссия по ряду направлений, касающихся дефиниции «асертивность». Это, по мнению ученых, характерная черта жизнестойкости, жизнеутверждающей уверенности индивида [1–3]; асертивное поведение и личностная уверенность, мотивация деятельности будущего специалиста, ценностно-смысловые предпочтения обучаемых [4–7]; развитие асертивности с использованием тренингов [8]; выявление недочётов в формировании асертивного поведения и проведение коррекционных упражнений по их ликвидации [9; 10]. Несмотря на разносторонность рассмотрения вопроса, касающегося асертивности, ученые Е.Е. Блинова, Б. Мещеряков, В. Зинченко, С.А. Гапонова, Н.С. Корнилова, М.В. Зеленина, И. Лебедева, Е. В. Покальчук, Д. Смит, Н.М. Шамуратов и другие сходятся на утверждении, что это важное качество каждого человека. Оно необходимо для его успешной деятельности, целеустремленности, инициативности, настойчивости, позитивной активности, энергичности, уверенности в себе [1–10].

Основное содержание статьи. Концептуальные взгляды на проблему асертивности сформировались относительно недавно – в конце 50 – начале 60 годов XX столетия американским психологом А. Солтером. По утверждению ученого, асертивность выступает одним из наиболее оптимальных конструктивных взаимоотношений. Личностью движет стремление строить диалоговое общение в

позитивном ключе, способность к творческой групповой работе, умение уважительно к другим вести себя в коллективе и сотрудничать.

А. Солтер подчеркивает, что именно с такими характеристиками ассертивного поведения индивид счастлив и нравственно здоров. Ученым ассертивное поведение рассматривается как взаимодействие между людьми, а также как мироощущение в целом, в противопоставление двум наиболее деструктивным способам поведения, таким, как манипуляция и агрессия. А. Солтером введено понятие «ассертивность» в тренинге, предусматривающем коррекцию поведения человека.

Учитывая точку зрения на понятие «ассертивность» основоположника этого научного исследования А. Солтера, ученые Г. Линдерфилд, Д. Смит в этот термин вкладывают этический смысл, принцип моральной свободы, собственного достоинства, уважения к другим людям [4; 6]. Следует отметить, что в практике педагогического воздействия методы воспитания являются сложной и противоречивой системой. Основное значение несёт не только логика отдельных методов, но и их гармоничное взаимодействие в рамках общей системы. Их комбинация приведет к лучшему результату в формировании духовно-нравственных качеств студентов, их гражданской идентичности.

В исследованиях Е.В. Покальчук подчеркивается «важная роль образования, которое имеет большой потенциал для воспитания ассертивности у студентов» [4]. Исследователь считает, что доминировать в поведении индивида должны категории «альтруизм», «добро», «примерение». Результатом будет сформированное поведение личности с реализацией свободы и ответственности, права и обязанности, значительное снижение уровня агрессии. Активность направляется на творческие дела, развитие креативности, лидерских качеств, лучших достоинств личности.

Исходя из вышеизложенного, ассертивность – это приобретаемая способность человека выражать свои мысли, чувства и потребности открыто и честно, при этом уважая мнения других людей, а также отстаивать свои права и интересы без агрессии или подчинения, что помогает строить эффективные и здоровые отношения как в личной, так и в профессиональной сферах.

В рамках концепции преподавания в высшей школе произошли серьезные изменения в цели образования. Стремительно осуществляется переход от освоения системы знаний к формированию способности использовать их для решения различных задач, находить нужную информацию, преобразовывать её для создания новых знаний и технологий. Эти новые технологии изменили и сам характер применения знаний, а также способов передачи той или иной информации, развитию умения применять полученные сведения в различных жизненных ситуациях, интерпретируя и обобщая их, делая выводы и сопоставляя взгляды различных авторов. Приобретая уверенность в общении с однокурсниками, индивид утверждает себя как личность, более смело идя по жизни, активнее планируя будущее.

Проектируя свою жизнь, человек тем самым вырабатывает эффективный механизм самодетерминации, самореализации своей активности. Это особенно касается молодых, начинающих свой самостоятельный жизненный путь, наполненный радужным надеждами на будущее, на творческое и свободное самоосуществление.

В современной педагогике именно ассертивная модель поведения рассматривается как наиболее конструктивный способ межличностного взаимодействия. Поэтому каждое занятие в вузе должно учитывать это, формируя крайне необходимое качество будущего специалиста – быть ассертивным.

Преподаватель играет ключевую роль в формировании ассертивных навыков у студентов. Их поддержка и управление учебной средой могут способствовать развитию

уверенности в себе и эффективной коммуникации в будущем. Перечислим несколько стратегий, которые могут помочь в развитии ассертивности у студентов:

1. Создание безопасной среды. Преподаватель должен создать безопасную среду для студентов, в которой каждый студент мог бы себя чувствовать комфортно и безопасно в выражении своих мыслей. Это может быть достигнуто через взаимоуважение и доверие, а также поощрение открытого обсуждения и свободного обмена мнениями.

2. Обучение навыкам коммуникации. Преподаватели могут интегрировать в учебный процесс обучения навыкам ассертивной коммуникации. Это могут быть:

- деловые игры, где каждому участнику отводится своя роль. И от того, насколько качественно этот вид деятельности выполняется, зависит успех всей команды. Развивается внутренняя сила, которая проявляется в энергичности, созидательной активности, настойчивости в достижении поставленных целей. Назовем некоторые из них. Это технологии тимбилдинга, бенчмаркинга, воркшопа. Их главная задача – вдохновить на поиск командного решения, которое строится на индивидуальных предложениях, не оставляя без внимания мнения одного участника игры;

- технология майндмэппинга как ресурсно-ориентированное обучение. Майндмэппинг (от англ. *mind map* – ментальная карта) – способ изображения процесса общего системного мышления с помощью схем. В основе этой техники лежит принцип радиантного или ассоциативного мышления. Ментальные карты используются для создания, визуализации, структуризации и классификации идей, помогающих в обучении принимать эффективные, способы действия качественнее организовывать работу, ускорять решение поставленных задач;

- воспроизведение проблемных ситуаций – производственных, из жизни. Такой вид работы помогает избежать тех ошибок, которые были допущены кем-то ранее. Охарактеризуем такой вид деятельности, как научно-исследовательский, который тоже способствует развитию такого качества личности, как ассертивность. Такой вид деятельности есть неотъемлемой и важной формой учебного процесса. И, без сомнения, выступает главнейшей частью подготовки квалифицированных будущих специалистов;

- мастер-классы по эффективным методам выражения своих мыслей и эмоций. Выражение своих мыслей и эмоций – это важный навык, который позволяет устанавливать здоровые и конструктивные отношения, как в личной жизни, так и в профессиональной сфере. Мастер-классы, посвященные этой теме, могут существенно помочь студентам развить ассертивность и научиться уверенно общаться.

3. Обратная связь и поддержка. Регулярная обратная связь имеет важное значение для развития уверенности и положительной самооценки студента, поэтому преподаватель должен оценивать ассертивное поведение студентов и поощрять попытки обучаемых выразить своё мнение, у кого ранее это не получалось. Также в ходе ассертивного развития преподаватель должен вносить коррективы, которые помогут студентам улучшить свои навыки и быть примером для подражания.

4. Внедрение групповых проектов. Групповые проекты могут помочь студентам развивать ассертивные навыки, так как требуют взаимодействия, коллаборации и разрешения конфликтов. Преподаватель только курирует данный процесс в ходе которого четко устанавливает правила взаимодействия между студентами и вносит свои правки. Внедрение групповых проектов помогает в более короткие сроки освоить обучаемыми коммуникативные учебные действия, выявлять и определять проблемы, находить альтернативные пути их решения, приобретать опыт выполнения рефлексивных функций педагога, в частности, контроль, оценку, целеполагание и планирование [4].

Исходя из вышеизложенного задача преподавателя, коуча, наставника, каждый из указанных уровней поднять, улучшить результат, использовать те средства, которые

замотивируют обучаемого. Для этого и самому педагогу нужно неустанно работать над своим научным потенциалом, стремиться развить проблемное обучение до уровня научно-исследовательского, систематически и последовательно вырабатывая навыки работы с научной литературой, с новейшими достижениями в избранной профессии.

Процесс учения – это процесс деятельности студента, направленный на становление его сознания и его личности в целом. И чем качественнее эта деятельность, тем успешнее будет спроектировать жизненный путь. Л.В. Выготский в замечательной книге «Педагогическая психология» утверждал, что жизнь раскрывается как система творчества, как создание новой действительности, как порыв к чему-то мало изведанному, если личность стремится к постоянному интеллектуальному росту, ставит цель, и достигает её осуществления. Образовательное пространство вуза должно создавать благоприятные условия для самоактуализации личности студента, его идентификации, формирования способности адекватно оценивать сложившуюся ситуацию и собственные возможности. Всё это становится реально возможным только в том случае, когда с обучаемыми проводится планомерная систематическая работа по воспитанию асертивности как их интегральной характеристики, развивающей настойчивость, решительность, умение доводить начатое дело до конца. Развивается уверенность в себе, готовность к максимально положительной реализации, склонность к анализу своего поведения.

Проводимые со студентами тренинги асертивности создают возможность улучшить свои личностные качества, пройти самодиагностику, осознать альтернативные модели поведения [8].

Выводы и рекомендации. Обобщая вышесказанное, пришли к выводу, что для личности асертивным поведением характерны такие качества, как: уверенность в себе, способность принимать самостоятельные решения, нести ответственность за свои поступки. К понятийным единицам асертивности относят также умение проводить рефлексивно-критический пересмотр своего поведения, преодоление внутренних конфликтов, эмоциональной нестабильности. Современное общество стремится идти по пути межличностной безконфликтности и согласия. Именно они выступают главными ценностями сегодняшнего дня, открывают широкие возможности для дальнейшего развития и совершенствования личности.

Сложность и многогранность понятия «асертивность» требует дальнейшего изучения, максимального устранения разногласий ученых на проблему. Больше внимания уделять психолого-педагогическим факторам, представляющим собой препятствия для развития асертивности личности, выявлять причины низкой мотивации на успех, отсутствие желания избежать неудач, недооценки важности развития творческих способностей, расширения кругозора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блинова, Е.Е. Роль асертивности в выборе студентами стратегии поведения в социальном взаимодействии (на примере университета нового субъекта РФ)/ Е.Е. Блинова // Научный журнал «Гуманитарные науки: Науки об образовании, История и археология, Политологические науки». – 2024. – № 3 (67). – С. 80–84.
2. Большой психологический словарь/сост. и отв. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. – СПб: Прайм-Еврознак, 2004. – 672 с.
3. Гапонова, С. А. Асертивное поведение студентов управленческого профиля/С.А. Гапонова, Н.С. Корнилова // Научно-педагогическое обозрение. – 2023. – Вып. 3 (49). – С. 122-129. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2023-3-122-129>
4. Зеленина, М.В. Асертивность: проблема понятия/М.В. Зеленина// Научный журнал «Universum: психология и образование». – 2022. – № 6 (22). – С. 39-41

5. Лебедева, И.В. Мотивационные и ценностно-смысловые детерминанты ассертивности личности / И.В. Лебедева // СИСП. – 2013. – №4 (24). – С. 6-11.
6. Линдерфилд, Г. Теория и практика ассертивности или как быть открытым, деятельным и естественным / Г. Линденфилд. – Мн: ООО «Попурри», 2003. – 144 с.
7. Покальчук, Е. В. Роль ассертивности в жизнестойкости субъекта / Е. В. Покальчук // Мир науки. Педагогика и психология. – 2024. – Т. 12. – № 1. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/18PSMN124.pdf>
8. Смит, Д.М. Тренинг уверенности в себе / Д.М. Смит // URL: <https://ekolobkova.ru/images/Knigi/Trening-uverenosti-v-sebe.pdf>
9. Шакирова, Л.Н. Исследование социально-психологических аспектов уверенности в ассертивности личности в России и за рубежом / Л.Н. Шакирова // Альманах совершенной науки в образовании. – 2011. – №5. – С. 138-141.
10. Шамуратов, Н.М. Ассертивность как условие достижения целей / Н.М. Шамуратов // Вестник магистратуры. – 2020. – №1-2. – С. 23-24.

REFERENCES

1. Blinova E.E. (2024) [The role of assertiveness in students' choice of behavior strategies in social interaction (using the example of a university in a new constituent entity of the Russian Federation)] // *Gumaniternye nauki: Nauki ob obrazovanii, Istoria I arhejlogiya, Politicheskie nauki = Humanities: Sciences of education, History and Archeology, Political science*. № 3 (67). 80-84. (In Russian)
2. The Great Psychological Dictionary (2004)/comp. and ed. by B. Meshcheryakov and V. Zinchenko. – St. Petersburg: Prime-Evroznak, 672 p. (In Russian)
3. Gaponova S. A. (2023) [Assertive Behavior of Students with a Management Profile] // *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie =Scientific and Pedagogical Review*. 3 (49). 122-129. (In Russian)
4. Zelenina M.V. (2022) [Assertiveness: The Problem of the Concept] // *Universum: psihologiya i obrazovanie=Universum: Psychology and Education*. № 6 (22). 39-41. (In Russian)
5. Lebedeva I.V. (2013) [Motivational and Value-Based Determinants of Personality Assertiveness] // *SISP= SISP*. № 4 (24). 6-11. (In Russian)
6. Linderfield G. (2003) *The Theory and Practice of Assertiveness or How to Be Open, Active, and Natural*. Minsk: Popuri LLC. 2003. 144 p. (In Belarus)
7. Pokalchuk E. V. (2024) [The Role of Assertiveness in the Subject's Resilience] // *Mir nauki. Pedagogika i psihologiya=World of Science. Pedagogy and Psychology*. Vol. 12. №1. 1-8. (In Russian)
8. Smith M. D. (1997) *Self-confidence training. A set of controls for the development of confidence*. Translate from English by V. Putyaty. St. Petersburg, Kit Publish. 242 p. (In Russian)
9. Shakirova L.N. (2011) [Research of socio-psychological aspects of confidence in the assertiveness of personality in Russia and abroad]// *The Almonach of perfect science in education=Al'monah sovershennoj nauki v obrazovanii*. № 5. 138-141 (In Russian)
10. Shamuratov N.M. (2020) [Assertiveness as a Condition for Achieving Goals]// *Vestnik magistratury = Bulletin of the Magistracy*. № 1-2. 23-24. (In Russian)

THE DEVELOPMENT OF ASSERTIVENESS AS A SELF-AFFIRMING LIFE POSITION OF GRADUATES OF HIGHER EDUCATION

K. I. Prikhodchenko

The article raises a very relevant and important problem – the formation of such a personality quality as assertiveness – the ability to reasonably convince the interlocutor of the correctness of his reasoning, to conduct an interactive conversation in compliance with ethical standards.

Key words: assertive behavior, dialogue learning, value-semantic qualities, personal resilience

Поступила в редакцию 12.03.2026 г.

Приходченко Екатерина Ильинична

Доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры «Инженерная педагогика и лингвистика», ФГБОУ ВО «Донецкий национальный технический университет», Донецк, ДНР, РФ.

E-mail: 88rapoport88@mail.ru

Prikhodchenko Ekaterina Ilinichna

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Engineering Pedagogy and Linguistics, Donetsk National Technical University, Donetsk, DPR, Russian Federation.

E-mail: 88rapoport88@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ОБЩЕПРОФЕССИОНАЛЬНОГО УМЕНИЯ РАБОТАТЬ С ИНФОРМАЦИЕЙ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

© 2026 Т.А. Сирота

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

В статье рассматривается проблема совершенствования качества профессиональной подготовки специалистов. Сделана попытка исследовать проблему развития умения работать с информацией в иноязычном обучении как важного показателя профессиональной подготовки. Обосновывается эффективность применения компетентностного и интегративно-деятельностного подходов для развития умения работать с информацией.

Ключевые слова: умения, работа с информацией, компетентностный подход, интегративно-деятельностный подход.

Введение. Происходящие изменения в мировоззрении, ценностях и нормах современного общества приводят к серьезным изменениям в процессе образования. В рамках информационного общества востребованным становится образование, которое позволяет человеку ориентироваться в постоянно меняющемся потоке информации, анализировать и интерпретировать полученные сведения. Сегодня нет сложностей с поиском необходимой информации, трудности вызывает неумение работать с ней. Поэтому одной из важных задач системы образования является создание условий для формирования таких умений.

Умение работать с информацией рассматривается с двух позиций. Одна группа ученых связывает данное умение с использованием компьютерных технологий (А. А. Лукьянова, В. М. Монахов, Т. М. Сучкова). Другая группа исследователей относит данное умение к ключевым компетенциям, рассматривая его как работу с различными источниками информации, людьми и т.д. (И. А. Зимняя, И. В. Носко, Т. А. Перескокова).

Сформированность умения работы с информацией позволяет решить следующие задачи:

- определить информационную проблему, идентифицировать информацию;
- подобрать все возможные источники, выбрать наиболее интересные из них;
- найти необходимую информацию из выбранных источников;
- переработать и представить материал должным образом;
- оценить качество своей работы;
- использовать имеющуюся информацию в соответствии с поставленной целью.

Феномен понятия «умения» раскрыт в работах А. Г. Атанова, Ф. Н. Гоновой, Ф. Э. Зеера, Н. Д. Левитова, С. А. Рубинштейна и др. Процесс формирования умений изучен О. Н. Игнатовой, Е. И. Литневской, А. В. Усовой и др. Умение работать с информацией исследовали Л. В. Андрухив, О. А. Митрахович, О. Н. Солуянова.

Однако, не смотря на многочисленные исследования, уровень умения работать с информацией остается неудовлетворительным. Студенты часто испытывают трудности с выделением главного, сопоставлением фактов, установлением причинно-

следственных связей, сокращением информации и оценкой её достоверности. Достижение высокого уровня владения данным умением обеспечивается внедрением эффективных подходов. Изучение иностранных языков обладает таким потенциалом, поскольку закладывает основу для общекультурного развития и способствует профессиональному росту через работу с иностранными источниками.

Общепрофессиональное умение работать с информацией – это способность работать с различными источниками информации в соответствии с поставленными профессиональными задачами. Данное умение можно рассматривать по принципу вхождения, как в общекультурные, так и в профессиональные компетенции. Однако, анкетирование студентов 1 курса неязыковых направлений подготовки Донецкого государственного университета по исследуемой проблеме показало, что только 30% студентов из числа опрошенных успешно связывают явления между собой на иностранном языке, 35% владеют умением определять общие и отличительные черты в предметах, событиях и природных явлениях. Создать свой текст на основе прочитанного могут 15% студентов. Преподаватели не всегда являются специалистами в профессиональных дисциплинах, что затрудняет подбор материалов, стимулирующих развитие нужных умений. Таким образом, слабая связь между учебным процессом и будущей профессиональной деятельностью снижает мотивацию и эффективность развития умений.

Цель статьи: 1) изучить проблему развития умения работать с информацией в контексте иноязычного образования; 2) обосновать эффективность применения компетентностного и интегративно-деятельностного подхода для развития общепрофессионального умения работать с информацией на иностранном языке у будущих специалистов.

Основная часть. Основной задачей обучения иностранному языку в вузе является возможность применения полученных знаний в будущей профессии, учет направления развития каждого студента.

О. Н. Солуянова делает вывод о том, что содержание иноязычного обучения является основным интегрирующим моментом образовательного процесса, поскольку изучение иностранного языка происходит в рамках той или иной специальности [1]. Работа с материалами на иностранном языке позволяет повысить профессиональный уровень, изучить новые разработки, обменяться опытом с зарубежными коллегами. Активное использование языкового материала в речи стимулирует развитие ключевых компетенций: от умения находить релевантные данные и обрабатывать их (анализ и синтез) до способности убедительно аргументировать свою позицию и принимать обоснованные решения [2].

Иностранные языки отличаются метапредметностью. В процессе их изучения формируются способности к абстрагированию и обобщению, формулировке понятий, планирование личных высказываний и тактика коммуникации.

В разработке методических материалов необходимо участие как методистов, так и лингвистов, поскольку сфера преподавания английского языка в профессиональных целях оказывается недостаточно разработана и изучена.

Обучение успешно только в том случае, если учебные материалы представляют информационную ценность. В свою очередь информационное содержание увеличивает мотивацию к изучению другого языка. Более того, студенты имеют определенный уровень знаний по предмету, поскольку изучали его ранее, а применение активных методов обучения способствует формированию умений для будущей профессиональной деятельности.

Научные достижения стимулируют углубленное изучение ранее неизвестных аспектов педагогики, порождая тем самым новые концепции в обучении иностранному языку:

- язык становится инструментом для освоения профессиональных знаний и навыков;
- изучение языка происходит не в отрыве от реальности или в повседневных ситуациях, а в рамках конкретного профессионального и культурного окружения;
- овладение языком понимается не как простое развитие навыков говорения или письма, а как интеграция в профессиональную деятельность, где язык служит средством для выполнения поставленных задач.

Ключевыми для развития информационных умений, по нашему мнению, являются компетентностный и интегративно-деятельностный подходы.

Компетентностный подход к обучению иностранным языкам если не абсолютизируется, то, по крайней мере, интерпретируется как уникальный и универсальный [3]. Он ориентирован на достижение достаточно высокого уровня знаний, практического опыта, необходимого для осуществления профессиональной деятельности и общения в различных областях и сферах [4].

В контексте данного подхода основным критерием качества образования является профессиональная компетентность, включающая набор ключевых, базовых и специальных компетенций, необходимых для выполнения конкретных служебных обязанностей. В контексте иноязычного обучения предполагается формирование информационной компетенции, которая обеспечивает навыки работы с информацией из различных источников, тогда как традиционные модели часто фокусируются на уровне владения языком, а не на практическом применении знаний для решения профессиональных задач.

По мнению Б. Дугласа, компетенция – это «фундаментальные знания системы языка – его грамматики, лексики, всех частей языка и как эти части собрать вместе», а перформация – это «само действие – говорение, письмо, или понимание – слушание, чтение языковых единиц» [5]. Специалисты утверждают, что знания лексики и грамматики не обеспечат успешную коммуникацию. Свободное владение иностранным языком характеризуется способностью адекватно и эффективно осуществлять речевое взаимодействие в ситуациях межличностного общения.

Следовательно, информационные умения на иностранном языке заключаются не только в знании языковых норм и правил, а в анализе и обобщении информации, владении технологией создания текста.

Таким образом, формирование навыков работы с информацией в рамках компетентностного подхода включает в себя: 1) применение иностранного языка в профессиональной сфере; 2) интеграцию языковых компетенций и предметных знаний при взаимодействии с иноязычными данными; 3) мотивацию к изучению языка в процессе информационного поиска; 4) извлечение и критический анализ информации в коммуникативном контексте.

Интеграция является наивысшим уровнем целостности системы, поскольку (по определению) это не простое сочетание элементов, а их единство с выходом на качественно новый результат [6]. Этот процесс, в ходе которого элементы объединяются, укрепляя свои связи, приводит к созданию нового объекта, обладающего уникальными свойствами, при этом сохраняя особенности составляющих его частей. Например, в процессе чтения можно выделить более мелкие, конкретные умения: находить нужную информацию, определять пробелы в знаниях, выбирать

эффективные способы поиска, планировать процесс поиска, устанавливать связи между частями информации, оценивать ее достоверность.

Термин «интегративный подход» можно соотнести с понятием «взаимосвязанное обучение», которое широко используется в отечественной методике [7]. Согласно данному принципу, различные виды речевой деятельности могут выступать как цель и средство обучения; так, например, обучение извлечению информации из текста (чтение как цель обучения) может сочетаться с последующим обсуждением прочитанного (чтение как средство обучения говорению) [8].

Практическая реализация интегративного подхода в образовательный процесс по дисциплине «Иностранный язык» обеспечит активизацию когнитивных процессов обучающихся, расширение их лексического запаса для работы с оригинальной профессиональной литературой [9].

Деятельностный подход к организации учебного процесса, отмечает Е. Г. Евсеева, требует, чтобы студент во время работы над учебным материалом задействовал полный цикл познавательных операций: воспринял учебный материал, понял его, запомнил, сформировал умения, потренировался в применении умений на практике, таким образом, выполнил следующие виды деятельности: повторение ранее изученного, введение, усвоение, закрепление и применение данного материала [10].

Суть интегративно-деятельностного подхода заключается в объединении различных аспектов профессионального образования. В теоретическом плане данный подход основывается на идее объединения и синтеза языкового, культурологического, коммуникативного и предметного содержания в единый образовательный контекст [11]. Практическая реализация этого подхода происходит через формулирование образовательных целей, которые напрямую связаны с будущей профессиональной деятельностью выпускника. Предметно-языковое интегрированное обучение иностранного языка даёт возможность студентам одновременно изучать и язык, и основные предметы по специальности. Программа в таком подходе строится так, чтобы они дополняли друг друга [12]. В контексте развития навыков работы с информацией этот подход основан на том, что именно активная деятельность является важнейшим условием для становления личности, и это достигается путём продуманной, научно обоснованной организации обучения.

В научной литературе и практике можно выделить, например, модели, основанные на работе с профессионально-ориентированными текстами, интегративном обучении иностранному языку и общепрофессиональным дисциплинам. Однако часто эти модели не полностью учитывают интегративный и деятельностный аспекты, а также не всегда обеспечивают системность формирования умения. Интегративно-деятельностный подход предполагает интеграцию иноязычных умений с профессионально-коммуникативной деятельностью, что способствует развитию умения работать с информацией в контексте будущей профессии. Такой подход может включать использование активных методов обучения (проектной деятельности, кейс-технологий, деловых игр), которые имитируют профессиональные ситуации и помогают закрепить навыки работы с информацией.

Английский язык в данном контексте служит инструментом для изучения профессиональных дисциплин, а сами дисциплины – основой для языковой практики. Это позволяет студентам одновременно развивать профессиональные навыки и английский, осваивая специализированную лексику, деловую переписку, готовясь к интервью, анализируя профессиональные ситуации и обучаясь вести переговоры. Ключ к успеху – баланс между языком и профессией, что и обеспечивает эффективность предметно-языкового интегрированного обучения [13].

Интегративно-деятельностный подход предполагает, что обучение происходит не через пассивное получение знаний, а через активную деятельность студента по их освоению. В этой деятельности развиваются навыки работы с информацией, а основой является конкретное действие с предметом.

В современных исследованиях традиционно 5 этапов работы с информацией: 1) поиск информации; 2) ее рассмотрение; 3) ее использование; 4) ее передача; 5) оценка выполненной задачи [14].

Изучение иностранного языка открывает широкие возможности для студентов неязыковых направлений подготовки в освоении навыков работы с информацией. Сначала, под руководством преподавателя, они учатся взаимодействовать с одним источником (на подготовительном этапе), а затем переходят к самостоятельной работе с несколькими источниками (на этапе профессиональной подготовки).

Для успешного выполнения этих задач необходимо развивать комплексные умения по работе с информацией. Применяя интегративно-деятельностный подход к формированию этих умений на иностранном языке, мы выделяем следующие ключевые составляющие:

- мотивационно-информационная составляющая – стимулирует интерес к изучению языка и развивает творческий потенциал;
- содержательно-интегративная составляющая – связана с применением профессионально-ориентированных знаний и умений;
- интегративно-деятельностная составляющая – фокусируется на практическом применении языка.
- рефлексивно-оценочная составляющая – развивает способность к самоанализу.

Положительная динамика в развитии профессиональных навыков по работе с информацией на иностранном языке способствует формированию общекультурной компетентности. Это проявляется в личном отношении студентов не только к изучению языка, но и к своей будущей профессии. Этот начальный этап развития умения работать с информацией отражается в формировании мотивационно-информационной составляющей, которая активизирует стремление к изучению иностранного языка, стимулирует развитие творческих способностей.

Следующим шагом в развитии общепрофессионального умения работать с информацией является содержательно-интегративная составляющая. Она тесно связана с содержанием профессионально-ориентированного иностранного языка, позволяя студентам переносить полученные теоретические знания в новые условия для их практического применения. Эта составляющая характеризует процесс создания индивидуальной образовательной траектории, направленной на усвоение знаний и умений иностранного языка, обеспечивая последовательное движение к необходимому уровню владения навыками работы с информацией.

Содержательно-интегративная составляющая включает в себя: языковые элементы (фонетические, лексические, грамматические знания и навыки); речевые навыки (говорение, аудирование, чтение и письмо); лингвострановедческие сведения; культурологические знания; а также понимание норм речевого поведения носителей языка. В процессе развития интегративно-деятельностной составляющей особое внимание уделяется формированию практических знаний, умений и навыков иностранного языка. Обучение направлено на развитие способности студентов к презентации полученной информации, ее передаче в письменной или устной форме, обсуждению и другим видам взаимодействия.

Рефлексивно-оценочная составляющая акцентирует внимание на способности студентов активно включаться в социальную деятельность. Социальный аспект этой составляющей связан с формированием профессионально значимых коммуникативных качеств личности в процессе развития умения работать с информацией с помощью иностранного языка. Сюда входят умения формулировать базовые понятия и определения, разъяснять их смысл; воспринимать и осмысливать информацию, полученную из иностранных источников; а также умения информировать или запрашивать информацию.

Поступательное движение в освоении соответствующей учебной деятельности для развития интегративных знаний, умений, навыков иностранного языка на базе четырех видов речевой деятельности (чтение, письмо, говорение, аудирование) представлено следующими этапами:

1. Развитие первоначального умения на уровне знания способа действия.
2. Выполнение задания по образцу;
3. Применение умения в сходных или новых ситуациях.
4. Перенос умения в другие образовательные области.

5. Активное использование современных дидактических инструментов, в числе которых проблемное, контекстное и интерактивное обучение, а также кейс-методы и мозговой штурм.

Грамотное взаимодействие преподавателя и студентов обеспечивает высокий уровень развития умения работать с информацией. Деятельность преподавателя заключается в помощи для овладения данным умением. Причем эта помощь необходима только в случае возникновения трудностей в процессе работы. Преподавателю необходимо так организовать работу, чтобы формировалась успешность и удовлетворенность студента своей деятельностью и достигнутым результатом, как основным фактором мотивации в обучении и последующей профессиональной деятельности.

Заключение. Таким образом, изучение иностранного языка может стать эффективным инструментом для развития умения работать с информацией. Методологической основой для его развития является компетентностный подход. Он ориентирован на формирование у студентов способностей решать профессиональные задачи, что включает поиск, анализ, отбор и обработку информации. Применение компетентностного подхода в рамках изучения иностранных языков предполагает: создание ситуаций профессионального общения на иностранном языке; связь между теоретическими знаниями и практическими навыками общения в ситуациях работы с различными видами информации; стимулирование мыслительной и речевой активности в процессе диалога или монолога; умение выделять наиболее значимую информацию из профессионально значимых материалов.

Интегративно-деятельностный подход дополняет компетентностный, объединяя иноязычные знания с реальной профессиональной деятельностью. Преимущества его использования заключаются в активном вовлечении студентов в практическое использование языка; стимулировании речевого общения в профессиональных ситуациях; интеграции языковых знаний и умений в контексте профессиональных задач.

Обучение иностранному языку в рамках этих подходов предполагает:

Работу с профессионально-ориентированными текстами на иностранном языке. Это позволяет перейти от изучения языка как отдельного предмета к его интеграции в профессиональную деятельность, развивая общепрофессиональное умение работать с информацией.

1. Применение активных методов обучения. Такие методы, как проектная работа, решение проблемных ситуаций, деловые игры и кейс-стади, стимулируют мыслительную и речевую активность, а также развивают критическое мышление.

2. Использование современных информационных технологий. Веб-сайты, онлайн-энциклопедии, словари, блоги и подкасты создают естественную языковую среду и помогают совершенствовать навыки работы с информацией.

3. Повышение мотивации и самостоятельности студентов.

Укрепление интереса к профессиональному изучению иностранных языков и развитие навыков самостоятельной работы способствуют повышению результатов обучения. В результате, применение компетентностного и интегративно-деятельностного подходов в иноязычном образовании создает благоприятные условия для формирования общепрофессионального умения работать с информацией на иностранном языке. Это полностью соответствует требованиям современного рынка труда и помогает готовить высококвалифицированных и конкурентоспособных специалистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Солуянова О.Н. Методическая система работы с профессиональными иноязычными текстами для студентов нелингвистических вузов / О.Н. Солуянова, И.М. Швец // Вестник Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 2. – С. 18-25.
2. Новикова Л.А. Развитие критического мышления студентов аграрного вуза в процессе изучения иностранных языков / Л.А. Новикова // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 10. – № 1. – URL: <https://pedagogy-journal.ru/article/ped20250008/fulltext> (дата обращения: 05.02.2026).
3. Барышников Н.В. Методика обучения иностранным языкам в контексте современных реалий: проблемы и решения / Н.В. Барышников // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2024. – Вып. 1 (850). – С. 16-23.
4. Лапшова А.В. Особенности компетентностного подхода в образовании / А.В. Лапшова, Е.А. Уракова, И.А. Краева // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 72 (3). – С. 214-216.
5. Douglas B. H. Communicative competence. – Cambridge : Cambridge University Press, 2000. – 102 p.
6. Селиванов В.В. Интегративно-деятельностная педагогика в системе высшего образования / В.В. Селиванов, Н.Д. Бура // Проблемы современного педагогического образования. – 2024. – № 85-2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integrativno-deyatelnostnaya-pedagogika-v-sisteme-vysshego-obrazovaniya> (дата обращения: 03.02.2025).
7. Dalton-Puffer C. Content and Language Integrated Learning: A Research Agenda / C. Dalton-Puffer, U. Smit // Language Teaching. – 2021. – Vol. 54. – № 3.
8. Кубацкая В.С. Интегративные задания с использованием электронных образовательных ресурсов для развития взаимосвязанных видов речевой деятельности на уроках английского языка в общеобразовательной школе / В.С. Кубацкая // Обучение иностранному языку. – 2025. – Т. 10. – Вып. 4. – DOI: 10.30853/ped20250049..
9. Ларина Т.В. Интегративный подход как основа научно-методического обеспечения образовательной деятельности преподавателя иностранного языка / Т.В. Ларина // Пространство педагогических исследований. – 2025. – Т. 2. – № 4 (8). – С. 37-51. – DOI: 10.23859/3034-1760.2025.23.83.003. – EDN: EАННР..
10. Евсеева Е.Г. Психолого-педагогические теории учебной деятельности. – Донецк : ДонНУ, 2019. – 288 с.
11. Пореченкова Е.А. Интегративный подход в обучении иностранным языкам: теоретико-методологическое обоснование / Е.А. Пореченкова, Е.И. Энгель // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 10. – Вып. 12. – DOI: 10.30853/ped20250255.
12. Мохнач Л.В. Современные методики преподавания английского языка в неязыковом вузе / Л.В. Мохнач // Филологический аспект : международный научно-практический журнал. Сер.: Методика преподавания языка и литературы. – 2025. – № 5 (34). – URL:

<https://scipress.ru/fam/articles/sovremennye-metodiki-prepodavaniya-anglijskogo-yazyka-v-neyazykovom-vuze.html> (дата обращения: 26.09.2025).

13. Gabillon Z. Integrating Language and Content: A Systematic Review of CLIL Research (2015-2020) / Z. Gabillon // Language Teaching Research. – 2022. – Vol. 26. – № 4.
14. Клименко Е.В. Информационные компетенции как компонент иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности (ИПКК) будущих инженеров / Е.В. Клименко // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 74 (3). – С. 138-140.

REFERENCES

1. Soluyanov, O.N. & Shvets, I.M. (2010) [A methodological system for working with professional foreign language texts for students of non-linguistic universities]. Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. 2, 18-25. (In Russian).
2. Novikova, L.A. (2025) [Developing critical thinking of agricultural university students in the process of learning foreign languages]. Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki = Pedagogy. Theory and Practice. 10 (1). Retrieved from: <https://pedagogy-journal.ru/article/ped20250008/fulltext> (date of application: 05.02.2026). (In Russian).
3. Baryshnikov, N.V. (2024) [Methods of teaching foreign languages in the context of modern realities: problems and solutions]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Sciences. 1 (850), 16-23. (In Russian).
4. Lapshova, A.V., Urakova, E.A. & Kraeva, I.A. (2021) [Features of the competence-based approach in education]. Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education. 72 (3), 214-216. (In Russian).
5. Douglas, B.H. (2000) Communicative competence. Cambridge, Cambridge University Press. 102 p.
6. Selivanov, V.V. & Bura, N.D. (2024) [Integrative-activity pedagogy in the higher education system]. Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education. 85-2. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/integrativno-deyatelnostnaya-pedagogika-v-sisteme-vysshego-obrazovaniya> (date of application: 03.02.2025). (In Russian).
7. Dalton-Puffer, C. & Smit, U. (2021) Content and Language Integrated Learning: A Research Agenda. Language Teaching. 54 (3).
8. Kubatskaya, V.S. (2025) [Integrative tasks using electronic educational resources for the development of interconnected types of speech activity in English lessons in secondary school]. Obuchenie inostrannomu yazyku = Teaching a Foreign Language. 10 (4). DOI: 10.30853/ped20250049. Retrieved from: <https://doi.org/10.30853/ped20250049> (date of application: 05.04.2026). (In Russian).
9. Larina, T.V. (2025) [Integrative approach as the basis for scientific and methodological support of a foreign language teacher's educational activities]. Prostranstvo pedagogicheskikh issledovaniy = Space of Pedagogical Research. 2 (4), 37-51. DOI: 10.23859/3034-1760.2025.23.83.003. Retrieved from: <https://doi.org/10.23859/3034-1760.2025.23.83.003> (date of application: 05.02.2026). (In Russian).
10. Evseeva, E.G. (2019) Psikhologo-pedagogicheskie teorii uchebnoy deyatel'nosti [Psychological and pedagogical theories of learning activity]. Donetsk, DonNU. 288 p. (In Russian).
11. Porechenkova, E.A. & Engel, E.I. (2025) [Integrative approach in teaching foreign languages: theoretical and methodological substantiation]. Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki = Pedagogy. Theory and Practice. 10 (12). DOI: 10.30853/ped20250255. Retrieved from: <https://doi.org/10.30853/ped20250255> (date of application: 05.02.2026). (In Russian).
12. Mokhnach, L.V. (2025) [Modern methods of teaching English in a non-linguistic university]. Filologicheskii aspekt = Philological Aspect. Series: Methods of Teaching Language and Literature. 5 (34). Retrieved from: <https://scipress.ru/fam/articles/sovremennye-metodiki-prepodavaniya-anglijskogo-yazyka-v-neyazykovom-vuze.html> (date of application: 26.09.2025). (In Russian).
13. Gabillon, Z. (2022) Integrating Language and Content: A Systematic Review of CLIL Research (2015-2020). Language Teaching Research. 26 (4).
14. Klimenko, E.V. (2022) [Information competencies as a component of foreign language professional communicative competence of future engineers]. Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education. 74 (3), 138-140. (In Russian).

METHODOLOGICAL APPROACHES FOR DEVELOPING GENERAL PROFESSIONAL SKILLS IN WORKING WITH INFORMATION IN A FOREIGN LANGUAGE

T. A. Sirota

The article discusses the problem of improving the quality of professional training for specialists. It attempts to explore the development of information-processing skills in foreign language learning as an important indicator of professional training. The effectiveness of using the competence-based and integrative-activity-based approaches for developing information-processing skills is substantiated.

Key words: skill, working with information, professional training of a journalist, foreign language training.

Поступила в редакцию 23.03.2026 г.

Сирота Татьяна Анатольевна

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры
английского языка для профессиональной
коммуникации,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет», г. Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: t.sirota13@mail.ru

Sirota Tatyana Anatolyevna

Candidate of Pedagogical Sciences Associate
Professor of the Department of English for
Professional Communication,
FSBEI HE "Donetsk State University",
Donetsk, DPR, Russian Federation.
E-mail: t.sirota13@mail.ru

ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОМИКСОВ КАК ВИЗУАЛЬНО-НАРРАТИВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ ПО ПЛАНИМЕТРИИ

© 2026 *Е. И. Скафа, А. С. Веселовская*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

В статье рассматриваются возможности применения комиксов при разработке геймифицированных цифровых образовательных ресурсов по планиметрии. Обосновывается дидактический потенциал комиксного формата как средства визуально-нарративного представления учебного материала и элемента геймификации. Проанализированы цифровые платформы, позволяющие реализовать геймифицированные сценарии обучения геометрии с использованием комиксов. В работе на основе примера авторского интерактивного учебного модуля «Пропавшие признаки равенства треугольников» показана интеграция комиксов и цифровых геймифицированных ресурсов, влияющая на мотивацию школьников к изучению геометрии через систему визуальной поддержки предлагаемой темы.

Ключевые слова: геймификация, цифровые образовательные ресурсы, комиксы, планиметрия, визуальный нарратив.

Введение. В современных условиях цифровизации российского образования наблюдается устойчивый интерес к внедрению цифровых образовательных ресурсов, направленных на повышение эффективности учебного процесса. Цифровые ресурсы становятся неотъемлемой частью уроков математики, в частности геометрии, поскольку они способны визуализировать абстрактные математические объекты, обеспечивать интерактивность и индивидуализацию обучения [11; 12].

Одновременно с этим возрастает потребность в поиске инновационных форм представления учебного содержания в предлагаемых ресурсах, способных стимулировать когнитивную активность школьников, развивать их образное и пространственное мышление, что особенно важно при изучении таких разделов геометрии, как планиметрия.

Современные педагогические исследования подчеркивают значимость визуальных форм подачи информации и применение игровых элементов в обучении для повышения вовлеченности и мотивации обучающихся. Геймификация рассматривается в отечественной педагогической практике как инструмент, способный структурировать образовательную деятельность через игровые механики и визуальные стимулы, способствуя более глубокому усвоению учебного материала. В работе Н.В. Быстровой раскрывается актуальность геймификации как одного из самых эффективных направлений современных образовательных технологий, повышающих познавательную активность, мотивацию и вовлеченность обучающихся. Авторы приводят результаты опроса 215 респондентов 13–22 лет, согласно которым 91,2 % считают использование игр в обучении полностью уместным, а 60 % воспринимают геймификацию как современный тренд [2].

Вместе с этим в научно-педагогической литературе России в настоящее время фиксируется интерес к *образовательным комиксам* как средству визуального и нарративного представления учебного содержания. В ряде отечественных исследований комиксы рассматриваются как вспомогательное дидактическое средство, обладающее потенциалом мотивации, привлечения внимания обучающихся и

поддержки визуального восприятия учебной информации [5; 7; 9; 12]. Более того, отмечают Н. А. Симбирцева и Е. В. Корякина, образовательный потенциал комиксов рассматривается в контексте развития когнитивных навыков и визуального интеллекта учащихся [10]. Однако авторы акцентируют внимание на том, что конкретные методические подходы интеграции комиксов и цифровых геймифицированных ресурсов остаются недостаточно разработанными. Мы согласны с мнением исследователей и отмечаем, что полезно было бы использовать комиксы при разработке цифровых игр по геометрии, особенно на начальном этапе её изучения в 7-х классах.

Действительно, несмотря на наличие теоретических и частичных эмпирических разработок по образовательным комиксам в целом и цифровым образовательным ресурсам по математике, отечественные публикации по вопросу применения комиксов при создании *геймифицированных цифровых образовательных ресурсов* для обучения планиметрии представлены фрагментарно и не дают полного методического обоснования такой интеграции. В частности, отсутствуют системные исследования, характеризующие дидактические подходы к использованию комиксного визуального нарратива как элемента игровых сценариев цифровых ресурсов по планиметрии.

Таким образом, ключевая *нерешенная проблема* состоит в отсутствии научно обоснованных методических приемов применения комиксов при разработке геймифицированных цифровых образовательных ресурсов для обучения планиметрии, что и определяет научную новизну настоящей работы.

Целью статьи является *обоснование дидактического потенциала комиксов как визуально-нарративного элемента цифровых образовательных ресурсов и описание процесса создания одного интерактивного образовательного контента на примере темы «Признаки равенства треугольников» для 7 класса, раскрывающего интеграцию образовательных комиксов и геймифицированных цифровых ресурсов.*

Изложение основного материала. Для реализации поставленной цели предполагается использование современных инструментов искусственного интеллекта и цифровых сервисов при разработке интерактивного образовательного контента. В частности, при создании сюжетной линии и текстового сценария образовательных комиксов планируется применение чат-бота на основе генеративной модели ChatGPT (OpenAI) [3]. Использование технологий искусственного интеллекта в образовательной деятельности рассматривается как перспективное направление цифровизации образования, отмечает Н. В. Иванова, способствующее автоматизации разработки учебных материалов, персонализации обучения и повышению эффективности педагогического проектирования [6].

Для визуализации сюжетов и создания графических изображений комиксов предполагается использование нейросетевых инструментов генерации изображений, включая сервис Gemini (Google). В работе М.В. Дербуш отмечается, что применение нейросетевых технологий генерации изображений позволяет педагогам создавать наглядные дидактические материалы, усиливающие визуализацию учебного содержания и способствующие более эффективному усвоению учебного материала [4].

Комиксы в структуре геймифицированного цифрового образовательного ресурса будут выполнять функцию средства постановки учебной проблемы и организации рефлексии обучающихся. Отечественные исследователи Е. В. Корякина, А. С. Шустров подчеркивают, что включение визуально-сюжетных элементов в образовательный процесс способствует формированию познавательного интереса, активизации мыслительной деятельности и развитию рефлексивных умений обучающихся [8; 15].

Для реализации интерактивного образовательного тестирования и организации геймифицированного взаимодействия обучающихся с учебным материалом предполагается использование цифровой платформы Genially. Н. В. Быстрова и Д. А. Скворцова отмечают, что применение интерактивных цифровых платформ способствует повышению мотивации обучающихся, обеспечивает возможность создания вариативных форм контроля знаний и позволяет реализовать элементы геймификации в образовательном процессе [2; 13].

Таким образом, использование генеративных технологий искусственного интеллекта для разработки сценариев и визуализации комиксов, а также применение интерактивной платформы для создания геймифицированного тестирования, позволяет разработать цифровой образовательный ресурс по планиметрии, в котором комиксы выступают в качестве средства постановки учебной проблемы и организации рефлексии обучающихся, обеспечивая повышение мотивации и эффективности обучения.

Основная часть. В работах последних лет активно рассматриваются вопросы цифровизации математического образования, применения геймификации и использования визуальных средств обучения в цифровой образовательной среде [9]. Исследователи отмечают их значительный потенциал для повышения мотивации обучающихся и эффективности усвоения учебного материала. Вместе с тем анализ научных публикаций показывает, что вопросы комплексного использования комиксов как элемента геймифицированных цифровых образовательных ресурсов при обучении планиметрии разработаны недостаточно полно.

Так, в работе Е.В. Корякиной обосновывается возможность использования комиксов как дидактического средства, способствующего повышению учебной мотивации и формированию устойчивого познавательного интереса обучающихся. Автор отмечает, что комиксы обеспечивают наглядность учебного материала, способствуют облегчению понимания сложных понятий и создают условия для активного включения обучающихся в образовательный процесс. Однако в данной работе комиксы рассматриваются преимущественно как иллюстративное средство и не анализируются в контексте цифровых геймифицированных ресурсов по математике [7].

В исследовании Д.З. Шибковой и О.Б. Пятковой обосновывается высокий потенциал образовательных комиксов как инновационного средства медиаобразования, обеспечивающего эффективное восприятие нового знания современными подростками. Авторы подчёркивают, что комиксы реализуют принцип наглядности на качественно новом уровне, преодолевают познавательные барьеры при изучении сложных абстрактных понятий, повышают мотивацию к обучению и естественным образом ассоциируются у цифрового поколения с реальными жизненными ситуациями [14].

Л.А. Булатова в своем исследовании анализирует возможности цифровых платформ для организации интерактивного обучения математике. Автор отмечает, что цифровые образовательные ресурсы позволяют реализовать принципы наглядности, интерактивности и индивидуализации обучения [1]. Однако вопросы использования комиксов как средства представления математического содержания автором не рассматриваются.

Особый интерес представляет работа М.В. Дербуш, в которой исследуется необходимость подготовки будущих учителей математики к использованию нейросетей для генерации дидактических материалов и предлагается четырёхэтапная технология (теоретический, практический, методический, прикладной). Автор подробно описывает возможности нейросетей по созданию текстов, изображений, презентаций, видео и

решению математических задач [4]. На наш взгляд, такие возможности напрямую применимы к разработке комиксов.

Таким образом, проведенный анализ научных работ показывает, что в отечественной педагогической науке достаточно подробно исследованы отдельные аспекты рассматриваемой проблемы, включая:

- дидактический потенциал комиксов в обучении;
- возможности геймификации образовательного процесса;
- применение цифровых образовательных ресурсов в обучении математике;
- использование технологий искусственного интеллекта при создании образовательного контента.

Вместе с тем анализ научной литературы свидетельствует о недостаточной разработанности вопросов комплексного применения комиксов как элемента геймифицированных цифровых образовательных ресурсов по планиметрии, а также отсутствия методических подходов, основанных на использовании современных технологий искусственного интеллекта для создания образовательных комиксов.

В этом контексте представляется целесообразным рассмотреть созданные интерактивные материалы в среде Genially, Gemini (Google), которые размещены на платформе CoreApp.

Результаты и их обсуждение. Представляем, созданную нами и апробированную в школе Донецкой Народной Республики, одну из разработок, построенных в среде Genially и интегрированных с платформой CoreApp.

Данный ресурс представляет собой интерактивный учебный модуль, названный «Пропавшие признаки равенства треугольников» (рис. 1). Для организации учебной деятельности структура ресурса выстроена в виде последовательного сценария с элементами сюжета, интерактивных заданий и сопровождения виртуальным персонажем – роботом Лео, что позволяет организовать процесс изучения нового материала в форме исследовательской задачи.

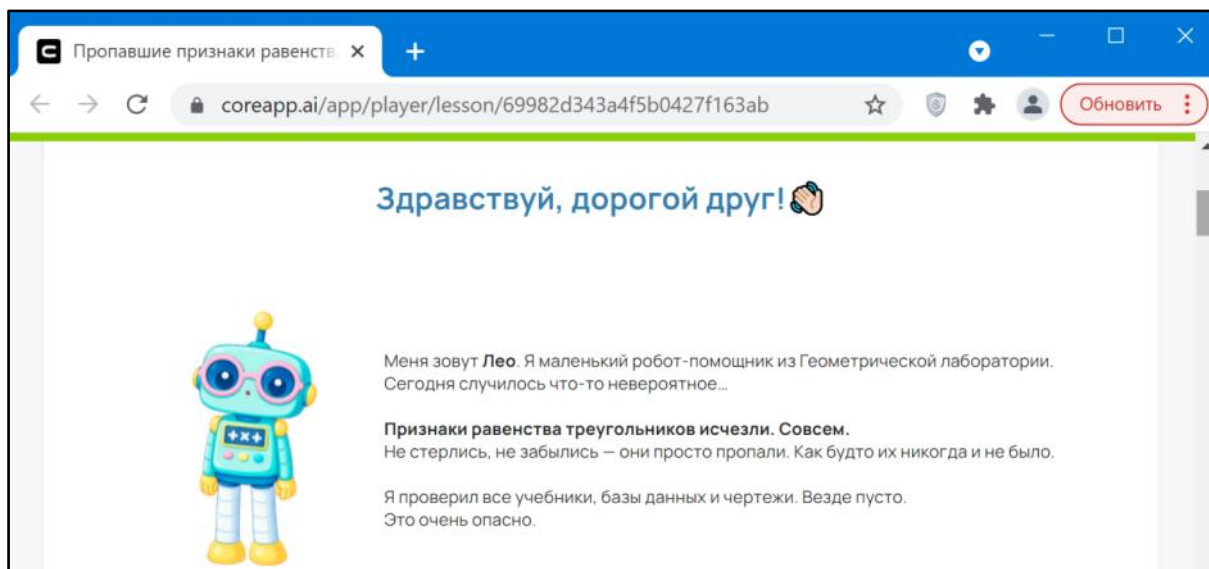

Рис. 1. Заставка интерактивного учебного модуля «Пропавшие признаки равенства треугольников»

На начальном этапе обучающемуся предлагается мотивационный блок, представленный в форме интерактивного комикса «Катастрофа на мосту». В данной сюжетной ситуации возникает проблема: для предотвращения разрушения конструкции необходимо определить, являются ли представленные треугольники равными. Обучающийся знакомится с условиями задачи и получает инструкции от робота Лео (рис. 2). Данный приём соответствует проблемному подходу к обучению. Ученик не получает готовую информацию, а включается в исследовательскую деятельность, направленную на поиск решения. Сюжетная форма способствует формированию внутренней мотивации, поскольку обучающийся принимает на себя роль исследователя, от действий которого зависит решение поставленной задачи.

Рис. 2. Постановка проблемной ситуации с помощью комикса «Катастрофа на мосту»

Использование цифрового персонажа обеспечивает сопровождение учебной деятельности, создаёт эффект диалога и поддерживает познавательный интерес.

После ознакомления с проблемной ситуацией обучающийся переходит к выполнению интерактивных заданий, реализованных в среде Genially и встроенных в платформу CoreApp. Первое задание представляет собой интерактивный чертёж, на котором изображены два треугольника с отмеченными двумя равными сторонами и углом между ними (рис. 3).

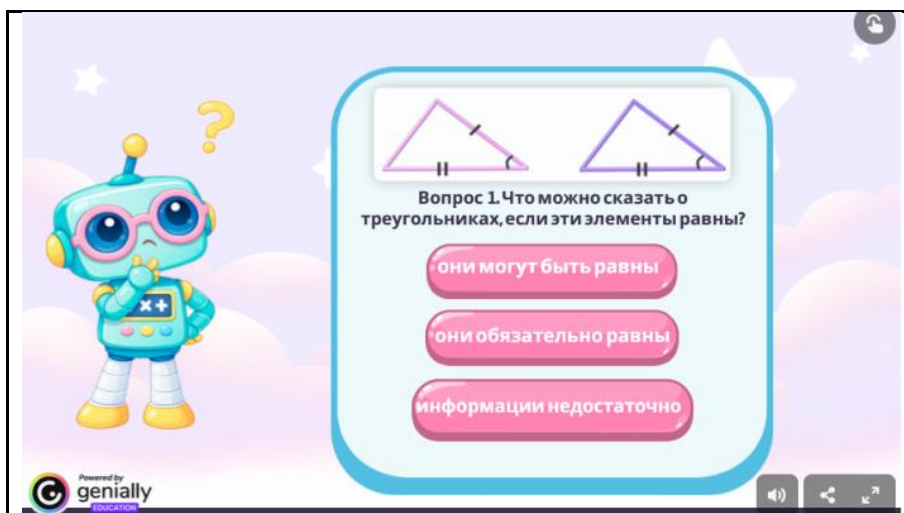

Рис. 3. Поиск формулировки первого признака равенства треугольников

Обучающемуся предлагается определить, можно ли сделать вывод об их равенстве. В результате анализа школьник выбирает вариант ответа и получает обратную связь от виртуального персонажа.

Далее обучающийся переходит к следующему заданию, в котором рассматривается ситуация, когда равны две стороны и угол, не лежащий между ними. Сравнение двух случаев позволяет учащемуся установить, что для равенства треугольников важны не только равные элементы, но и их взаимное расположение. Такой приём реализует исследовательский метод обучения, при котором знание формируется через анализ и сопоставление.

На основе выполненных заданий обучающийся формулирует промежуточный вывод, выбирая правильную формулировку утверждения о равенстве треугольников по двум сторонам и углу между ними. Таким образом обеспечивается самостоятельное открытие первого признака равенства треугольников.

Следующий этап направлен на поиск нового способа установления равенства треугольников. Обучающемуся предлагается интерактивный эксперимент, в котором равны одна сторона и два прилежащих к ней угла (рис. 4). В результате анализа учащийся делает вывод о достаточности данных элементов и выполняет задание на заполнение пропусков, формулируя соответствующее утверждение. Таким образом реализуется самостоятельное формирование второго признака равенства треугольников.

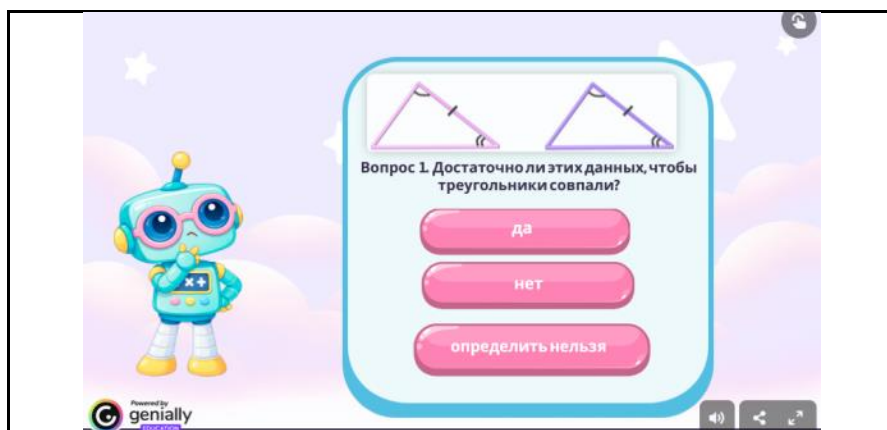

Рис. 4. Формирование второго признака равенства треугольников

Далее обучающийся переходит к заданию на обобщение, в котором рассматривается случай равенства каждой из трёх сторон двух треугольников. Анализ ситуации позволяет учащемуся сделать вывод о том, что равенство трёх сторон однозначно определяет равенство треугольников. Выполнение задания на выбор верного утверждения обеспечивает формирование третьего признака равенства треугольников.

На заключительном этапе обучающемуся предлагается рефлексивное задание, представленное в форме интерактивного комикса «Кулинарный рецепт Пифагора» (рис. 5).

В данном комиксе в образной и доступной форме обобщаются изученные признаки равенства треугольников. После ознакомления с материалом обучающийся должен предоставить обратную связь – прислать скриншот прохождения заданий и отзыв о работе с интерактивным модулем. Такой приём позволяет организовать рефлексию, способствует осмыслению полученных знаний и обеспечивает обратную связь между обучающимся и учителем.

Рис. 5. Рефлексия

Как уже отмечалось ранее, авторский цифровой ресурс был апробирован в ГБОУ «Школа №112 г.о. Донецк» города Донецка Донецкой Народной Республики. На основании полученных результатов нами был сделан вывод о целесообразности

использования подобного контента, о методической важности данной разработки, которая состоит в следующем:

1) *реализации исследовательского метода обучения*. Обучающийся не получает готовые формулировки признаков равенства треугольников, а самостоятельно открывает их в процессе анализа интерактивных моделей и выполнения предлагаемых заданий;

2) *формировании познавательной мотивации*. Использование сюжетной ситуации и цифрового персонажа создаёт эмоциональную вовлечённость и повышает интерес к изучению геометрии;

3) *организации поэтапного формирования знаний*. Последовательность заданий обеспечивает постепенный переход от наблюдения к формулированию обобщений, что соответствует логике формирования понятий в геометрии;

4) *развитии логического и математического мышления*. Задания направлены на развитие умений анализировать, сравнивать, делать выводы и обобщать;

5) *организации рефлексии и обратной связи*. Заключительный рефлексивный этап способствует осмыслению полученных знаний и формирует навыки самооценки учебной деятельности.

Использование среды Genially позволяет реализовать интерактивные элементы, анимацию, сюжетное сопровождение и нелинейную структуру взаимодействия. Интеграция ресурса, созданного на платформе CoreApp, и двух комиксов обеспечивает удобную организацию учебного процесса, контроль выполнения заданий и получение обратной связи. При этом интерактивная форма не подменяет содержание обучения, а выступает средством повышения эффективности усвоения геометрических знаний и формирования познавательной активности обучающихся.

Заключение. В результате проведённого исследования обоснован дидактический потенциал образовательных комиксов как эффективного элемента геймифицированных цифровых образовательных ресурсов при обучении планиметрии. Установлено, что использование комиксов в цифровой образовательной среде способствует повышению учебной мотивации обучающихся, активизации их познавательной деятельности и облегчению понимания абстрактных геометрических понятий за счёт визуализации и сюжетного представления материала. Показано, что включение комиксов на этапе постановки учебной проблемы позволяет реализовать проблемно-исследовательский подход и вовлечь обучающихся в процесс самостоятельного открытия новых знаний.

Разработан интерактивный учебный модуль по теме «Признаки равенства треугольников» с использованием цифровых платформ и технологий искусственного интеллекта, в котором комиксы выполняют мотивационную, обучающую и рефлексивную функции. Установлено, что последовательное выполнение интерактивных заданий в сочетании с сюжетным сопровождением комиксов способствует формированию логического мышления, умений анализа, сравнения и обобщения. Использование цифровых платформ обеспечивает интерактивность, наглядность и возможность организации обратной связи, что повышает эффективность образовательного процесса.

Теоретическая значимость исследования заключается в обосновании методической целесообразности интеграции образовательных комиксов и геймифицированных цифровых ресурсов по математике. Практическая значимость работы состоит в возможности использования разработанного модуля и предложенного подхода в практике преподавания геометрии в основной школе. Полученные результаты могут быть применены при разработке цифровых образовательных

ресурсов по другим темам математики. Перспективы дальнейших исследований связаны с проведением педагогического эксперимента для оценки эффективности предложенного подхода и расширением практики использования комиксов в цифровом математическом образовании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булатова, Л. А. Использование цифровых образовательных ресурсов на уроках математики / Л. А. Булатова, А. Р. Нафикова // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. – 2022. – № 4(65). – С. 37–42.
2. Геймификация в современном образовательном процессе / Н. В. Быстрова, Н. А. Бакулина, А. В. Гнездин, А. В. Угарова // Журнал прикладных исследований. – 2022. – Т. 5, № 6. – С. 416–425. – DOI: 10.47576/2712-7516_2022_6_5_416.
3. Гусева, В.К. Применение чат-ботов в обучении математике в условиях цифровизации образования / В.К. Гусева // Эвристика и дидактика математики : материалы XIII Международной научно-методической дистанционной конференции-конкурса молодых ученых, аспирантов и студентов, Донецк, 24–25 апреля 2024 года. – Донецк : Донецкий национальный университет, 2024. – С. 145–147.
4. Дербуш, М. В. Технология подготовки будущих учителей математики к использованию нейросетей для разработки дидактических материалов / М. В. Дербуш // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 10, № 8. – С. 1206–1215. – DOI: 10.30853/ped20250146.
5. Донина, И. А. Применение образовательных комиксов как условие реализации принципа наглядности в учебном кейсе / И. А. Донина, А. С. Шустров // Педагогический вестник. – 2020. – № 16. – С. 19–22.
6. Иванова, Н. В. Применение искусственного интеллекта в образовании / Н. В. Иванова // Педагогический научный журнал. – 2025. – Т. 8, № 1. – С. 33–36.
7. Корякина, Е. В. Комиксы: в чем состоит ценностный аспект для поколения XXI века? / Е. В. Корякина // Педагогическое образование в условиях цифровизации: вызовы, смыслы, практики: сборник материалов регионального этапа V Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 21–22 октября 2021 года / Под научной редакцией Н.А. Дьячковой. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2022. – С. 222–228.
8. Корякина, Е. В. Web-комикс как практика неформального образования современной молодежи / Е. В. Корякина, Н. А. Симбирцева // Молодежь в меняющемся мире: палитра коммуникаций в медиапространстве : сборник материалов XIII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Екатеринбург, 01–30 апреля 2022 года. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2022. – С. 75–79.
9. Полякова, А. С. Геймификация как средство обучения математике / А. С. Полякова // Преемственность в образовании. – 2019. – № 23(10). – С. 658–660.
10. Симбирцева, Н. А. Художественное своеобразие комикса: образовательный потенциал / Н. А. Симбирцева, Е. В. Корякина // Педагогическое образование в России. – 2021. – № 6. – С. 35–41. – DOI: 10.26170/2079-8717_2021_06_04.
11. Скафа, Е. И. Виртуальные тренажеры обучения решению планиметрических задач / Е. И. Скафа, А. А. Ганжа // Дидактика математики: проблемы и исследования. – 2022. – № 56. – С. 81–86. – DOI: 10.24412/2079-9152-2022-56-81-86.
12. Скафа Е.И. Технология использования социальной сети как учебной платформы по геометрии / Е.И. Скафа, А.А. Ганжа // Человеческий капитал. – 2024. – № 12 (192). – С. 176–185. DOI: 10.25629/НС.2024.12.18
13. Скворцова, Д. А. Из опыта разработки интерактивных плакатов по математике с помощью Genially / Д. А. Скворцова // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы IX Международной научной конференции, Донецк, 15–17 октября 2024 года. – Донецк: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», 2024. – С. 86–88.
14. Шибкова, Д. З. Образовательный комикс как средство медиаобразования для восприятия обучающимися нового знания / Д. З. Шибкова, О. Б. Пяткова // Педагогическое образование в России. – 2021. – № 3. – С. 90–97.
15. Шустров, А. С. Применение образовательных комиксов для повышения эффективности обучения школьников на уроках технологии / А. С. Шустров // Молодежная наука: тенденции развития. – 2019. – № 3. – С. 34–41.

REFERENCES

1. Bulatova L.A. & Nafikova A. R. (2022) [Using digital educational resources in math lessons] *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni M.Akmuly = Bulletin of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla*. 4 (65), 37–42 (In Russian).
2. Bystrova N.V., Bakulina N.A., Gnezdin A.V. & Ugarova A.V. (2022) [Gamification in modern educational process]. *Zhurnal prikladnykh issledovaniy = Journal of Applied Research*. 5 (6), 416–425. doi: 10.47576/2712-7516_2022_6_5_416. (In Russian).
3. Guseva V.K. (2024) [Application of chatbots in teaching mathematics in the context of digitalization of education]. In: *Evrastika i didaktika matematiki: materialy XIII Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi distantsionnoi konferentsii-konkursa molodykh uchenykh, aspirantov i studentov*, Donetsk, 24–25 April 2024. Donetsk: Donetskii natsionalnyi universitet, pp. 145–147. (In Russian).
4. Derbush M.V. (2025) [Technology for training future mathematics teachers to use neural networks for the development of didactic materials]. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki = Pedagogy. Theory & Practice*. 10 (8), 1206–1215. doi: 10.30853/ped20250146. (In Russian).
5. Donina I.A. & Shustrov A.S. (2020) [Use of educational comics as a condition for realisation of the principle of visibility in the study case]. *Pedagogicheskii vestnik = Pedagogical Bulletin*. 16, 19–22. (In Russian).
6. Ivanova N.V. (2025) [Application of artificial intelligence in education]. *Pedagogicheskii nauchnyi zhurnal = Pedagogical Scientific Journal*. 8 (1), 33–36. (In Russian).
7. Koryakina E.V. (2022) [Comics: what is the value aspect for the generation of the xxi century?]. In: *Teologicheskoe obrazovanie v usloviyakh tsifrovizatsii: vyzovy, smysly, praktiki: Sbornik materialov regionalnogo etapa V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Yekaterinburg, 21–22 October 2021. Ed. by N.A. Dyachkova. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, pp. 222–228. (In Russian).
8. Koryakina E.V. & Simbirtseva N.A. (2022) [Web comics as a practice of informational education of modern youth]. In: *Molodezh v menyayushchetsya mire: palitra kommunikatsii v mediaprostranstve: Sbornik materialov XIII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem)*, Yekaterinburg, 01–30 April 2022. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, pp. 75–79. (In Russian).
9. Polyakova A.S. (2019) [Gamification as a means of teaching mathematics]. *Preemstvennost v obrazovanii = Continuity in Education*. 23 (10), 658–660. (In Russian).
10. Simbirtseva N.A. & Koryakina E.V. (2021) [Artistic universality of the comic: educational potential]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical Education in Russia*. 6, 35–41. doi: 10.26170/2079-8717_2021_06_04. (In Russian).
11. Skafa E.I. & Ganzha A.A. (2022) [Virtual educational simulators of a solution to the planimetric problems]. *Didaktika matematiki: problemy i issledovaniya = Didactics of Mathematics: Problems and Research*. 56, 81–86. doi: 10.24412/2079-9152-2022-56-81-86. (In Russian).
12. Skafa E.I. & Ganzha A.A. (2024) [The technology of using the social network as a learning platform for geometry]. *Chelovecheskii kapital = Human Capital*. 12 (192), 176–185. doi: 10.25629HC.2024.12.18. (In Russian).
13. Skvortsova D.A. (2024) [Experience in developing interactive mathematics posters using Genially]. In: *Donetskie chteniya 2024: obrazovanie, nauka, innovatsii, kultura i vyzovy sovremennosti: Materialy IX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, Donetsk, 15–17 October 2024. Donetsk: Donetsk State University, pp. 86–88. (In Russian).
14. Shibkova D.Z. & Pyatkova O.B. (2021) [Educational comics as a media education tool for students' perception of new knowledge]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical Education in Russia*. 3, 90–97. (In Russian).
15. Shustrov A.S. (2019) [Application of educational comics for improving the efficiency of teaching schoolchildren at lessons of technology]. *Molodezhnaya nauka: tendentsii razvitiya = Youth Science: Development Trends*. 3, 34–41. (In Russian).

**DIDACTIC POTENTIAL OF COMICS AS VISUAL AND NARRATIVE ELEMENTS
OF DIGITAL EDUCATIONAL RESOURCES IN PLANIMETRY**

E. I. Skafa, A. S. Veselovskaya

The article discusses the possibilities of using comics in the development of gamified digital educational resources for plane geometry. It substantiates the didactic potential of the comic format as a means of visually-narrative presentation of educational material and an element of gamification. The article analyzes digital platforms that allow for the implementation of gamified geometry learning scenarios using comics. Based on the example of the author's interactive learning module "The Missing Signs of Triangle Equality," the article demonstrates the integration of comics and digital gamified resources, which enhances students' motivation to learn geometry through a visual support system for the proposed topic.

Key words: gamification, digital educational resources, comics, planimetry, visual narrative, basic school.

Поступила в редакцию 12.03.2026 г.

Скафа Елена Ивановна

Доктор педагогических наук, профессор,
заведующий кафедрой высшей математики и
методики преподавания математики,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет», г. Донецк, ДНР, РФ.

E-mail: e.skafa@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8816-8873

Skafa Elena Ivanovna

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Head of the Department of Higher Mathematics
and Methods of Teaching Mathematics.
FSBEI HE "Donetsk State University",
Donetsk, DPR, Russian Federation.

E-mail: e.skafa@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8816-8873

Веселовская Анастасия Станиславовна

Студентка факультета математики и информационных
технологий,

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет», г. Донецк, ДНР, РФ.

E-mail: veselovskayaa@internet.ru

Veselovskaya Anastasiya Stanislavovna

Student of the Faculty of Mathematics and
Information Technology,

FSBEI HE "Donetsk State University",
Donetsk, DPR, Russian Federation.

E-mail: veselovskayaa@internet.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки» принимаются не опубликованные ранее научные работы, содержащие новые результаты исследований в области истории, философии, педагогики. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, учитывая научную значимость и актуальность представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительна, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статьи авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклоненных статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются.

2. Рукопись подается в одном экземпляре (на русском или английском языках), напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объем рукописи, как правило, не должен превышать 15 000 – 20 000 знаков, включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с рукописью на адрес редколлегии (emeljanova.n.n@bk.ru) высылается во вложении полный текст статьи (в формате WORD, Office 97-2010). В случае невозможности передачи в редколлегию рукописи на электронную почту редакции высылается во вложении полный текст статьи в формате pdf.

Основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

Резюме, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи – шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

Текст набирается без автоматической расстановки переносов.

Поля **зеркальные**: верхнее – 30 мм, нижнее – 30 мм, слева – 30 мм, справа – 20 мм. Междустрочный интервал – одинарный.

Абзацный отступ – 1 см.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей структурной схеме:

- Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа).
- **НАЗВАНИЕ** статьи – полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);
- Через строчку: копирайт ©, год (без точки), (три пробела), инициалы и фамилия авторов: полужирный, курсив, выравнивание по левому краю без абзацного отступа (полужирный курсив).
- На следующей строке: официальное название организации (курсивом).
- Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объемом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи

проведенного исследования, а также его основные результаты. *Ключевые слова* (это словосочетание – курсивом) (3–5 слов).

Образец оформления начала статьи

УДК 14+1(091)

ПРИНЦИП ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИИ В ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ ХАЙДЕГГЕРА И СОЛОВЬЕВА

© 2026 *И.И. Иванов*

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

Статья посвящена сравнительному изучению онтологических идей Мартина Хайдеггера и Владимира Соловьева, которые старались преодолеть господствующую в их время философию позитивизма, поставив в центр своих философских учений принцип онтологической дифференции. Хайдеггер показывает, что бытие – это время, базовая характеристика субъекта сознания, присутствия в мире. Соловьев показывает, что бытие – это модус Сущего, каковым является только Бог. Таким образом, онтология Хайдеггера является философией бытийствующего субъекта, присутствия, человека в философско-антропологическом смысле. Онтология же Соловьева вырастает из Сущего (Бога). Имея общий полюс отталкивания, философы создают противоположные системы: в центре одной из них – человек, в центре другой – Бог. Так оба философа преодолели философию позитивизма, создав различные онтологические системы в немецком и русском культурном контексте.

Ключевые слова: Владимир Соловьев, Мартин Хайдеггер, онтология, русская философия, немецкая философия.

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

Заключение: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи в порядке ссылок в тексте (а не в алфавитном порядке) на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю.
Образец

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М. : Наука, 1990. – С. 5–33.
2. Белозерова Е. В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е. В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.
3. Леонтьев А. А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А. А. Леонтьев. – Режим доступа: [http : // genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml](http://genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml) (дата обращения: 25.10.2014).
4. Магера Т. С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т. С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.
5. Методология исследований политического дискурса : [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е. С.] – М. : Мысль, 2000. – 347 с.

– Далее приводится текст на английском языке (10 кегль):

- **REFERENCES** списка литературы,
- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
- инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),
- аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words**: – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

Образец.

THE PRINCIPLE OF ONTOLOGICAL DIFFERENTIATION IN THE PHILOSOPHICAL CONCEPTS OF HEIDEGGER AND SOLOVIEV

I. I. Ivanov

The article is devoted to a comparative study of the ontological ideas of Martin Heidegger and Vladimir Solov'yov, who tried to overcome the dominant philosophy of positivism in their time, placing the principle of ontological differentiation at the center of their philosophical teachings. Heidegger shows that being is time, the basic characteristic of the subject of consciousness, presence in the world. Soloviev shows that being is a mode of Being, which only God is. Thus, Heidegger's ontology is the philosophy of the being subject, presence, man in the philosophical and anthropological sense. Soloviev's ontology grows out of Being (God). Having a common pole of repulsion, philosophers are aware of opposing systems: in the center of one of them - man, in the center of the other - God. Thus, both philosophers overcame the philosophy of positivism, creating various ontological systems in the German and Russian cultural context.

Key words: Vladimir Soloviev, Martin Heidegger, ontology, presence, Russian philosophy, German philosophy

Поступила в редакцию 12.01.2026 г.

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора отдельная таблица):

- Фамилия, имя, отчество всех авторов полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (без выделения).
- Должность (без выделения).
- Адрес электронной почты каждого автора.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

Иванов Иван Иванович Доктор философских наук, профессор. ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ. ORCID: 0000-0000-0000-0000. E-mail: i.ivanov@mail.ru	Ivanov Ivan Ivanovich Doctor of Philosophy, Professor. FSBEI HE "Donetsk State University", Donetsk, RF. ORCID: 0000-0000-0000-0000 E-mail: i.ivanov@mail.ru.
--	--

4. Отдельным файлом подаются сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, учёная степень, учёное звание, место работы, должность, почтовый адрес, телефон, E-mail) – для авторской картотеки «Вестника».

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом фамилия и инициалы автора набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт).

Образец:

Иванов И.И. Принцип онтологической дифференции в философских концепциях Хайдеггера и Соловьева.

Ivanov I.I. The principle of ontological differentiation in the philosophical concepts of Heidegger and Soloviev

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьей подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений

8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

9. Контактная информация:

283001, г. Донецк, пр. Гурова, 14, Кафедра философии (ауд. 509, 510).

Ответственный редактор: Емельянова Наталия Николаевна, д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры философии Донецкого государственного университета (E-mail: emeljanova.n.n@bk.ru).

Ответственный секретарь: Разумный Виталий Витальевич, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры всемирной истории ДонГУ (E-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru).

Научное издание

**Вестник Донецкого национального университета.
Серия Б: Гуманитарные науки**

Научный журнал

2026. – № 2

На русском и английском языках

Технический редактор: *М.В. Фоменко*

Свидетельство о регистрации СМИ № 000076 от 21.11.2016 г.